

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Sobolevskii, Aleksei Ivanovich

ДРЕВНІЙ

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ
ЯЗЫКЪ.

~~~~~  
ФОНЕТИКА.

~~~~~  
ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

А. И. Соболевскаго,

ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульв.

1891.

891.815
5677dr
1972

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe 1891

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1972

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin, DDR
Ag 509/167/72 2638

с 9534103-192

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе.	
Введеніе.....	1— 2
I. Что такое церковно-славянскій языкъ?.....	3—11
II. Источники	12—20
III. Звуки церковно-славянскаго языка.....	21—51
Гласные.....	25
Согласные.....	42
IV. Отношеніе звуковъ церк.-слав.яз. къ звукамъ родствен- ныхъ индо-европейскихъ яз.....	52—85
1. Гласные.....	55
2. Чередованія гласныхъ	62
I. Группа А.....	62
II. Группа Ј.....	68
III. Группа У.....	71
3. Согласные.....	76
V. Обще-славянскія измѣненія звуковъ	86—132
1. Гласные.....	87
Переходъ о и е въ э и ѣ.....	87
Образованіе носовыхъ гласныхъ.....	89
Удлиненіе ѣ и е передъ плавными согласн.	94
Измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ j и мягкихъ со- гласныхъ.....	99
Переходъ ѣ въ и.....	104
Отожествленіе двухъ ѣ.....	105
Стяженіе гласныхъ.....	106
Количество обще-славянскихъ гласныхъ.....	107
2. Согласные.....	108
Переходъ с въ х.....	108
Первое смягченіе гортанныхъ.....	109

IV

Второе смягченіе гортанныхъ	112
Смягченіе свистящихъ	117
Смягченіе зубныхъ.....	118
Смягченіе группы <i>кш</i>	120
Переходъ <i>ј</i> въ <i>л</i>	—
Ассимиляція согласныхъ.....	121
Неорганическіе согласные въ началѣ и серединѣ словъ.....	127
Исчезновеніе начальныхъ согласныхъ.....	129
Исчезновеніе конечныхъ согласныхъ.....	130
VI. Церковно-славянскія измѣненія звуковъ.	133—148
1. Измѣненія въ до-историческую эпоху	133
2. Измѣненія въ историческую эпоху.....	138
Исчезновеніе глухихъ гласныхъ.....	138
Переходъ глухихъ въ чистые.....	140
Образованіе плавныхъ гласныхъ	143
Отожествленіе <i>ь</i> съ <i>з</i>	144
Измѣненія согласныхъ.....	145
Изъ литературы предмета.....	149—153

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наша ученая литература такъ бѣдна трудами по церковно-славянскому языку и то, что имѣется въ ней, оригинальное и переводное, такъ кратко и неполно, что изданіе въ свѣтъ части нашего университетскаго курса не представляется намъ излишнимъ.

Въ своемъ трудѣ мы постоянно имѣемъ въ виду, рядомъ съ церковно-славянскимъ, также русскій языкъ, съ тою цѣлію, чтобы этотъ трудъ могъ быть органически связанъ съ другимъ нашимъ трудомъ—по исторіи русскаго языка.

Мы отнюдь не претендуемъ на новизну и оригинальность взглядовъ и выводовъ. Мы старались воспользоваться всѣми старыми и новыми трудами по славяновѣдѣнію и сравнительному языковѣдѣнію, но воспользовались ими лишь настолько, насколько наши наблюденія надъ исторіею языка позволили намъ согласиться съ выводами ученыхъ.

Спб.
1891 г.

Наблюдения надъ жизнью языка показываютъ, что языкъ съ теченіемъ времени измѣняется въ звукахъ. При этомъ, на основаніи своего собственнаго опыта, мы удостоверяемся, что говорящіе вовсе не хотятъ измѣнять языка и что всѣ измѣненія въ немъ происходятъ помимо ихъ воли. При изслѣдованіи этихъ измѣненій становится яснымъ: 1) что не имѣя желанія измѣнять свой языкъ, мы тѣмъ не менѣе стремимся къ наиболее легкому и удобному для насъ произношенію звуковъ и образованію словъ и формъ, и такимъ образомъ, незамѣтно для себя, измѣняемъ и тѣ и другія, и 2) что измѣненія въ языкѣ бываютъ двойнаго характера.

Въ однихъ случаяхъ звуки словъ и формъ измѣняются постепенно, переходя изъ одного отгѣнка въ другой, въ зависимости отъ измѣненій въ положеніи органовъ рѣчи. Это естественныя измѣненія звуковъ, измѣненія физиологическаго характера. Къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, измѣненіе *к* въ *ч* передъ мягкими гласными: печемъ, 1 л. мн. (корень *пек*).

Въ другихъ случаяхъ измѣненія звуковъ имѣютъ свою причину аналогію, вліяніе однихъ словъ и формъ на другія, и состоятъ въ простой замѣнѣ одного звука другимъ. Такъ, форма род. ед. отъ слова *сынъ* первоначально звучала въ славянскомъ языкѣ съ *у* на концѣ: *сыну*, но съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ многочисленныхъ формъ род. ед. на *а* (*вълка* и т. п.), *у* этой формы было замѣнено черезъ *а*, такъ что образовалась новая форма *сына*. Эти измѣненія — психологическаго характера.

Измѣненія перваго рода въ значительномъ большинствѣ имѣютъ мѣсто во всей массѣ тождественныхъ явленій; такъ, мы находимъ измѣненіе *к* въ *ч* во всѣхъ словахъ славянскаго языка передъ *е*. Такимъ образомъ большинство измѣненій физиологическаго характера подчинено законамъ. Меньшинство этихъ измѣненій наблюдается

лишь в той или другой части тождественныхъ явленій и отличается случайностью; такъ, мы наблюдаемъ рядомъ переходъ *з* въ *ы* передъ *ј* въ добрыи (изъ добръ-ји) и отсутствіе этого перехода въ добрян.

Измѣненія втораго рода отличаются полною случайностью, что впрочемъ не мѣшаетъ имъ иногда имѣть мѣсто въ очень значительномъ количествѣ тождественныхъ явленій. Аналогія препятствуетъ дѣйствию звуковыхъ законовъ и производитъ исключенія изъ этихъ законовъ. Такъ, *у* въ славянскомъ языкѣ никогда не измѣняется въ *а*; но благодаря вліянію формъ род. на *а*, мы видимъ въ формѣ сына звукъ *а* на мѣстѣ *у*.

Должно имѣть въ виду, что законы измѣненія звуковъ не отличаются постоянствомъ. Они въ одномъ и томъ же языкѣ могутъ быть въ различныя эпохи его жизни различными (до извѣстныхъ предѣловъ). Такъ, въ одну, древнѣйшую эпоху жизни славянскаго языка *к* передъ мягкими гласными перешло въ *ч*: печемъ, а въ другую оно при тѣхъ же условіяхъ дало *ц*: пѣци.

Ссылки на Зографское и Маринское Евангелія дѣлаются нами по изданіямъ Ягича, на Саввино Ев. — по изд. Срезневскаго, на Ассеманово Ев. — по изданію Чрнчича, на Синайскіе памятники — по изд. Гейтлера, на Клоцовъ Сборникъ — по изд. Конжтара и (гдѣ буква М) Миклошича, на Супрасльскую рукопись — по изд. Миклошича. *Здѣсь цифры означаютъ страницы.* Прочіе памятники, церковно-славянскіе и средне-болгарскіе, если не указанъ печатный источникъ, цитуются нами по подлинникамъ, и *здѣсь цифра означаетъ листъ* рукописи. Древне-русскіе памятники цитуются нами такъ же, какъ въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

І. Что такое церковно-славянскій языкъ?

Церковно-славянскій, или старо-славянскій, или древне-болгарскій языкъ — тотъ языкъ, на который славянскіе первоучители свв. Кирилъ и Меѳодій перевели съ греческаго книги священнаго писанія и богослужебныя и который, послѣ ихъ кончины, сдѣлался литературнымъ языкомъ болгаръ, сербовъ и русскихъ.

У болгаръ онъ нашелъ себѣ широкое употребленіе въ X вѣкѣ, при царѣ Симеонѣ. Въ это время, въ золотой вѣкъ болгарской письменности, на него было переведено значительное количество произведеній какъ духовной, такъ отчасти и свѣтской византійской литературы и, сверхъ того, на немъ было написано нѣсколько оригинальныхъ произведеній. Послѣ эпохи Симеона, около половины XII вѣка, церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся подѣ влияніемъ живыхъ болгарскихъ говоровъ въ звукахъ, формахъ, словахъ, перешелъ въ такъ называемый средне-болгарскій языкъ. Въ своемъ новомъ видѣ онъ долгое время былъ употребляемъ для новыхъ переводовъ съ греческаго и для оригинальныхъ сочиненій, и значеніе литературнаго языка болгаръ было сохраняемо имъ до XVII столѣтія.

У сербовъ церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся согласно съ особенностями сербскаго языка, былъ употребляемъ какъ литературный языкъ и въ эпоху наибольшаго развитія сербской письменности, въ XIV и XV вѣкахъ, и въ эпоху послѣдующую; даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, прежде чѣмъ укоренилась въ Сербіи реформа Вука Караджича, онъ, съ русскою окраскою, лежалъ въ основаніи сербскаго литературнаго языка.

Русскіе познакомились съ церковно-славянскимъ языкомъ очень рано. Уже первые русскіе христіане пользовались церковно-славян-

скими богослужебными книгами, какъ показываетъ, между прочимъ, папская булла 967 года, упоминающая о славянскомъ богослуженіи у русскихъ; древнѣйшіе дошедшіе до насъ письменные памятники русскихъ — переводы договоровъ съ греками кievскихъ князей Олега 912 г. и Игоря 945 г. — написаны на смѣси церковно-славянскаго языка съ русскимъ, едва ли не священниками-болгарами, жившими въ Кіевѣ. Послѣ принятія христіанства всею Русью при святомъ Владимірѣ, церковно-славянскій языкъ, съ болѣе или менѣе сильною русскою окраскою, сдѣлался русскимъ литературнымъ языкомъ и продолжалъ быть имъ въ теченіе многихъ столѣтій, почти до половины XVIII вѣка. Сверхъ того, значительное количество его звуковыхъ, формальныхъ и словарныхъ особенностей вошло въ языкъ русскаго образованнаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ въ современный русскій литературный языкъ.

Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ былъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій общимъ литературнымъ языкомъ южнаго и восточнаго славянства. Онъ остается до сихъ поръ языкомъ богослуженія у всѣхъ православныхъ славянъ (а равнымъ образомъ у униатовъ и немногихъ католиковъ), и болгары, сербы, русскіе пользуются въ наши дни одними и тѣми же церковно-славянскими богослужебными книгами.

Сообразно съ употребленіемъ у разныхъ славянскихъ племенъ, церковно-славянскій языкъ имѣетъ нѣсколько типовъ.

Собственно церковно-славянскій языкъ, т. е. сравнительно чистый церковно-славянскій языкъ, сохранился въ немногихъ памятникахъ болгарскаго происхожденія, о которыхъ будетъ сказано ниже; этотъ языкъ составляетъ предметъ настоящаго труда.

Церковно-славянскій языкъ, принявшій въ себя особенности болгарскихъ говоровъ XII и послѣдующихъ столѣтій, или церковно-славянскій языкъ болгарскаго извода, находится въ памятникахъ болгарскаго происхожденія, такъ называемыхъ средне-болгарскихъ; изъ нихъ древнѣйшій съ датою относится къ концу XII или къ началу XIII вѣка; это Болонская Псалтырь. Главная характеристическая особенность средне-болгарскихъ текстовъ сравнительно съ собственно церковно-славянскими — мѣна юсовъ, или употребленіе послѣ j и

мягкихъ согласныхъ ж вмѣсто л и на оборотъ— л вмѣсто ж: языкъ вмѣсто языкъ, можж вмѣсто момма (родит. п. ед. женск. р.); любла вмѣсто люблж (1 л. ед. ч.), мод вмѣсто момж (вин. п. ед. ж. р.).

Церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся подъ вліяніемъ особенностей сербскаго языка, или церковно-славянскій языкъ сербскаго извода, находится въ памятникахъ сербскаго происхожденія, изъ которыхъ старшіе съ датами — два Евангелія, Мирославово и Волеа-ново — относятся къ концу XII вѣка. Главныя особенности текстовъ сербскаго извода: употребленіе у (ю) и е вмѣсто церк.-слав. ж и л: рука вмѣсто ржка, языкъ вмѣсто языкъ; употребленіе и вмѣсто церк.-слав. ѡ: бити вмѣсто быти; употребленіе мягкихъ к (ћ) и з (ѣ) вмѣсто церк.-слав. шт (изъ т) и жд (изъ д): свѣжа вмѣсто свѣшта, мею вмѣсто междую.

Церковно-славянскій языкъ, принявшій въ себя особенности русскаго языка, или церковно-славянскій языкъ русскаго извода, является въ огромномъ количествѣ памятниковъ русскаго происхожденія. Древнѣйшіе изъ нихъ съ датами, дошедшіе до насъ въ оригиналахъ, относятся ко второй половинѣ XI вѣка. Это: Остромирово Евангеліе 1056—1057 гт., Святославовъ Сборникъ 1073 года, Святославовъ Сборникъ 1076 года и Архангельское Евангеліе 1092 года. Главныя особенности текстовъ русскаго извода: употребленіе у (ю) и я (а) вмѣсто церк. слав. ж и л: рука вмѣсто ржка, сяду вмѣсто садж, чадю вмѣсто чддо, и употребленіе ж и ч вмѣсто церк.-слав. шт (изъ т) и жд (изъ д): свѣча вмѣсто свѣшта, межю вмѣсто междую.

Кромѣ церковно-славянскаго языка болгарскаго, сербскаго и русскаго изводовъ, нѣкогда существовалъ церковно-славянскій языкъ западно-славянскаго или, точнѣе, моравскаго извода. Онъ сохранился только въ двухъ небольшихъ памятникахъ, писанныхъ глаголицею— въ кievскихъ отрывкахъ, вѣроятно, XI вѣка и въ пражскихъ отрывкахъ, вѣроятно, XI—XII в. и отличается отъ собственно церковно-славянскаго языка главнымъ образомъ употребленіемъ ц и з вмѣсто церк.-слав. шт (изъ т) и жд (изъ д): свѣца вмѣсто свѣшта, мезю вмѣсто междую.

Конечно, церковно-славянскій языкъ принадлежитъ къ славянской группѣ языковъ, слѣдовательно, находится въ ближайшемъ родствѣ съ живыми языками (ново-)болгарскимъ, сербо-хорватскимъ,

словинскимъ, русскимъ, польскимъ, чешско-словенскимъ и лужицкими. Но гдѣ онъ былъ въ живомъ употребленіи и какой вѣтви славянскаго племени принадлежалъ?

Одни изъ славистовъ — особенно словинцы Копитаръ и Миклошичъ — полагаютъ, что онъ былъ языкомъ тѣхъ славянъ, которые въ IX вѣкѣ обитали между Дунаемъ и Дравою, т. е. въ предѣлахъ древней Панноніи, и на которыхъ распространялась проповѣдь Кирилла и Меѳодія. По мнѣнію этихъ ученыхъ, славяне, говорившіе на церковно-славянскомъ языкѣ, были или предки нынѣшнихъ словинцевъ, или славянское племя уже не существующее, ближайшимъ образомъ родственное со словинцами и болгарамъ.

Другіе слависты, по преимуществу русскіе, а также нѣмецъ Шлейхеръ, видятъ въ церковно-славянскомъ языкѣ языкъ солунскихъ славянъ, на которомъ «чисто бесѣдовали» всѣ греки-солунцы, современники Кирилла и Меѳодія, и вмѣстѣ съ ними, конечно, и сами наші первоучители; слѣдовательно, они признаютъ церковно-славянскій языкъ языкомъ древне-болгарскимъ.

Такимъ образомъ вопросъ о родинѣ церковно-славянскаго языка — вопросъ спорный. Для рѣшенія его мы располагаемъ слѣдующими данными.

1) По свидѣтельству древнихъ житій нашихъ первоучителей, извѣстныхъ подъ именемъ паннонскихъ, составленныхъ или ихъ учениками, или людьми ихъ хорошо знавшими, Кириллъ былъ въ Панноніи, во владѣніяхъ князя Коцела, сравнительно небольшое количество времени, проѣздомъ изъ Моравіи въ Римъ; а Меѳодію, хотя онъ и былъ посвященъ папою въ епископы Панноніи, почти совсѣмъ не пришлось жить въ своей епархіи. Они были посланы императоромъ Михаиломъ въ при-дунайскія земли по просьбѣ моравскаго князя Ростислава, дѣйствовали главнымъ образомъ въ Моравіи, во владѣніяхъ Ростислава, и, при переводѣ священнаго писанія и богослужбныхъ книгъ, должны были имѣть въ виду прежде всего жителей Моравіи, предковъ нынѣшнихъ моравянъ и словаковъ. Такимъ образомъ, создавая литературный языкъ славянскій, они не могли имѣть не только основанія, но даже и возможности воспользоваться языкомъ паннонскихъ славянъ и отдать ему предпочтеніе передъ языкомъ своей моравской паствы или передъ хорошо знакомымъ имъ съ дѣтства языкомъ солунскихъ славянъ. Иначе говоръ, приступая

въ переводу священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, первоучители могли выбирать только между моравскимъ говоромъ чешскаго языка и солунскимъ болгарскаго языка.

2) Тѣ же паннонскія житія даютъ намъ понять, что первоучители прибыли въ Моравію съ готовымъ славянскимъ переводомъ нѣкоторой части священнаго писанія и что они докончили переводъ священнаго писанія и богослужебнаго чина вскорѣ по прибытіи къ своей новой паствѣ. Такимъ образомъ оказывается, что евангеліе, апостолъ, псалтырь, служебникъ и требникъ, а вѣроятно, и другія богослужебныя книги, были ими переведены прежде, чѣмъ они могли освоиться съ языкомъ мораванъ, слѣдовательно, на языкъ не мораванъ, а солунскихъ болгаръ. Во всякомъ случаѣ, Кирилль и Меѳодій имѣли уже готовый переводъ священнаго писанія и главныхъ богослужебныхъ книгъ раньше своего посѣщенія Панноніи во время путешествія изъ Моравіи въ Римъ и ознакомленія съ языкомъ паннонскихъ славянъ.

3) Взаимная близость славянскихъ нарѣчій въ эпоху дѣятельности Кирилла и Меѳодія, во второй половинѣ IX вѣка, была еще настолько велика, что безъ сомнѣнія, говорившій на одномъ изъ нихъ могъ свободно понимать говорившаго на другомъ. Въ виду этого славянскимъ первоучителямъ, владѣвшимъ болгарскимъ языкомъ, не было особой надобности учиться языку при-дунайскихъ славянъ и вводить его особенности въ свои болгарскіе тексты. Они могли довольствоваться съ одной стороны — тѣмъ, что сами понимали свою паству, и съ другой — тѣмъ, что паства достаточно понимала ихъ рѣчь в книгахъ. Само собою разумѣется, ученики первоучителей, при-дунайскіе уроженцы, переписывая переведенныя ихъ наставниками книги, могли вносить въ нихъ нѣкоторыя черты своихъ говоровъ, точно такъ же, какъ послѣ сербскіе и русскіе переписчики измѣняли, согласно съ особенностями своихъ языковъ, церковно-славянскіе тексты; но нельзя сомнѣваться, что при-дунайскія черты были и случайны, и малочисленны: въ дошедшихъ до насъ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ мы не находимъ ничего такого, въ чемъ можно было бы признать, съ достаточнымъ вѣроятіемъ, особенность того или другаго изъ при-дунайскихъ говоровъ. Форма повелит. накл. *виэжь* = *виждь*, напоминающая собою древне-чешскую форму *vizь* (*viz*) и находящаяся въ Маріинскомъ Евангеліи, можетъ

быть простою опискою; слова: розьство (Клоцовъ Сборникъ 23, Маріинское Ев. 48) = *рождьство*, невѣзство (Синайск. Псалт. 46) = *невѣждьство*, кажущіяся съ перваго взгляда моравизмами, могутъ быть легко объяснены изъ церковно-славянской фонетики: въ нихъ з могло развиться изъ *жд*, послѣ исчезновенія звука ъ, вслѣдствіе ассимиляціи *жд* съ послѣдующимъ *с*; сравни церк.-слав. бѣство (Ассеман. Ев.), бѣство изъ бѣжьство, церк.-слав. блдннтьство (Супр. рук. 99) изъ блднничьство, древне-русск. розьство, розество (галицкая грамота 1409 г.) изъ рожьство, рязкыи изъ рижьскыи, варязьскыи изъ варяжьскыи и т. п. Во всякомъ случаѣ, з и въ визжь, и въ розьство, и въ невѣзство не можетъ быть признано паннонизмомъ, или словинизмомъ.

4) Языкъ древнихъ церковно-славянскихъ текстовъ, вышедшихъ изъ подъ пера первоучителей (евангелія и псалтыри), не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ языка текстовъ, переведенныхъ послѣ первоучителей въ Болгаріи и дошедшихъ до насъ какъ въ церковно-славянскихъ спискахъ (Клоцовъ Сборникъ, Супрасльская рукопись), такъ въ средне-болгарскихъ и древне-русскихъ. Словарный матеріалъ кирилло-меоодіевскихъ переводовъ — тотъ самый, который находится въ трудахъ жившаго при царѣ Симеонѣ Іоанна Экзарха болгарскаго и въ церковно-славянскихъ переводахъ твореній отцовъ церкви, сдѣланныхъ въ Болгаріи и дошедшихъ до насъ въ древнихъ спискахъ. Среди этого матеріала находится нѣсколько словъ, въ которыхъ сторонники паннонскаго происхожденія церковно-славянскаго языка видятъ паннонизмы. Это *братръ* братъ, *балии* врачъ, *небесьскъ* небесный, *хлжати* просить, *искръ* близъ, *миса* блюдо, *оцѣтъ* укусъ и др. Но эти слова, находящіяся въ древнихъ текстахъ кирилло-меоодіевскаго происхожденія (въ евангеліи и псалтыри), не имѣютъ значенія для рѣшенія вопроса: они сравнительно нерѣдки въ текстахъ происхожденія послѣ-кирилло-меоодіевскаго, появившихся несомнѣнно въ Болгаріи, а нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ; поэтому они могутъ считаться столько же паннонизмами, сколько и болгаризмами. Такъ, слова *братръ* (рядомъ съ *братъ*) и *балии* мы находимъ въ Клоцовомъ Сборникѣ; слово *небесьскъ* встрѣчается въ Клоцовомъ Сборникѣ, въ Супрасльской рукописи, въ Богословіи Іоанна Дамаскина, переведенномъ Іоанномъ Экзархомъ, по русскому списку XII вѣка (*Чтенія* 1878 г. 90, 102,

114, 115), въ Пандектахъ Антіоха по русскому списку XI вѣка (библіотека Воскресенскаго монастыря, листъ 20 об.), въ Словахъ Григорія Богослова по русскому списку XI вѣка, въ толкованіи Θεодорита на псалтырь по русскому списку XI—XII в. (Толковая Псалтырь Имп. Публ. Библ. f. 23, лл. 27, 48, 65); слово *жлпати* находится въ Лѣтвицѣ Іоанна Лѣтвичника по русскому списку XII вѣка (Румянцевскаго Музея); слово *искръ* отмѣчено нами въ Пандектахъ Антіоха по русскому списку XI вѣка (дѣвство *искръ* есть цѣломудрія, 51 об.); слово *миса* принадлежитъ къ числу греческихъ словъ (это латинск. *mensa*, *mēsa*, передѣланное въ византійскомъ греческомъ въ *μήσα, μήσα*), перешедшихъ въ славянскій языкъ, прежде всего, конечно, въ болгарскіе говоры, и существующее до сихъ поръ, въ видѣ *мѣса*, въ болгарскомъ языкѣ; слово *оцѣтъ*, происходящее отъ лат. *acetum*, употребляется, въ видѣ *оцѣтъ*, до нынѣ въ болгарскихъ говорахъ Македоніи, вблизи Солуны.

5) Нѣкоторыя звуковыя особенности церковно-славянскаго языка: смягченіе *т* и *д* въ *шт* и *жд*: свѣшта, между, и частое отсутствіе *ј* передъ начальнымъ *а*: азъ, агода, свойственны исключительно болгарскому языку и неизвѣстны другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, въ томъ числѣ предку или ближайшему родичу языка паннонскихъ славянъ — словинскому; въ послѣднемъ на мѣстѣ церк.-слав. *шт* мы обыкновенно находимъ *ч*: свѣча, и на мѣстѣ церк.-слав. *жд* всего чаще встрѣчается *ј*: пеју; въ немъ нѣтъ словъ безъ *ј*, въ родѣ азъ, агода. Нѣсколько славянскихъ словъ въ мадыарскомъ языкѣ съ *шт* и *жд*: *moštoha* = ц.-слав. *маштеха*, русск. *мачеха*; *pešt* = ц.-слав. *пешть*, русск. *печь*; *gožda* = ц.-слав. *ръжда*, русск. *ржа*, *ржавчина*, — не даютъ основанія думать, что въ какомъ-либо говорѣ славянъ древней Панноніи или ближайшихъ къ ней мѣстъ *т* и *д* смягчались по-болгарски: эти слова (ихъ всего три), вѣроятно, заимствованы мадыарами у болгаръ, которые нѣкогда жили значительно сѣвернѣе, чѣмъ теперь — въ мѣстахъ поселенія нынѣшнихъ румынъ.

Равнымъ образомъ тожество *ъ* и *я*, наблюдаемое нами во всѣхъ глаголическихъ и въ одномъ кирилловскомъ памятникѣ собственно церковно-славянскаго языка, свойственно исключительно нѣкоторымъ болгарскимъ говорамъ и чуждо всѣмъ другимъ славянскимъ языкамъ.

6) Всѣ вообще важнѣйшія звуковыя черты церковно-славянскаго языка находятся въ самой тѣсной связи съ соотвѣтствующими чер-

тами средне-болгарскаго языка. Такъ, церковно-славянскій языкъ обыкновенно отличаетъ носовыя гласныя (юсы) отъ чистыхъ гласныхъ; то же мы видимъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ XII, XIII, XIV вв., между прочимъ въ грамотахъ, писанныхъ на живомъ болгарскомъ языкѣ; остатки носовыхъ гласныхъ сохраняются до нынѣ въ ново-болгарскомъ языкѣ, по преимуществу въ юго-западныхъ македонскихъ говорахъ. Или, въ церковно-славянскомъ языкѣ звукъ, обозначаемый буквою *ъ*, нерѣдко находится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ всѣ другія славянскія нарѣчія, въ томъ числѣ русскій языкъ, имѣютъ *а*, *я*: воля, имен. ед. женск. р., морь, род. ед. средн. р., ѡко = яко; то же мы видимъ въ средне-болгарскомъ языкѣ, между прочимъ въ языкѣ грамотъ царя Иоанна Асѣня первой половины XIII вѣка: Ыдъны, род. ед. муж. р., ѡко = яко, и царя Константина Асѣня второй половины того же вѣка: понавляти = понавляти, царь, род. ед. муж. р. Или, церковно-славянскому языку свойственно такъ называемое смягченіе губныхъ согласныхъ (посредствомъ мягкаго *л*), но не вполне, такъ что въ немъ употребляются рядомъ *люблж* и *любж*, *възлюбленъ* и *възлюбенъ*; то же мы наблюдаемъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ, въ томъ числѣ въ грамотахъ: грамота царя Иоанна Асѣня XIII в.: *куплж*, твор. ед. женск. р., и *земл*, вин. ед. женск. р.

Приведенныя данныя, взятыя вмѣстѣ, на нашъ взглядъ, даютъ право сдѣлать тотъ выводъ, что церковно-славянскій языкъ въ своемъ основаніи есть не что иное, какъ солунскій говоръ древняго болгарскаго языка, говоръ, можетъ быть, съ теченіемъ времени вымершій, можетъ быть, сохраняющійся донынѣ въ остаткахъ, въ смѣшеніи съ другими болгарскими говорами, въ мѣстахъ около родины Кирилла и Меѡдія. Кириллъ и Меѡдій по тѣмъ или другимъ причинамъ (между прочимъ, потому, что будучи греками, они могли не знать всѣхъ его мелкихъ чертъ) не могли или не хотѣли воспользоваться въ своихъ текстахъ всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который находился въ солунскомъ говорѣ, и, можетъ быть, употребивъ однѣ формы, игнорировали другія. Такъ, можетъ быть, взявъ формы косвенныхъ падежей членныхъ прилагательныхъ на *аго*, *ууму* и т. п., они не воспользовались существовавшими рядомъ съ этими формами въ солунскомъ говорѣ формами на *ого*, *ому*; или, употребивъ формы 2 лица ед. ч. па *ши*, они оставили внѣ литературнаго употребленія формы

того же лица на *шь*. Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ кирилло-меоодіевскаго перевода, сдѣлавшійся послѣ кончины первоучителей литературнымъ языкомъ въ Болгаріи, съ самаго начала своего литературнаго употребленія былъ до извѣстной степени отличенъ отъ живаго болгарскаго языка и заключалъ въ себѣ не весь грамматическій (и, конечно, не весь словарный) матеріалъ, который находился въ этомъ послѣднемъ.

Современники первоучителей, употреблявшіе церковно-славянскій языкъ, именовали себя *с л о в ѣ н а м и* (имен. ед. словѣннѣ, им. мн. словѣне), названіемъ, употреблявшимся въ древности и употребляющимся теперь у многихъ славянскихъ племенъ (у новгородскихъ русскихъ, у моравскихъ словаковъ, у паннонскихъ словинцевъ); отсюда древнее названіе этого языка *с л о в ѣ н ь с к ѣ*, находящееся въ паннонскихъ житіяхъ Кирилла и Меоодія, у Іоанна Эварха болгарскаго, у переводчика Толковой Псалтыри Феодорита и у другихъ древнихъ болгаръ, перешедшее отъ нихъ къ русскимъ и у этихъ послѣднихъ передѣланное сперва, въ XVI в., подъ вліяніемъ словъ сходнаго образованія, — въ словянскій (словяне изъ словѣне — по образцу горожане, римляне; лѣтописные своды и хронографы XVI и XVII вв.), потомъ, подъ вліяніемъ неосновательнаго сближенія съ словомъ *слава*, — въ славянскій.

II. Источники.

Собственно церковно славянскій языкъ дошелъ до насъ въ небольшомъ количествѣ памятниковъ, изъ которыхъ одни писаны кириллицею, другіе глаголицею. И тѣ, и другіе представляютъ собою жалкіе остатки нѣкогда, безъ сомнѣнія, обширной двухъ-азбучной древне-болгарской письменности, случайно сохраненные судьбою отъ гибели въ разныхъ мѣстахъ внѣ предѣловъ своей родины и дошедшіе до насъ въ самомъ неприглядномъ видѣ: въ отрывкахъ, безъ начала, безъ конца, съ вырванными листами. Большая часть этихъ собственно церковно-славянскихъ памятниковъ отличается малымъ форматомъ, сравнительно мелкимъ письмомъ, чуждымъ всякой претензіи на изящество, скудостью или отсутствіемъ украшеній, что бросается въ глаза всякому, кто знакомъ съ роскошными памятниками древне-русской письменности XI и XII вв., въ родѣ Остромирова и Мстиславова Евангелій. Только одна Супрасльская рукопись имѣетъ сравнительно богатую внѣшность: она писана въ малый листъ, крупнымъ, четкимъ и красивымъ уставомъ; она даетъ намъ возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе о тѣхъ погибшихъ церковно-славянскихъ рукописяхъ, которыя послужили образцами для рукописей древне-русскихъ.

Три изъ сохранившихся собственно церковно-славянскихъ памятниковъ — евангелія; одинъ представляетъ собою отрывокъ евангелія; одинъ — псалтырь; въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ текстами, несомнѣнно принадлежащими перу нашихъ первоучителей, разумѣется, значительно (особенно въ правописаніи) измѣненными при перепискѣ. Далѣе, одинъ памятникъ представляетъ собою часть требника, именно молитвы при разныхъ мелкихъ чинопослѣдованіяхъ: при постриженіи волосъ младенцу, при побратимствѣ, при посадкѣ винограда, надъ съѣвшимъ скверное, надъ страдающими разными недугами.

гами и т. п. Хотя главные чинопослѣдованія требника, безъ сомнѣнія, были переведены Кирилломъ, но дошедшій до насъ текстъ, вѣроятно, не принадлежитъ ему и переведенъ послѣ него, въ Болгаріи. Далѣе, три памятника заключаютъ въ себѣ переводы житій святыхъ и твореній св. отцовъ; одинъ изъ нихъ — такъ называемая мѣсячная минея - четья; другой, вѣроятно, отрывокъ изъ минеи или какого-либо сходнаго съ минеею сборника; въ нихъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права видѣть трудъ первоучителей; это, конечно, — памятники переводческой дѣятельности послѣдующей эпохи, вѣка царя Симеона.

Итакъ, собственно церковно-славянскихъ памятниковъ дошло до насъ 9. Они называются:

1) **Зографское Евангеліе.** Это — евангеліе-тетръ (расположенное по евангелистамъ). Оно писано глаголицею на 340 листахъ, безъ начала и многихъ листовъ въ серединѣ; изъ числа утраченныхъ листовъ 17 (съ 41 по 57) еще въ древности были пополнены новыми листами, съ глаголическимъ письмомъ и съ небольшимъ количествомъ средне-болгарскихъ особенностей въ языкѣ. Зографское Евангеліе издревле, по меньшей мѣрѣ съ XIV вѣка, до недавняго времени находилось въ библиотекѣ болгарскаго Зографскаго монастыря на Аѳонѣ; теперь хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Этотъ памятникъ изданъ Ягичемъ въ Берлинѣ въ 1879 г.

2) **Саввино Евангеліе.** Это — евангеліе-апракосъ, т. е. расположенное по недѣлямъ, безъ начала и конца, дополненное русскими прибавленіями XI и XIV вв., которыя указываютъ на нахожденіе его издавна въ Россіи. Оно писано кириллицею на 129 листахъ и имѣетъ приписку, писанную какимъ-то попомъ Саввою (не писцомъ); нѣкогда принадлежало Середкину монастырю подъ Псковомъ; въ настоящее время хранится въ Московской Типографской Библиотекѣ, подъ № 15. Этотъ памятникъ изданъ Срезневскимъ въ Петербургѣ въ 1868 г.

3) **Ассеманово, или Ватиканское Евангеліе.** Это — также евангеліе-апракосъ, безъ конца (вѣроятно безъ одного послѣдняго листа), писанное глаголицею, на 159 листахъ. Оно было приобрѣтено нѣкимъ Ассеманомъ въ Иерусалимѣ въ 1736 году отъ лица славянскаго происхожденія; теперь хранится въ Ватиканской библиотекѣ, подъ № 3. Судя по упоминанію въ его календарѣ о Несторѣ Солунскомъ, Дими-

три Солунскомъ, Теодоръ Солунской, Климентъ епископъ Величскомъ, Тимоѳеѣ, Теодоръ и Евсевіи Струмицкихъ, мѣстныхъ святыхъ Македоніи, писецъ этого памятника былъ родомъ изъ Македоніи, изъ мѣстъ не вдалекѣ отъ Солуны. Ассеманово Евангеліе издано въ первый разъ Рачкимъ въ Загребѣ въ 1865 г. (глаголицею), во второй Черничемъ въ Римѣ въ 1878 г. (въ латинской транскрипціи).

4) **Евангельскіе Листки Ундольскаго.** Это—отрывокъ изъ евангелія-апракосъ, состоящій всего изъ 2 листовъ, писанный кириллицею. Листки принадлежали покойному русскому библиографу Ундольскому, послѣ котораго, вмѣстѣ со всею его рукописною бібліотекою, поступили въ Московскій Публичный Музей, гдѣ хранятся подъ № 961. Они изданы Срезневскимъ въ Петербургѣ въ 1868 г.

5) **Синайская Псалтырь.** Этотъ памятникъ писанъ глаголицею на 177 листахъ и дошелъ до насъ безъ конца. Онъ хранится въ бібліотекѣ монастыря св. Екатерины на Синаѣ, подъ № 38 Изданъ Гейтлеромъ въ Загребѣ въ 1883 г.

6) **Синайскій Требникъ.** Это—остатокъ большой рукописи, писанной глаголицею, лишенный начала (гдѣ было около 152 листовъ) и конца, содержащій въ себѣ 106 листовъ и хранящійся въ томъ же монастырѣ св. Екатерины, подъ № 37. Отрывокъ его, въ три листа, былъ вывезенъ съ Синая епископомъ Порфиріемъ и теперь находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Требникъ изданъ Гейтлеромъ въ Загребѣ въ 1882 г.

7) **Клоцовъ Сборникъ.** Это—также остатокъ большой рукописи, писанной глаголицею, состоящій изъ 13 листовъ. Онъ принадлежалъ въ XV вѣкѣ владѣльцу острова Крка (у береговъ Далматіи) графу Франкопану; послѣ, въ количествѣ 12 листовъ, былъ въ рукахъ графа Клоца въ Тридентѣ. 13-й листъ былъ отысканъ въ недавнее время Миклошичемъ. Сборникъ, вѣроятно, состоялъ изъ житій святыхъ и поученій, и сохранившійся остатокъ заключаетъ въ себѣ одно цѣлое слово и два отрывка словъ Іоанна Златоустаго и отрывокъ слова Епифанія Кипрскаго. Этотъ памятникъ изданъ Копитаромъ въ Вѣнѣ въ 1836 г.

8) **Супрасльская Рукопись.** Это—минее-четыа за мѣсяць мартъ, безъ начала и конца, писанная кириллицею на 285 листахъ и заключающая въ себѣ 24 житія святыхъ, 20 словъ Іоанна Златоустаго, одно слово Епифанія Кипрскаго и одно патриарха Фотія. Полная.

рукопись нѣкогда принадлежала Супрасльскому монастырю, близъ Бѣлостока, изъ котораго была выдана для изслѣдованія униатскому канонику въ Вильнѣ Бобровскому и потомъ перешла въ собственность разныхъ лицъ. Значительная часть ея находилась въ рукахъ извѣстнаго Копитара и послѣ него поступила въ библиотечку Люблинской гимназіи; другая часть попала въ библиотечку графа Замойскаго въ Варшавѣ; двѣ тетради (16 листовъ) составляютъ собственность академика Бычкова. Супрасльская рукопись вся напечатана Миклошичемъ въ Вѣнѣ въ 1851 г., а отрывокъ, принадлежащій Бычкову, сверхъ того, изданъ въ фотолитографированномъ снимкѣ Обществомъ древней письменности (подъ № 49).

9) **Хиландарскіе Листки.** Это—два сильно пострадавшіе отъ времени листа, писанные кириллицею и содержащіе въ себѣ два отрывка изъ словъ Кирилла Іерусалимскаго. Они прежде принадлежали Хиландарскому монастырю на Аѳонѣ, откуда въ сороковыхъ годахъ перешли къ покойному слависту Григоровичу; а въ настоящее время хранятся въ библиотекѣ Новороссійскаго университета, подъ № 23. Они изданы, между прочимъ, Срезневскимъ въ 1868 г.

Къ этимъ девяти памятникамъ должно присоединить еще два, равные съ ними по важности для изученія церковно-славянскаго языка:

1) **Великолѣнное Остромирово Евангеліе** 1056 — 1057 гг., апракосъ, написанное на 294 листахъ большаго формата и хранящееся теперь въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Это—памятникъ русскаго извода, заключающій въ себѣ значительное количество несомнѣнныхъ, не безъ послѣдовательности проведенныхъ руссизмовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющій много чертъ своего церковно-славянскаго оригинала. Послѣдній былъ едва ли не древнѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ собственно церковно-славянскихъ текстовъ. Вслѣдствіе этого Остромирово Ев. имѣетъ такія архаическія особенности церковно-славянскаго языка, какія или не встрѣчаются ни въ одномъ собственно церковно-славянскомъ памятникѣ: *имаамъ*, *имааши* и т. д. съ двумя *а* (53 раза), или рѣдки въ собственно церковно-славянскихъ памятникахъ (имперфектъ на *аахъ* и др.). Остромирово Евангеліе издано въ первый разъ Востоковымъ въ Петербургѣ въ 1843 г., во второй и третій — Савинковымъ въ Петербургѣ въ 1883 и въ 1889 гг. (въ фотолитографированномъ снимкѣ).

2) **Маринское**, или Аеонское, или Григоровичево Евангеліе. Это— евангеліе-тетръ, писанное глаголицею, безъ начала и конца. Оно нѣкогда находилось въ скитѣ Пресвятой Богородицы на Аеонѣ, откуда два листа перешли въ собственность австрійскаго консула въ Константинополь Михаевича, а остальная часть рукописи къ Григоровичу. Въ настоящее время указанные два листа принадлежатъ Миклошичу, а остальные 171 хранятся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, подъ № 1683. Этотъ памятникъ въ древности былъ въ рукахъ сербовъ, какъ видно изъ кирилловскихъ приписокъ на поляхъ. Нѣкоторое количество сербизмовъ (оу вмѣсто ж и на оборотъ) показываетъ, что рукопись была написана сербомъ и принадлежитъ къ числу памятниковъ сербскаго извода. Это не мѣшаетъ Маринскому Евангелію сохранять много особенностей своего церковно-славянскаго оригинала, между прочимъ такихъ, которыя очень рѣдки въ другихъ церковно-славянскихъ текстахъ (поставиты и, вѣдасты и и т. п. формы 3-го лица съ *ы* изъ *ѡ*). Этотъ памятникъ изданъ Ягичемъ въ Петербургѣ въ 1883 г.

Остромирово Евангеліе несомнѣнно относится къ половинѣ XI вѣка. Что до названныхъ нами собственно церковно-славянскихъ текстовъ, то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ никакой хронологической даты. Время, позже котораго они не могли быть написаны, можно опредѣлить приблизительно. Старшіе памятники болгарскаго происхожденія (кирилловскіе), означенные годомъ, относятся къ концу XII — началу XIII в.; они уже имѣютъ въ своемъ языкѣ главную средне-болгарскую особенность — мѣну юсовъ. По сравненію съ ними и кирилловскіе, и глаголическіе церковно-славянскіе памятники представляются болѣе древними, и потому они должны быть отнесены ко времени не позже половины XII в. Но время, раньше котораго эти памятники не могли быть написаны, по неизбѣннѣ данныхъ, сколько-нибудь точно опредѣлить невозможно. Впрочемъ едва ли позволительно сомнѣваться, что они относятся къ XI вѣку или началу XII в.

Такимъ образомъ дошедшіе до насъ собственно церковно-славянскіе памятники могутъ быть считаемы написанными приблизительно между концомъ X и половиною XII столѣтій. Если основываться на особенностяхъ ихъ языка (которыя въ данномъ случаѣ мало надежная опора: изъ двухъ переписчиковъ, писавшихъ одновременно,

одинъ могъ подновлять свой оригиналь, другой—оставлять его почти безъ измѣненія), Зографское и Саввино Евангелія, оба съ малымъ количествомъ случаевъ употребленія *o* или *e* на мѣстѣ *ъ* или *ь*, увидѣли свѣтъ раньше Ассеманова Евангелія, обоихъ синайскихъ рукописей, Клоцова и Супрасльскаго сборниковъ. О Листкахъ Ундольскаго и Хиландарскихъ, въ виду незначительности ихъ объема, нельзя сказать ничего опредѣленнаго, но первые, кажется, могутъ быть причислены къ старшей группѣ.

Ни одинъ изъ собственно церковно-славянскихъ памятниковъ не сохранилъ намъ во всей полнотѣ и чистотѣ первоначальнаго кирилло-меоодіевскаго языка и правописанія. Ни въ одномъ изъ нихъ мы не находимъ языка и правописанія тождественныхъ съ языкомъ и правописанія другаго; иначе говоря, всѣ эти памятники имѣютъ небольшія отличія другъ отъ друга въ употребленіи *ъ*, *з*, твердаго *л* передъ *ж*, мягкаго *л* при губныхъ, архаическихъ формахъ *аориста* и т. п.; при этомъ Супрасльская рукопись имѣетъ наибольшее количество отличій сравнительно съ другими. Несомнѣнно, въ собственно церковно-славянскихъ памятникахъ мы имѣемъ дѣло съ кирилло-меоодіевскимъ языкомъ, измѣнившимся подъ перомъ переводчиковъ и переписчиковъ и подъ вліяніемъ живыхъ говоровъ Болгаріи X — XI — XII вв., т. е. съ одной стороны принявшимъ въ себя такія черты, которыя во времена первоучителей ему еще не были свойственны (какъ замѣна *ъ* и *ь* черезъ *o* и *e*), съ другой — утратившимъ нѣкоторыя изъ особенностей, принадлежавшихъ ему въ кирилло-меоодіевскую эпоху. Вслѣдствіе этого собственно церковно-славянскіе памятники вмѣстѣ съ Остромировымъ и Маріинскимъ Евангеліями не даютъ отвѣта на многіе вопросы о церковно-славянскомъ языкѣ; напримѣръ, на основаніи однихъ этихъ памятниковъ мы не можемъ опредѣлить, какъ первоначально произносилось по церковно-славянски: *брати*, или *бърати*, или *бзрати*; *мрж*, или *мърж*, или *мърж*; *деснъ*, или *деснъ*, или *деснъ*.

Отвѣтъ, конечно, не на всѣ, но лишь на нѣкоторые изъ подобныхъ вопросовъ, можетъ быть данъ при помощи памятниковъ не принадлежащихъ къ числу собственно церковно-славянскихъ.

Кромѣ собственно церковно-славянскихъ памятниковъ, въ той или другой степени важны для изученія церковно-славянскаго языка многіе памятники разныхъ изводовъ, особенно болгарскаго и русскаго.

Изъ многочисленныхъ памятниковъ болгарскаго извода, или среднеболгарскихъ, имѣютъ особенное значеніе древнѣйшіе, XII и XIII вѣковъ, такъ какъ ихъ языкъ лишь очень немногимъ (главнымъ образомъ взаимною мѣною юсовъ) отличается отъ языка памятниковъ собственно церковно-славянскихъ и особенности ихъ письма и правописанія нерѣдко проливаютъ свѣтъ на значеніе разныхъ особенностей церковно-славянскихъ текстовъ. Къ числу этихъ среднеболгарскихъ памятниковъ, писанныхъ, безъ сомнѣнія, въ тѣхъ же мѣстахъ Болгаріи, гдѣ писаны и собственно церковно-славянскіе тексты,— принадлежатъ, между прочимъ: 1) Евангеліе Григоровича XII в. (Московскій Публичный Музей, № 1690), 2) Охридскій Апостолъ XII в. (тамъ же), 3) Слѣпченскій Апостолъ XII в. (Публичная Библиотека), 4) Македонскій Апостолъ XIII в. (Чешскій Музей), 5) Болонская Псалтырь конца XII или начала XIII в. (библиотека Болонскаго университета) и 6) Паремейникъ Григоровича XII—XIII в. (Московскій Публичный Музей).

Изъ еще болѣе многочисленныхъ памятниковъ русскаго извода наиболѣе важны тѣ, въ которыхъ сохранилось много чертъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ и которыхъ языкъ въ той или другой степени уклоняется отъ обычнаго славяно-русскаго типа. Это — 1) Святославовъ Сборникъ 1073 г., 2) Святославовъ Сборникъ 1076 г., 3) Слова Григорія Богослова XI в., 4) Пандекты Антіоха XI в., 5) Реймское Евангеліе XI в., 6) Лѣствица Іоанна Лѣствичника XII в. (Московскій Румянцевскій Музей, № 198).

Но особенно важны древнѣйшіе списки русскихъ нотныхъ книгъ (болгарскихъ и сербскихъ нотныхъ книгъ, сколько мы знаемъ, не сохранилось).

Это—обыкновенныя богослужебныя книги, содержащія въ себѣ разнаго рода богослужебныя пѣснопѣнія православной церкви и приспособленныя къ употребленію пѣвцами: пѣснопѣнія въ нихъ положены на ноты. Едва ли можно сомнѣваться, что приспособленіе ихъ для пѣнія сдѣлано вскорѣ послѣ утвержденія христіанства въ Болгаріи, не позже эпохи царя Симеона, во всякомъ случаѣ еще въ ту пору, когда церковно-славянскій языкъ сохранялъ во всей полнотѣ свои гласные звуки. Точно также едва ли можно сомнѣваться, что соединенный съ нотами церковно-славянскій текстъ, за все время своего употребленія въ Болгаріи, не потерпѣлъ никакихъ сколько

сначала священникомъ, а потомъ епископомъ въ Болгаріи. Оно дошло до насъ въ большомъ количествѣ русскихъ списковъ, изъ которыхъ старшій (Московской Синодальной Библіотеки) — XII в., съ измѣненнымъ правописаніемъ; но возстановленіе послѣдняго дѣло нетрудное. Размѣръ этого произведенія — шестистопный амбъ, утратившій у грековъ византійской эпохи свой древній характеръ и имѣвшій въ своемъ основаніи единственно условное признаніе однихъ буквъ (не звуковъ: византійцы уже не знали различія звуковъ по количеству) за долгія, другихъ за краткія, третьихъ за обоюдныя. Вслѣдствіе этого размѣръ стихотворенія Константина заключается лишь въ томъ, что каждый стихъ состоитъ изъ 12 слоговъ, въ всякой связи съ удареніемъ. Изъ него мы можемъ видѣть то же, что и изъ нотныхъ книгъ, т. е. сколько слоговъ или гласныхъ звуковъ заключалось въ извѣстномъ церковно-славянскомъ словѣ въ древнѣйшую эпоху историческаго существованія церковно-славянскаго языка, эпоху жизни учениковъ славянскихъ первоучителей. Сверхъ того, стихотвореніе Константина замѣчательно тѣмъ, что оно написано съ акростихомъ; именно, каждый его стихъ начинается отдѣльною буквою славянской азбуки, въ обычномъ ея порядкѣ. Вотъ начало этого стихотворенія въ нашемъ возстановленіи:

Азъ словомъ симъ молюся Богу:
Боже всемъ твари и зиждителю
Видимымъ и невидимымъ.
Господа Духа пошлѣ живаштаго,
Да въдъхнеть въ сердце ми слово....

Нѣсколько другихъ подобныхъ стихотвореній, написанныхъ съ тѣмъ же азбучнымъ акростихомъ и потому называемыхъ толковыми азбуками, не имѣють для насъ большого значенія. Они находятся въ большомъ количествѣ русскихъ рукописей поздняго времени (не раньше конца XV в.), гдѣ нерѣдко приписываются «Константину Философу», т. е. первоучителю Кириллу. Текстъ ихъ уже настолько искаженъ переписчиками, что возстановленіе его возможно лишь для небольшого количества стиховъ. Послѣдніе показываютъ, что эти стихотворенія составлены приблизительно въ одно время съ стихотвореніемъ Константина и имѣють одинакій съ нимъ языкъ и размѣръ.

III. Звуки церковно-славянскаго языка.

Одна часть церковно-славянскихъ памятниковъ писана кириллицею, другая глаголицею. Трудно рѣшить, которая изъ этихъ двухъ древнихъ азбукъ была употребляема Кирилломъ и Меѳодіемъ. То обстоятельство, что единственные два памятника моравскаго извода — глаголическіе, какъ будто свидѣтельствуетъ объ употребленіи глаголицы на мѣстѣ апостольскихъ подвиговъ первоучителей въ Моравіи и такимъ образомъ много говоритъ въ пользу этой азбуки какъ азбуки первоучителей; на оборотъ, слова мниха Храбра, заставшаго еще въ живыхъ тѣхъ лицъ, которые видѣли Кирилла и Меѳодія, и перечислившаго буквы, взятая изъ греческаго алфавита, и буквы, изобрѣтенныя Кирилломъ для исключительно славянскихъ звуковъ, прямо указываютъ на употребленіе первоучителями кириллицы. Равнымъ образомъ трудно рѣшить вопросъ о сравнительной древности и взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ азбукъ.

Кириллица, безъ сомнѣнія, есть не что иное, какъ пополненное нѣсколькими новыми буквами греческое уставное письмо того типа. въ какомъ оно является въ рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ IX и X, отчасти XI вѣковъ (старшая изъ нихъ, дошедшая до насъ съ датой, — Псалтырь 862 года; младшая относится къ 1118—1143 году). Кирилловскія буквы для звуковъ общихъ славянскому языку съ греческимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ не только сходны, но иногда даже тождественны съ соотвѣтствующими имъ греческими (напримѣръ, въ Псалтыри 862 года). Что до кирилловскихъ буквъ для звуковъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ греческому языку, то относительно е можно съ рѣшительностію сказать, что это одна изъ разновидностей β, встрѣчающаяся въ греческихъ рукописяхъ (напримѣръ, въ Псалтыри

862 г. и въ Евангеліи 995 года); *ѣ* или *з*, позже *з* (зѣло),—конечно, видоизмѣненіе *з*; *ж* по всей вѣроятности восходить къ *ѣ*, утратившему свою нижнюю часть и получившему, въ интересахъ симметріи, продолженіе верхней черты; *ц* и *ш* очень сходны съ еврейскими *צ* (цадэ) и *ש* (шинъ) и, вѣроятно, восходятъ къ этимъ послѣднимъ (палеографическая таблица, сдѣланная Хвольсономъ, при его «Сборникѣ еврейскихъ надписей», Спб. 1884, показываетъ, что евр. *ш* въ IX—X вв. иногда писалось почти тождественно съ кирилл. *ш*); *у*, вѣроятно, восходить къ *ц* (которое въ Супрасльской рукописи пишется все въ строкѣ, сходно съ нашею цифрой 4); *щ*—безъ сомнѣнія, вязь (соединеніе) *ш* и *т* (рядомъ съ нимъ, но рѣже встрѣчается другая вязь тѣхъ же буквъ—*ш* съ надписаннымъ надъ нимъ *т*, между прочимъ въ Савв. Ев., Супрасл. рук., др.-р. Словахъ Григорія Богослова XI в. и др.-р. Пугачиной Минеѣ XI в.); *ю*—сокращеніе *юу*=греч. *ιου*; изъ остальныхъ буквъ *ъ*, *ь*, *ѣ* должны восходить къ одному и тому же знаку, а *ж* долженъ быть видоизмѣненіемъ *л* (промежуточная ступень—*ж*, у котораго нижняя половина тождественна съ *л*, въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г. и въ др.-р. Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.).

Глаголическія буквы въ полномъ ихъ составѣ не имѣютъ по своему типу ничего сходнаго ни съ одною изъ извѣстныхъ азбукъ. Изъ многочисленныхъ попытокъ ученыхъ указать источникъ глаголицы ни одну нельзя признать достаточно удачною. Новѣйшая попытка произвести глаголицу отъ греческой скорописи IX в. (точнѣе: отъ такъ называемаго минускульнаго письма), сдѣланная Тейлоромъ и подхваченная Ягичемъ, на нашъ взглядъ такъ же неудачна, какъ и другія. Помимо того, что глаголица уставное письмо и что уже по одному этому затруднительно считать ея источникомъ скорописи, должно имѣть въ виду, что значительное большинство глаголическихъ буквъ не обнаруживаетъ сколько-нибудь близкаго сходства съ греческими скорописными и что въ этомъ случаѣ Тейлору и Ягичу не помогаютъ ни сочиненіе не встрѣчающихся въ греческой скорописи вязей (соединеній нѣсколькихъ буквъ въ одно начертаніе), ни грубая натяжка, въ родѣ производствъ глаголическаго *б* изъ греч. *μβ*, *ж* изъ *ϑϑ*, *з* изъ *ϑ*, *ц* изъ *ζ*, *ч* изъ *τσς*, *ш* изъ *σσ* и т. д.: греки, первые начавшіе передавать славянскіе звуки греческими буквами и бывшіе, безъ сомнѣнія, учителями славянъ, въ IX—X вв. держались уже

извѣстной системы и довольно послѣдовательно передавали слав. б черезъ свое β (у Константина Багрянороднаго: βούλαρος, Βορίσης и др.; срв. передачу греческаго β черезъ слав. б: рабби Зографск. Ев. 74, Бера фрачскааго, Библа града Свят. Сборн. 1073 г. 263, 263 об., въ Берѣ Путятина Минея XI в. 61, Бенедикту Охридскій Ап. XII в. 104 об., указывающую на существованіе у грековъ IX—XI вв. спорадическаго произношенія β, безъ предыдущаго μ, — какъ б), слав. ж и з черезъ свое ζ (у Константина: ζουπάνος = жу-панъ, ζάκωνον = законъ), слав. и и ч черезъ свое τζ (у Константина: Κοτζίλης = Коцьль, Κριβίτζοι = Кривичи, Βιτετζέβγι = Витчевъ и др.), ш черезъ σ (у Константина: Βουσεγραδέ = Вышеградъ).

Едва ли не болѣе удачна старая попытка произвести глаголицу изъ кириллицы. Кирилловскія буквы для звуковъ, существующихъ и въ славянскомъ яз. и въ греческомъ, въ общемъ не лишены сходства съ глаголическими: сравни слав. а (писавшееся нерѣдко—напримѣръ, въ Листкахъ Ундольскаго—сходно съ нашимъ печатнымъ ѳ безъ праваго овала, все въ строкѣ) и ѧ, д (писавшееся иногда все въ строкѣ) и ѡ, е и ѣ, і и Ѵ, л и ѡ, м и Ѱ, п и ꙑ, р и ѣ, с и Ѡ, т и Ѵ. Большая же часть кирилловскихъ буквъ для звуковъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ греческому языку настолько сходны съ глаголическими, что въ ихъ генетической связи нѣтъ возможности сомнѣваться: сравни к и ш, ж и ж, ѣ и ѣ, ц (написанное все въ строкѣ) и ч, у и ѡ, ш и ш, щ (иногда писавшееся все въ строкѣ) и Ѵ, ю и ꙑ. При этомъ кирилловскія буквы оказываются или очень близкими къ своимъ греческимъ первообразамъ (к, ѣ), гораздо болѣе близкими, чѣмъ глаголическія, или вполне ясными по образованію (щ, ю), чего никакъ нельзя сказать объ ихъ глаголическихъ двойникахъ. Такимъ образомъ тождественное съ греческою β кирилловское к не можетъ быть объяснено изъ глаголическаго б, а глаголич б вполне можетъ быть объяснено изъ к; или, ясное по образованію кирилловское ю не можетъ быть объяснено изъ глаголич. ю, но на оборотъ—глагол. ю легко объясняется изъ ю, и т. д. Сверхъ того, мы должны обратить вниманіе на слѣдующій фактъ, указывающій по меньшей мѣрѣ на очень древнее вліяніе кирилловскаго письма на глаголическое. Древніе кирилловскіе памятники (въ числѣ ихъ Остромирово Ев.) иногда имѣютъ ү (ижицу) вмѣсто оу въ качествѣ сокращенія оу (котораго не было въ употребленіи у грековъ). То же мы находимъ въ

важнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ—въ Зографскомъ, Ассемановомъ, Маринскомъ Ев., Син. Пс.: богъ Зогр. 6, сѣдар Асс. 176 чловѣкъ Син. Пс. 227 и др., хотя глаголическое ѿ = кирилл. у не имѣеть ничего общаго съ глагол. ѿ = оу.

Какъ бы то ни было, старая взаимная связь двухъ славянскихъ азбукъ не подлежитъ сомнѣнiю. Въ глаголицѣ, какъ бы въ подражанiе кириллицѣ, тамъ гдѣ эта послѣдняя является слишкомъ точною, въ ущербъ смыслу, кошею греческой азбуки, — мы находимъ нѣсколько буквъ лишнихъ: двѣ (или, точнѣе, три) буквы для означенiя звука *i*, двѣ буквы для означенiя звука *o*, буквы ѿ = ѿ, ѿ = *e*, ѿ = *r*. Въ свою очередь, въ кириллицѣ, какъ бы въ подражанiе глаголицѣ, рядомъ съ изображенiемъ iотированныхъ гласныхъ по латино-греческому способу—сложными iотированными буквами ѿ, ѿ, ѿ (=греч. *ia*, *ie*, *io*) и т. д., есть стремленiе передавать нѣкоторые изъ этихъ гласныхъ особыми простыми буквами; такъ, iотированный малый юсь передается иногда буквою а. Помимо всего этого, буквы той и другой азбуки издревле излагались въ одномъ и томъ же порядкѣ, почти тождественномъ съ порядкомъ греческой азбуки и вполне тождественномъ съ порядкомъ современной азбуки русской. Точно также буквы и той, и другой имѣли числовое значенiе. Кириллица вполне слѣдовала своему греческому оригиналу, и въ ней только буквы греческаго происхожденiя, въ порядкѣ греческой азбуки, означали числа: а = 1, в = 2, г = 3, д = 4, е = 5, з = 7, и = 8, ѿ = 9, ѿ = 10 и т. д., а новыя буквы для славянскихъ звуковъ (кромѣ ѿ = 900) оставались безъ числоваго значенiя. При этомъ для означенiя 6 употреблялась греч. ζ (стигма, потомокъ древней дигаммы), а для означенiя 90—греч. ς (коппа), изъ которыхъ потомъ ζ = з, замѣнивъ собою з, з, з, стала не только цифрою, но и буквою (з въ свою очередь какъ у южныхъ славянъ, такъ и въ древней Руси получило значенiе цифры 6: Савв. Ев., др.-р. Минея 1096 г.), а ς съ теченiемъ времени было замѣнено буквою у. Въ глаголицѣ же гсѣ буквы, кромѣ нѣсколькихъ послѣднихъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ цифрами: а = 1, б = 2, в = 3, г = 4 и т. д.

Большая часть буквъ кириллицы и глаголицы имѣли постоянно одно и то же значенiе и употребленiе, но нѣкоторыя въ разныхъ памятникахъ употреблены разнo, едва ли не потому, что ихъ зна-

ченіе еще не успѣло установиться. Это—кирилловскія *ѣ* и *ѣѣ*, глаголическія *ѣ* и *ѣѣ*.

Кирилловское *ѣ* въ Листкахъ Ундольскаго (не знающихъ іотированныхъ гласныхъ) употребляется и въ значеніи не іотированнаго *ѣ*, и въ значеніи *ѣѣ*; Саввино Евангеліе и Супрасльская рукопись знаютъ эту букву въ значеніи *ѣѣ*; Хиландарскіе же Листки и Остромирово Евангеліе ставятъ *ѣ* только послѣ согласныхъ и отличаютъ его отъ *ѣѣ*.

Кирилловское *ѣ* въ Саввиномъ Евангеліи и Супрасльской рукописи имѣетъ значеніе не іотированнаго гласнаго и ставится послѣ согласныхъ; въ Хиландарскихъ Листкахъ оно означаетъ *ѣѣ*. Кирилловское *ѣѣ*, находящееся въ Саввиномъ Ев., — вариантъ *ѣ*, имѣющій одно съ нимъ значеніе.

Глаголическое *ѣ* въ Зографскомъ, Ассемановомъ и Маріинскомъ Евангеліяхъ, въ Синайскомъ Требникѣ и въ Клоцовомъ Сборникѣ имѣетъ значеніе не іотированнаго *ѣ*; въ Синайской же Псалтыри эта буква употреблена почти исключительно въ словѣ *амгелъ*, на мѣстѣ согласнаго *н* (67, 69, 205, 215, 302).

Глаголическое *ѣѣ* въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ *ѣѣ* = *ѣ*, означаетъ *ѣѣ*; въ Синайской же Псалтыри оно имѣетъ значеніе какъ іотированнаго, такъ и не іотированнаго *ѣ*, т. е. обыкновенно употреблено въ значеніи *ѣ*.

Гласные. Кирилловское *ѣ*, глаголическое *ѣ* означало звукъ *ѣ* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не имѣлъ передъ собою *ј* или мягкаго согласнаго. Судя по тому, что греческое *α* словъ въ родѣ *αταναῖς*, *παράδεισος*, *Λάζαρος* нерѣдко передается въ церковно-славянскихъ памятникахъ черезъ *о*: *сотона*, *порода*, *Лазорь*,—церк.-слав. *ѣ* было звукомъ рѣзкимъ и очень открытымъ.

Кирилловское *ѣѣ*, употребляющееся въ Саввиномъ и Остромировомъ Евангеліяхъ, въ Супрасльской рукописи и въ Хиландарскихъ Листкахъ, означало *ѣѣ* съ предшествующимъ *ј*: *ѣѣ* = *ѣѣѣ*, или мягкимъ согласнымъ: *нѣѣѣ*.

Кирилловское *ѣ*, глаголическое *ѣ* означало звукъ *ѣ*, который, по видимому, нерѣдко звучалъ закрыто и, сверхъ того, былъ близокъ къ современному великорусскому и ново-болгарскому *ѣ*, въ томъ от-

ношеніи, что произносился мягко и постоянно имѣлъ передъ собою мягкій согласный. Вслѣдствіе этого въ церковно-славянскихъ памятникахъ нѣтъ стремленія различать *e* и *je*, и послѣдняя буква неизвѣстна въ глаголическихъ памятникахъ и мало употребительна въ кирилловскихъ. Изъ послѣднихъ Листки Ундольскаго ея совсѣмъ не знаютъ; въ Саввиномъ Евангеліи она является всего нѣсколько разъ, а въ Хиландарскихъ Листкахъ—два раза (послѣ гласной); но Супрасльская рукопись употребляетъ *je* почти постоянно въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: *ѣште, кому, знаменіе* и т. п., вполне сходно съ Остромировымъ Евангеліемъ и другими древне-русскими памятниками. Старшіе средне-болгарскіе памятники или совсѣмъ не знаютъ *je*, или употребляютъ его рѣдко; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣсто *je*, въ значеніи *je* пишется особое большое *e* (Болонская Псалтырь, Охридскій Апостолъ), встрѣчающееся также въ древне-русскомъ письмѣ (Реймское Евангеліе, Галицкое Евангеліе 1143 г.).

Супрасльская рукопись показываетъ, что церковно-славянское *e* въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ обыкновенно имѣло передъ собою *j*: *ѣму, комуго*. Но кажется, было нѣкоторое количество случаевъ отсутствія *j* передъ *e* въ окончаніяхъ формъ членныхъ прилагательныхъ, формъ 3-го л. ед. ч. настоящаго врем. и т. п. По крайней мѣрѣ формы въ родѣ *добрааго, добръѣмъ, подобаать* предполагаютъ существованіе формъ *добрааго, добръѣмъ, подобаеть, съ e* безъ *j*. Сверхъ того, нѣсколько словъ въ Супрасльской рукописи, вмѣсто *je*, изрѣдка, безъ послѣдовательности, имѣютъ въ началѣ *e*: *еи, еда, езеро, елико, еша, еште, есть, еста* (дв. ч.), *ему, еи* (дат. п.) и т. п.

То же въ Остромировомъ Евангеліи и во многихъ другихъ древне-русскихъ памятникахъ: *еи, еда, едѣва, езеро* (О. Е. 89, 99), *етерь, еще* (при *ѣще*) и друг.; срв. русск. муромск. *ещо* и польск. *еще* *eszcze*.

Вѣроятно, въ большей части этихъ случаевъ церковно-славянскій языкъ имѣлъ *e* безъ предшествующаго *j*, т. е. *e* близкое къ современному русскому *э* въ этотъ.

Немногіе находящіяся въ церковно-славянскихъ памятникахъ случаи употребленія *ѣ* вмѣсто *e* и на оборотъ, не смотря на то, что они иногда совпадаютъ съ обычнымъ въ современныхъ болгар-

скихъ говорахъ произношеніемъ не ударяемаго *e* (изъ древняго *e* и изъ *a*) какъ *и*,—должны быть считаемы за ошибки или описки.

Кирилловскія *o*, *ω*, глаголическія *ѡ*, *Ѡ* означали одинъ звукъ *o*. Это былъ въ большинствѣ случаевъ звукъ открытый, подобный ударяемому *o* въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ, приближавшійся болѣе къ *a*, чѣмъ къ *y*, и казавшійся грекамъ похожимъ на *a*: ζάκων = законъ, σθλαβηνοί = словѣне, Πειραγαστός = Пирогость. Вслѣдствіе этого греческое *a*, нерѣдко произносившееся закрыто, иногда передавалось славянами черезъ *o*: порода = παρῳείσος, полата = παλάτιον, сотона = σατανᾶς, поганъ = παγανός, раганус (сравни у сирийцевъ: kopūnō = ханών, isogōgī = εἰσαγωγή и т. п.), а греческое *o*, особенно изъ *ω*, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно произносилось также закрыто, близко къ *y*, иногда передавалось славянскимъ *y*: въ притворѣ соломуи Зогр. Ев. 156, румьсками Асс. Ев. 119 = ῥωμαῖος, икунж Син. Пс. 154 = εἰκόν, работы фарауша Син. Тр. 9, урарь ὠράριον 70, ѳискупъ Супр. р. 38 (сравни у сирийцевъ: kopūnō = ханών, higūnō = ἡγεμών, hedjūtō = ιδιώτης).

Рядомъ съ открытымъ *o* въ церковно-славянскомъ языкѣ эпохи памятниковъ, повидимому, уже существовало *o* закрытое, то, которое слышится въ современныхъ болгарскихъ говорахъ и которое, особенно при отсутствіи ударенія, можетъ звучать близко къ *y*. Церковно-славянскіе памятники не представляютъ данныхъ, которыя бы свидѣтельствовали объ существованіи закрытаго *o*: тькъму Зогр. Ев. 62, быть можетъ,—образование отличное отъ тькъмо; убу=убо, пуучатиса=поучатиса, грубу=гробу Мар. Ев. 228, 294, 308 (какъ и помилюа = помилюи, оченикъ, охо) — едва ли не простыя описки. Но одинъ средне-болгарскій памятникъ — Евангеліе Григоровича XII вѣка — имѣетъ рядъ случаевъ употребленія *y* вмѣсто *o*, совершенно согласнаго съ ново-болгарскимъ произношеніемъ: убидѣлъ 21 об., агтелумъ 45 об. (дат. мн.), рутитиса 67. Сверхъ того, въ средне-болгарскомъ Карпинскомъ Ев. XIII в. (Хлудова, № 28) мы читаемъ: възрадуватиса 7.

Буква *ω*, *Ѡ* въ однихъ памятникахъ употребляется рядомъ съ *o*, безразлично и въ греческихъ, и въ славянскихъ словахъ (Листки Ундольскаго); въ другихъ же мы ее видимъ только въ словахъ греческихъ, обыкновенно на мѣстѣ греческаго *ω*: Соломонъ, Моиси

Зогр. Ев. 6, 49, Θεοδωρѣ Супр. р. 47, Φαραωνъ, Иосифъ 57, Ианъ Остр. Ев. 4 и т. п.

Кирилловскія и, ѡ, ѣ, глаголическія З, Ф, Ж произносились одинаково и въ кирилло-меѳодіевскую эпоху исторіи церковно-славянскаго языка постоянно означали гласный звук *и*. Древне-русскія нотныя книги знаменной системы всегда имѣютъ надъ буквою *и* нотный знакъ, все равно, соотвѣтствуетъ ли это *и* современному русскому *и*, или современному русскому *й*, *ј*; въ нотныхъ книгахъ кондакарной системы мы нерѣдко находимъ повтореніе буквы *и* въ формахъ, напримѣръ, имен. п. ед. ч. муж. р. (твои), что, безъ сомнѣнія указываетъ на гласное произношеніе этой буквы; въ стихотвореніи Константина Болгарскаго *и* всегда составляетъ слогъ.—Въ эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ буквы *и*, *ѡ*, *ѣ* въ нѣкоторыхъ случаяхъ, главнымъ образомъ въ концѣ словъ, могли означать уже не гласный звукъ *и*, а согласный *ј*, такъ какъ формы, напримѣръ, имен. п. ед. ч. муж. р. (краи, свои) въ эту эпоху произносились—какъ въ современномъ русскомъ языкѣ—съ *ј* на концѣ (крај, свој).

Нѣкоторые церковно-славянскіе памятники употребляютъ буквы *и*, *ѡ*, *ѣ* безразлично; таковы Ассеманово Евангеліе и Синайская Псалтырь; въ другихъ памятникахъ *и*, *ѡ*, *ѣ* отличаются другъ отъ друга и ставятся каждое въ извѣстныхъ случаяхъ (впрочемъ, безъ строгой послѣдовательности); такъ, въ Зографскомъ Евангеліи *и* обыкновенно ставится послѣ согласныхъ, а *ѡ*, *ѣ* въ началѣ словъ и въ срединѣ словъ послѣ гласныхъ; Саввино Евангеліе имѣетъ *и* послѣ согласныхъ и въ началѣ словъ, а *ѣ* послѣ гласныхъ: фарисеѣ, своимъ, да *ѣ* сынъ твоѣ и т. п.; въ Супрасльской рукописи обыкновенно употребляется *и*, а *ѣ* встрѣчается изрѣдка послѣ *и*: третѣи, примѣте, и *ѣ*шедь и т. п.; Остромирово Евангеліе ставитъ *ѣ* очень рѣдко, главнымъ образомъ въ концѣ строки, при недостаткѣ мѣста для *и*.

По всей вѣроятности (употребленіе *и*, *ѡ*, *ѣ* не позволяетъ дѣлать никакихъ выводовъ), звукъ *и* въ срединѣ словъ послѣ гласныхъ очень часто имѣлъ передъ собою *ј* (своимъ = својимъ), а болѣе или менѣе часто *ј* находился и передъ начальнымъ *и* (имъ, можетъ быть, = јимъ).

Кирилловскія оу, ъ, глаголическое Ѣ означали звукъ у. Этотъ звукъ, вѣроятно, тождественный съ современнымъ русскимъ и болгарскимъ у, въ церковно-славянскомъ языкѣ не приближался къ в, точно также какъ и в не приближалось къ у. Вслѣдствіе этого на ѡ въ словѣ ѡгоднѣ и родственныхъ (Син. Треби.: благоѡгоднѣ 110; Супр. р.: ѡгодившимъ 121, ѡгодивъ 206, ѡгаждани 123, ѡгаждати 206, ѡгодникъ 142. 144, 152 и друг.; Святославовъ Сборн. 1073 г.: ѡгодно 82, ѡгодитъ 85 об., ѡгодити 91 об., ѡгожьша 91; Слова Григ. Богослова XI в.: ѡгождж, благоѡгодны, ѡгодно: Синодалн. Кормчая XII в. № 227; Богословіе Іо. Дамаскина XII в. и др.) и на у въ словѣ уселена и родственныхъ (Син. Псалт. 29, 69, 202, 208, 216; Маріинск. Ев. 196; Святославовъ Сб. 1073 г.: уселенуж 9 об., уселеную 55 об., уселенныя 17, -ѣи 18, уселяться 37; Слова Григорія Бог.: уселеная, -ѣи, уселишися)—слѣдуетъ смотрѣть какъ на префиксы ѡ и у.

Мы уже указали, что церковно-славянское у иногда передавало о греческихъ словъ.

Кирилловское ю, глаголическое ѱ изображало собою звукъ у съ предъидущимъ ј (въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ) или мягкимъ согласнымъ (послѣ согласныхъ); такимъ образомъ церковно-славянское ютро = јутро, люблж = л'ублж (л'—л мягкое).

Кирилловское ѣ, глаголическое Ѧ въ кирилло-меоодіевскую эпоху исторіи церковно-славянскаго языка постоянно означало звукъ. Древне-русскія нотныя книги знаменной системы имѣютъ нотный знакъ надъ каждою буквою ѣ; въ нотныхъ книгахъ кондакарной системы эта буква нерѣдко повторяется, что указываетъ на произношеніе ея наравнѣ съ другими гласными буквами; въ стихотвореніи Константина Болгарскаго каждый ѣ составляетъ слогъ. Въ послѣ-кирилло-меоодіевскую эпоху, эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ, ѣ часто былъ только буквою и не означалъ никакого звука, такъ что во многихъ случаяхъ его роль была одинакова съ ролью ѣ въ современномъ русскомъ письмѣ.

Звукъ, изображавшійся этою буквою, въ кирилло-меоодіевскую эпоху отличался отъ звука о, но былъ до извѣстной степени близокъ къ нему. Вслѣдствіе этого въ послѣдующую эпоху онъ въ из-

вѣстныхъ случаяхъ перешель въ *o*: сонъ (изъ сѣнъ), вонъ (изъ вѣнъ), со множ (изъ съ —) и т. п. Вѣроятно, *з* былъ глухимъ *o*, часто болѣе короткимъ, чѣмъ *o* и большая часть другихъ гласныхъ звуковъ. Современные болгарскіе говоры нерѣдко имѣютъ на мѣстѣ церк.-слав. *з* глухой звукъ, передаваемый на письмѣ буквами *з* и *ж* и звучащій въ однихъ изъ нихъ сходно съ нѣмецкимъ *ö* (если это послѣднее произнести гортанно), въ другихъ—какъ глухое или даже чистое *a*.

Кстати должно замѣтить, что писцы церковно-славянскихъ памятниковъ, подобно своимъ древне-русскимъ собратьямъ, имѣли обыкновеніе при переносѣ словъ дополнять строку буквою *з* (или *ѡ*), ставя ее послѣ согласной: кзвасу Савв. Ев. 46, осѣноваль Син. Пс. 226, църькѣве Мар. Ев. 37 (зърьно Савв. Ев. 50, мърьत्वъ 55, жърьдми 87, осквърьнатса 103). Конечно, въ приведенныхъ написаніяхъ эта буква не имѣла никакого звуковаго значенія.

Кирилловскія *ы*, *ѣн* (рѣдко; Супр. рук.), *ы* (рѣдко; Супр. рук.), глаголическія *ѡѣ*, *ѡж*, *ѡз* (рѣдко; Син. Пс.) передавали звукъ если не тождественный съ современнымъ русскимъ и польскимъ *ы* (мы не знаемъ качества *ы*, существующаго въ нѣкоторыхъ ново-болгарскихъ говорахъ; Изв. Спб. Слав. Общ. 1888 г. № 9),—то во всякомъ случаѣ близкій къ нему и до извѣстной степени сходный съ *и*. Вслѣдствіе этого послѣ *р* въ церковно-славянскихъ памятникахъ *ы* нѣсколько разъ находимъ *и* на мѣстѣ *ы*: рибѣ Зогр. Ев. 57; рибѣ, рибиць Савв. Ев. 20 (при рыбж 21), гризеть 44, отъкрити 131; покриваше Клоц. Сб. 2, покриветь 4, съкрити 24, кривса 24 (при упокрыты Савв. Ев. 78, захарыино Син. Тр. 28, фарысѣи Кл. Сб. 10). Сравни въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года: прикривае 185, риба 251. Нѣсколько случаевъ *и* вмѣсто *ы* и на оборотъ: азици Син. Пс. 191, въ азицѣхъ 212, ликуими Супр. рук. 236 (1 л. мн.), власфымѣть Асс. Ев. 49, потрѣбьтъса Син. Пс. 12, кривы 49 (род. п. ед.), ино-племеньныкы 96, о несмыслни жидовине Клоц. Сб. 1, — не внушаютъ въ себѣ довѣрія и похожи на описки; *ы* въ Магдалини Остр. Ев. 17 об., псалтырь и т. п. обязано своимъ происхожденіемъ аналогіи исконныхъ славянскихъ словъ на *ѣни* и *ѡръ* (пустыни, пустырь).

• Единичный случай употребленія *oi* вмѣсто *ы* въ Саввиномъ Еван-

геліи: *мзоікомъ* 138 (сравни въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: *помоіслиться* 13),— безъ сомнѣнія, описка.

Тѣ же буквы означали также сочетанія *з* и *и*, вслѣдствіе чего иногда представляется затруднительнымъ рѣшить, какъ въ томъ или другомъ мѣстѣ слѣдуетъ ихъ читать.

Кирилловское *ь*, глаголическое *Ѣ* въ кирилло-меоодіевскую эпоху *п о с т о я н н о* означало гласный звукъ: подобно *з*, оно всегда имѣетъ надъ собою ноту или повторяется въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ и составляетъ слогъ въ стихотвореніи Константина Болгарскаго; въ эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ буква *ь* играла ту же роль, что и *з*, т. е. иногда, будучи безъ ударенія, была только буквою. Звукъ, передававшійся *ѣ*-ремъ, первоначально былъ близокъ къ *е*; отсюда нерѣдкій переходъ его въ *е*: *день* (изъ *дѣнь*), *шедь* (изъ *шѣдь*), *весь* (изъ *вьсь*). Послѣ звукъ *ь* слился съ *з*, т. е. сталъ произноситься какъ глухое *о*: *шадъ* Савв. Ев. (изъ *шѣдь*), вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ и въ большей части старшихъ средне-болгарскихъ памятниковъ мы встрѣчаемъ безразличное употребленіе буквъ *з* и *ь*, съ преобладаніемъ то той, то другой буквы; Слѣпченскій Апостолъ XII в. имѣетъ только *з*. Современные болгарскіе говоры (если не всѣ, то большая часть) не знаютъ особаго звука *ь* и на мѣстѣ церковно-славянскаго *ь* имѣютъ тотъ же глухой гласный, который въ нихъ слышится на мѣстѣ церковно-славянскаго *з*.

Кирилловское *ѣ*, глаголическое *Ѧ* означаетъ въ разныхъ церковно-славянскихъ памятникахъ разные звуки.

Глаголическіе памятники и кирилловскіе Листки Ундольскаго (также нѣсколько старшихъ кирилловскихъ средне-болгарскихъ памятниковъ: Слѣпченскій Апостолъ XII в., Македонскій Апостолъ XIII в., Парижскій Стихирарь XIII в.) не знаютъ *ѣ* и употребляютъ *ѣ* безразлично, на мѣстѣ какъ *ѣ* другихъ славянскихъ языковъ (въ томъ числѣ русскаго), такъ и *я*. Такимъ образомъ мы въ нихъ читаемъ: *брѣгъ*, *сѣсти* и *ѣко*, *воѣ*, *воѣ* (им. ед. женск. р.). Значеніе здѣсь *ѣ* можетъ быть опредѣлено на основаніи слѣдующихъ данныхъ:

1) Глаголическіе памятники нерѣдко имѣютъ рядомъ *сѣти* и *сѣти*, *добраѣ* (им. мн. ср. р.) и *добраѣ*, *чѣсь* и *чѣсь* и т. п., такъ что

въ нихъ њ чередуется съ *a* и находится къ *a* въ томъ самомъ отношеніи, въ какомъ въ Саввиномъ и Остромировомъ Евангеліяхъ находится *κ* къ *a*: сѣати и сѣати, добраа и добраа. Изъ этого видно, что глаголическое њ отличается отъ *a* только отсутствіемъ *j* или мягкости въ предъидущемъ согласномъ.

2) Тѣ же памятники и Листки Ундольскаго нерѣдко имѣютъ въ греческихъ словахъ њ на мѣстѣ *a*: дѣволь, Иродѣда, Каифа, Иьковъ. Сравненіе этихъ написаній съ написаніями въ родѣ Июда показываетъ, что въ нихъ њ вполнѣ соотвѣтствуетъ *ю* и отличается отъ *a* греческихъ написаній только нахожденіемъ передъ нимъ *j*.

3) Въ нѣкоторыхъ глаголическихъ памятникахъ *e* при ассимиляціи съ њ переходить въ *a*. Такъ, въ Ассемановомъ Евангеліи мы находимъ формы мѣстнаго над. ед. ч. прилагательныхъ членныхъ: вѣчнѣамъ 14, 16, 33, друзѣамъ 45, небеснѣамъ 47, грѣшнѣамъ 92, въ Маріинскомъ Евангеліи мы встрѣчаемъ не разъ формы 3-го лица ед. числа настоящаго времени: авлѣать, оставлѣать, кланѣать и т. п. и форму сравнительной степени добрѣа (=добрѣе). Здѣсь *a*, несомнѣнно, образовалось изъ *e* вслѣдствіе ассимиляціи *e* съ предшествующимъ њ. Этотъ послѣдній, ассимилируя съ собою *e*, могъ превратить его въ *a* только въ томъ случаѣ, если самъ звучалъ какъ *a*, т. е. означалъ *κ*.

4) Глаголическая Синайская Псалтырь и нѣкоторые средне-болгарскіе памятники изрѣдка имѣютъ *a* вмѣсто њ послѣ согласныхъ: Синайская Псалтырь: насладѣствуѣщїи 5 =наслѣд—, насладишїи 184, правратїи 172, правратїшася 174, пограбади 176, врама 183; кирилловскій средне-болгарскій Стѣпченскій Апостоль XII в., совѣмъ не знающій *κ*: само 5 =сѣмо; кирилловскій средне-болгарскій Македонскій Апостоль XIII вѣка, почти не знающій *κ* и употребляющій вмѣсто него њ: вароваша = вѣр—, зало = зѣло, ноза (дат. ед.), чраво, оцастити, рѣца (дат. ед.), рыцате (2 л. мн.), чраво и т. п. (еще: пряждро, о Христа).

5) Кирилловскій средне-болгарскій Паремейникъ Григоровича XII—XIII в., найденный въ Македоніи, употребляетъ њ и *κ* безразлично, ставя одну букву вмѣсто другой безъ всякой послѣдовательности и, очевидно, въ одномъ и томъ же значеніи: ржкотворенаѣ (им.-вин. множ. ср. р.), распаденїѣ, бытиѣ и дялати = дѣлати, вѣси = вѣси, вѣнецѣ, глава (дат. ед.), себя (дат. ед.), посрядѣ, врама и т. п.

Сходное употребленіе *н* встрѣчается также въ сербскихъ рукописяхъ, списанныхъ съ средне-болгарскихъ оригиналовъ: въ Мирославовомъ Ев. конца XII в.: о свѣтя = о свѣтъ, в міръ бя (рядомъ: ѣко, испльнениъ, всьнъ, и т. п.); въ Синаксарѣ 1330 г.: млякомъ, разгнавав' се, съвляче, повеля (аор.), повеляніе, оделяеть (= одо-лѣеть), руца (дв.), крѣща (Ламанскій, О славянскихъ рукописяхъ... въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, 20—21).

Эти данныя показываютъ, что *н* глаголическихъ церковно-славянскихъ памятниковъ и Листковъ Ундольскаго произносилось одинаково съ *м*, а и означало *а* съ предъидущимъ *ј*: ѣко, или съ мягкимъ согласнымъ. Нѣкоторые изъ южныхъ говоровъ современнаго болгарскаго языка, употребляемые въ мѣстахъ недалекихъ отъ Солуны (напримѣръ, говоръ рупаланъ), на мѣстѣ глаголическаго *н* постоянно имѣютъ *я*: грашень = гръшень, дѣва = дѣва, дѣте = дѣта, рѣка = рѣка. Очевидно, эти говоры сохранили въ себѣ одну изъ особенностей кирилло-меоидѣвскаго языка.

Можетъ показаться, что противъ признанія *н* глаголическихъ памятниковъ равнымъ *я* говорить употребленіе *н* на мѣстѣ греческихъ *α* и *ε* (особенно *α*), распространенное въ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ (особенно въ Зографскомъ Евангелии): Галилея Γαλιλαία, фарисѣи φαρισαῖος, Тадыи Θαδδαῖος, Вельзѣволъ Βεελζεβούλ, иерѣи ἱερεῖς, Назарѣтъ Ναζαρέτ Зогр. Ев., трапѣза Κλ. Сб., ефимѣриѣ ἐφημερία Мар. Ев., рядомъ съ которымъ мы находимъ въ тѣхъ же памятникахъ (и особенно въ Ассемановомъ Евангелии) *ε*: Галилея, фарисеи, иереи и т. д. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ славянскою передачею греческаго *ε*, которое въ IX—X вѣкахъ иногда произносилось открыто, до нѣкоторой степени приближаясь къ церковно-славянскому *α* (на это указываетъ, между прочимъ, постоянная замѣна древне-греческаго *ε* въ началѣ словъ новогреческимъ *α*: др.-греч. ἐργάτης—нов.-греч. ἀργάτης); это греческое *ε*, не имѣя себѣ соответствующаго звука у славянъ, произносившихъ *н* какъ *я*, передавалось ими приблизительно, сходными звуками, — то *ε*, то *н* = *я* (сравни современную нашу передачу англійскаго *th* приблизительно — то черезъ *т*, то черезъ *с*: Smith = Смитъ = Смишь).

Равнымъ образомъ можетъ показаться, что противъ признанія глаголическаго *н* = *я* говорить встрѣчающееся въ глаголическихъ памятникахъ употребленіе *н* вмѣсто *и* и на оборотъ. Но число слу-

чаевъ постановки њ вмѣсто и и на оборотъ совсѣмъ незначительно: облацѣ Син. Пс. 29, вразѣ 201 (им. мн.), въ олѣѣ 207, моленѣѣ 257, въ крови своемъ 51, носі 151 (дв. ч.), кѣди есть богъ ихъ 117 (= кѣди?), въ синѣ святѣи 137, сотъримъ Син. Тр. 180, и между ними одни — ошѣбки или описки, другіе, быть можетъ, — особыя формальныя образованія. Какъ бы то ни было, они не позволяютъ намъ дѣлать никакихъ заключеній объ качествѣ глаголическаго њ.

Изъ числа кирилловскихъ памятниковъ Саввино Евангеліе довольно рѣзко отличаетъ њ отъ ѡ. Буква ѡ стоитъ въ немъ въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ: ѡко, ѡсть, достоѡше, напаѡеть и т. п.; сверхъ того, мы видимъ эту букву послѣ и: нынѡ 2, близнѡго 9, кланишесѡ 24, вышнѡго 38 и др. (рѣдко њ: испльнѡмѡ 140). Иногда ѡ стоитъ въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ рядомъ съ њ, напр. въ глаголѣ њсти и производныхъ, такъ что мы имѣемъ и ѡсти. и њсти. — Буква њ постоянно употреблена послѣ согласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она употребляется въ современномъ русскомъ языкѣ, и кромѣ того, тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ слышится и, именно послѣ л и р: волю 8, 59, земля 30, тьлю 44 (имен. ед.), кораблю 21, учитель 37 (род. ед.), дѣлю 74 = дѣля, помышляти 31 и др.; морю 21, чрѣва матерю 24 (род. ед.), смѣрѣмѡса 52 и др.

Писецъ Супрасльской рукописи также рѣзко различалъ њ и ѡ, но онъ, повидимому, списывалъ съ оригинала, имѣвшаго правописаніе Листковъ Ундольскаго. Отсюда у него отсутствіе строгой послѣдовательности — съ одной стороны частое употребленіе ѡ въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ и нерѣдкая постановка ѡ послѣ и, л: вышнѡго, поклонѡхѡса, измѣнѡмѡса, нынѡ; мѡчителѡ 4, промышлѡи 9, молѡше 12, казателѡ 37; съ другой — њ тамъ, гдѣ мы ожидали бы ѡ: бѣѡше, видѣѡхѡ, огнѣ 4, 5 (род. ед.), измѣнѡше 9, поклѡнѣѡвѣсѡ 9, поставлѡи 36, каплѡи 37, звѣрѣ 32, 36, прѣтварѡшесѡ и т. п. (цѡсарю 142 и бесѡдамъ 268, — вѣроятно. описки).

Въ Хиландарскихъ Листкахъ употребленіе ѡ и њ не сходно съ употребленіемъ ихъ ни въ Саввиномъ Евангеліи, ни въ Супрасльской рукописи; мы читаемъ въ нихъ съ одной стороны: ѡко, крѣщенѡиѡ, дѡволь, съ другой: — уподобѡмѡса, нынѣпнѡ (множ. ср. р.), полѣѡ (имен. ед.), т. е. находимъ ѡ постоянно въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ, а њ также постоянно послѣ всѣхъ согласныхъ.

Остромирово Евангеліе обыкновенно употребляет ѡ (съ его замѣною ѡ) и ѣ согласно съ русскимъ употребленіемъ звуковъ я и ѣ, но въ немъ сохранены нѣкоторыя черты его церковно-славянскаго оригинала, бывшаго по правописанію похожимъ на Саввино Евангеліе: молѡахѣ 86, 95, помышлѣете 130, творѣаше 287, ближнѣаго 77, вышнѣаго 88 и др.

Изъ этого обзора употребленія ѡ и ѣ въ кирилловскихъ памятникахъ можно вывести только то заключеніе, что писцы этихъ памятниковъ различали по значенію ѡ и ѣ, т. е. что звуки, изображавшіеся этими буквами, не казались имъ тождественными, хотя не казались и рѣзко отличавшимися другъ отъ друга. По всей вѣроятности, звукъ ѣ былъ для нихъ открытое мягкое е, въ значительной степени приближавшееся къ а и рѣзко отличавшееся отъ е, то е, которое во многихъ говорахъ современнаго болгарскаго языка (особенно въ восточныхъ) въ однихъ случаяхъ, подъ удареніемъ и передъ твердыми согласными, перешло въ я: вѣра = вѣра, въ другихъ превратилось въ обыкновенное е: веришѣ = вѣришѣ.

Во всякомъ случаѣ ѣ въ кирилловскихъ памятникахъ не могъ смѣшиваться съ е, почему въ нихъ (кромя прѣждѣ Савв. Ев. 89, сѣдмѣнѣ Супр. р. 414 и одного примѣра въ Остромировомъ Евангеліи: нестѣ 26, который, безъ сомнѣнія — руссизмъ) мы не находимъ замѣны ѣ черезъ е или на оборотъ. Эта замѣна — большая рѣдкость даже въ старшихъ средне-болгарскихъ памятникахъ, и изъ нихъ мы можемъ указать ее только въ Охридскомъ Апостолѣ XII вѣка: бе 6 об., въ . . . нюдеистѣ 7.

Само собою разумѣется, е вмѣсто ѣ и ѣ вмѣсто е въ глаголическихъ памятникахъ: темѣ Асс. Ев. 67, северѣ Син. Пс. 197, сѣвѣдѣтельствуетѣ Кл. Сб., благовещнѣаго, слово твоѣ Син. Тр. 14, 66, агарѣнѣ Син. Пс. 185, — простыя описки, большая часть которыхъ произошла отъ употребленія писцомъ вмѣсто одной буквы — другой, съ нею сосѣдней; всмѣветѣ Син. Тр. 84, 89 — глагольная форма отличная отъ формы вселяетѣ (сравн. чешск. přesídliti); окамѣнилѣ Зогр. Ев. 161, Асс. 34, Мар. 369 — глагольная форма отъ прилагательнаго камѣнѣ, отличная отъ глагольной формы отъ существительнаго камѣ, камень; сравни въ средне-болгарскомъ Евангеліи Григоровича XII в.: окамѣни 29, и въ средне-болгарскомъ Паремейникѣ Григоровича XII—XIII вв.: камѣниа (Срезневскій, Пам. 261).

Какъ бы ни произносился њ, во всякомъ случаѣ этотъ гласный, находясь въ началѣ словъ и въ срединѣ словъ послѣ гласныхъ, повидимому, постоянно имѣлъ передъ собою *j*. Единственный памятникъ, имѣющій ютированный њ, — древне-русскій Святославовъ Сборникъ 1073 года, ставитъ эту букву, безъ особой послѣдовательности, именно тамъ, гдѣ на нашъ взглядъ необходимо присутствіе *j*: псти 52, 160 об. и др., всецдство 61, о своитьѣимъ 231 об., о творитьѣимъ 232 и т. п.

Кирилловское ж, глаголическое ѿ означало гласный носовой звукъ. На это указываютъ какъ написанія церковно-славянскихъ памятниковъ въ родѣ сждарь = *σουδαρίον*, птьскъ = *πέντιος* Син. Тр. 90, Лжгинъ = *Λογγίνος* Остр. Ев., гдѣ черезъ ж передаются греческія *ουυ*, *ου*, такъ и существованіе во многихъ (преимущественно южныхъ и юго-западныхъ) болгарскихъ говорахъ на мѣстѣ церковно-славянскаго ж небольшого количества носовыхъ гласныхъ: бзмдешъ = бждеши, гмба = гмба, дѣмбъ = дѣмбъ, сѣмбота = сѣбота. Сравни также сжндѣльникъ, въ сжндѣльныхъ сѣсждѣхъ, сжндѣльни въ средне-болгарскомъ Слѣпченскомъ Апостолѣ XII в. и церк.-слав. сждѣль.

Повидимому, ж церковно-славянскихъ глаголическихъ памятниковъ былъ носовымъ о, какъ можно догадываться 1) на основаніи состава глаголической буквы ѿ, представляющей соединеніе глаголическаго ѿ = о съ глаголическимъ ѿ, которое въ Синайской Псалтыри нѣсколько разъ употреблено вмѣсто и въ словѣ ангель, и 2) на основаніи употребленія изрѣдка о вмѣсто ж и на оборотъ: іно Зогр. Ев. 74 (вин. ед. женск.; также: придѣша 54); бѣахо Асс. Ев. 4, градощааго 16; можемъ Син. Пс. 30, порогашася 40, ископтеимъ 45, оскодѣ 58, оскодѣша 203, въ гослехъ 63, одеснож 97, зѣлобо 110 (вин. п.), глумѣхоса 139, въ добровѣ 156, локъ 161, 174, помѣноша 171, потъ 179, поті 181, сѣтожажштала 182, 235, омотіхъ 195, роками 216, законпрѣстоленіе 219, молитво 221, 239, 246, умодрѣть 231, прози 232, 248, помѣно 239, заблодѣша 238 (также: жржѣвъ Син. Пс. 26, жржѣтемъ 96, подж множ 32, жтржба 58, възжѣтъ 182, сжбож 192); озож Син. Тр. 19, отробж 152 (также: жржѣиъ 53, нѣжа = ножа 177); новож пѣснь Клоц. Сб. 1, могоште 2, всѣеко правѣдъ, духовнож (вин. ед.) М. 10; бодеть Мар Ев. 15, 387, сѣбодеться 45, бодѣтъ 69, рѣгахоса 27, прикоснося 133, радоваахоса

260, съмбахо 291, содитъ 323, глаголаахо 345. Впрочемъ, изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *о* вмѣсто *ж* многіе очень похожи на описки, а изъ случаевъ употребленія *ж* вмѣсто *о* едва ли даже одинъ заслуживаетъ полного довѣрія. Это *о* вмѣсто *ж*, указывающее, вѣроятно, на спорадическое ослабленіе носоваго элемента въ *ж*, имѣеть себѣ полное соотвѣтствіе въ томъ *о*, которое мы находимъ въ южныхъ и западныхъ ново-болгарскихъ говорахъ на мѣстѣ церковно-славянскаго *ж*: *добъ* = *дѣбъ*, *потъ* = *пѣтъ*, *рока* = *рѣка*, *мошко дете* = *мѣшко дѣта*.

Что до *ж* церковно-славянскихъ кирилловскихъ памятниковъ, то трудно сказать, какъ произносили этотъ звукъ ихъ писцы: *о* вмѣсто *ж* и на оборотъ въ нихъ почти не встрѣчается: *сѣпрогъ* Савв. Ев. 47, *владыко* Супр. рук. 388, 392 (дважды, вин. ед.), *режмжж* 142, *прѣживж* 333, — вѣроятно, описки. Позволительно догадываться, что въ нихъ *ж* могъ звучать какъ носовой *з*; по крайней мѣрѣ, въ средне-болгарскихъ памятникахъ *ж* сравнительно нерѣдко стоитъ на мѣстѣ *з* и сливагося съ нимъ *ь* или замѣняется *з*-ромъ и *ь*-ремъ: *мѣзда* Ев. Григоровича XII вѣка, 4 = ц.-сл. *мѣзда*, въ *стѣгнахъ* 28, *бѣдите* 43 об. = *бѣдите*, *лѣжесвѣдѣтеле* 66, *тѣмницж* 107 об. и друг.; *вѣзж* пилъ Охридскій Апостолъ 6 = *вѣзпилъ*.

Тѣ ново-болгарскіе говоры, въ которыхъ еще слышатся носовые гласные, имѣють на мѣстѣ церковно-славянскаго *ж* носовой *з*: *гѣмба* = *гѣба*, *дѣмбъ* = *дѣбъ* и т. п., а изъ другихъ говоровъ, утратившихъ ринезмъ въ гласныхъ безъ остатка, въ большей части церковно-славянскій *ж* замѣненъ или простымъ *з* (последній передается иногда буквою *ж*), или замѣною *з*-ра — *а*: *гѣба*, *дѣбъ*, или *габа*, *дабъ*.

Большая часть церковно-славянскихъ памятниковъ имѣеть въ томъ или другомъ количествѣ *у* (*ю*) на мѣстѣ *ж* (*ж*) и на оборотъ. Но это обстоятельство лишено всякаго значенія. Пять случаевъ въ Зографскомъ Евангеліи: *отънуду* 17, *отътуду* 59, *инуду* 155 = *отънжду* и т. д., *градуштю* 101, — на нашъ взглядъ, несомнѣнныя описки, происшедшія отъ повторенія писцомъ сосѣдней буквы. Малочисленные случаи въ Ассемановомъ Евангеліи: *рѣжж* твою 48, *заповѣдаю* 141; въ Синайской Псалтыри: *пицю* 131 (вин. ед.), *паучина* 203, *искрънжму* 70, *рѣжж* своею 175 (дв. ч.), *рѣжж* твоеж 206 (дв. ч.); въ Синайскомъ Требникѣ: *трѣвж* сѣвжцю сѣма 22, *кыпашцю* вожд 39, въ *лудѣ* 99, *силою* 169; въ Клоцовомъ Сборникѣ: *богонученуж* 1.

жтробу 19 (вин. ед.), мѣцѣ 19, другужь М. 18, приду М. 22 (вор. 3 л. мн.); въ Супрасльской рукописи: имуштууму 279, гонезнути 331, дръзнуувъ 342, минуувъшу 442, кажушту 448, джшу — душж, — также внушаютъ къ себѣ мало довѣрія и весьма похожи на ошибки или описки.

Церковно-славянскій ж, будучи носовымъ гласнымъ, не вполне соответствовалъ греческимъ ουυ, ου—сочетаніямъ чистыхъ гласныхъ ѳъ носовыми согласными, и потому въ немногихъ случаяхъ, въ родѣ пѣтъскъ, Лжгинъ, мы изрѣдка находимъ прибавленіе къ ж согласнаго н, несомнѣнно въ цѣляхъ болѣе точной передачи греческаго произношенія. Такъ, въ Зографскомъ Евангеліи мы читаемъ: пѣм'т-скуму 42, 86; въ Супрасльской рукописи: при пѣм'тѣстѣмъ 131.

Кириловское ѡ, глаголическое ѡѢ означало ж съ предъидущимъ і или мягкимъ согласнымъ. Кое-гдѣ въ церковно-славянскихъ памятникахъ вмѣсто ѡ мы находимъ простой ж (между прочимъ, постоянно въ Листкахъ Ундольскаго).

Кирилловское л (а), глаголическое Ѣ (ѡѢ) означало также носовой гласный звукъ, какъ показываетъ 1) передача черезъ л въ церковно-славянскихъ памятникахъ греческихъ εμ, ευ: сентябрь = *σεπτέμβριος*, декабрь = *δεκέμβριος*, пѣткостии (Остр. Ев. 54, Син. Тр. 114, 118) = *πεντηκοστή* и т. п., и 2) существованіе въ нѣкоторыхъ (южныхъ и юго-западныхъ) ново-болгарскихъ говорахъ, на мѣстѣ церк.-слав. л, носоваго е: чендо = чадло, гренде = граде(ть), емзикъ = ѡзыкъ и т. п.

Это былъ звукъ двойкаго качества, или, точнѣе, это было два разныхъ звука.

Въ однихъ случаяхъ онъ звучалъ какъ е, вслѣдствіе чего въ церковно-славянскихъ глаголическихъ памятникахъ изрѣдка встрѣчается съ одной стороны употребленіе, вмѣсто л, простаго е: ужасише Зогр. Ев. 135, не етъ 151 = ѡтъ; езыці Син. Пс. 2 = ѡзыци, на те 46, создашеса 64, отеготѣша 80, възложеть 109, наслѣдетъ 143 (3-е л. мн. ч.), единого те 147, поштедѣтъ 150, съпешті 194, одръжаше 195; начельниче Син. Тр. 95; — съ другой стороны постановка, вмѣсто е, носоваго л: крѣсташта ѡ Зогр. Ев. 46 (имен. мн. муж. р.), врѣма своѡ 81, отѡмѡжнѡтаѡго 92 = отѡм-, бѡштѣдѣнъ 125 = бѡштѡд-, довѡлатъ 145 (3 л. ед.), не разумѣнѡ что бѡшѡнѡ

ѣже глаголаша имъ 155 = бѣаше, глаголаше; Ефрѣмові Сын. Пс. 167 (при Ефрѣмъ 175), аа = са 301; свое милосръдїи Сын. Тр. 114. Само собою разумѣется, большая часть приведенныхъ примѣровъ (между прочимъ тѣ, гдѣ, какъ въ Синайской Псалтыри, е поставлено вмѣсто эе, такъ какъ послѣдняя буква есть не что иное, какъ э = е + ѣ = а) могутъ быть простыми описками.—То же употребленіе, вмѣсто а, простаго е, указывающее на ослабленіе или исчезновеніе въ а носоваго элемента, встрѣчается въ средне-болгарскихъ памятникахъ: Охридскій Апостолъ XII в.: творе 4, 15, прѣходе 14 об. (притч. наст.). Въ ново-болгарскихъ говорахъ мѣсто церковно-славянскаго а обыкновенно занято чистымъ е: чедо, свикъ и др.

Въ другихъ случаяхъ церк. слав. а звучала какъ ѣ, т. е. или какъ а съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ, или какъ звукъ близкій къ а. Это видно изъ изрѣдка встрѣчающейся замѣны его въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ памятникахъ черезъ ѣ: съѣвъзавъше Мар. Ев. 105 = съѣвъзавъ—, грѣди 121 = гради (съдѣштемъ Мар. Ев. 35, вѣроятно, описка; на оборотъ: о глагола Асс. Ев. 149, на мѣстѣ Сын. Тр. 120 = мѣ—), которую мы находимъ также въ средне-болгарскихъ памятникахъ: славль въ Болонской Пс. XII—XIII в.; висѣи въ Македонскомъ Ап. XIII в.; грѣди, -ѣте,—ы въ Карпинскомъ Ев. XIII в.; славль, авь = ср.-болг. славд, авд = ц.-сл. славлѣк, авьѣк (1 л. ед. ч.) въ Октоихѣ XIII в. Южнослав. Акад., и которая также не чужда современнымъ болгарскимъ говорамъ: въпрагамъ = въпрагаамъ, девять = девѣтъ, жатва = жѣтва, чѣдо = чѣдо и др. Сравни а на мѣстѣ греческаго α: александровъ Мар. Ев. 181 = Αλέξανδρος, Костятина града Остр. Ев. 270 об., Костятинъ др.-русск. Богословіе Іо. Дамаскина XII в. 3 = церк.-слав. *Костятинъ = Κωνσταντίνος. Сравни также двойную замѣну древняго а въ западныхъ сербскихъ (чакавскихъ) говорахъ — обычную черезъ е и рѣдкую черезъ а јаѣстик (= ц.-слав. ѣчьмы; Arch. für sl. Phil., V, 183).

Всѣ случаи замѣны а-са черезъ ѣ, въ родѣ приждѣтъ = прѣд- Зогр. Ев. 6, трисавице С. Тр. 91, — принадлежать къ числу описокъ.

Нѣтъ сомнѣнїя, что подобно тому какъ ѣ не вполне соотвѣтствовалъ греческимъ οι, ον, такъ и а не былъ тождественъ съ греческими εμ, εν. Отсюда написанїя: Супрасльская рукопись: декамбра 216; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: памѣткостѣк 147 = πεντηκοστή, Костямытинъ 266; Реймское Евангеліе XI вѣка: ноямьбра 1 и т. п.

Кирилловское *м* (*л*, *а*), глаголическое (въ нѣкоторыхъ глаголическихъ памятникахъ) *ѣ* означало *л* съ предъидущимъ *ј* или, рѣже, съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ ютація *л* означала особенно сильную мягкость согласнаго. Она отмѣчена только въ Зографскомъ Евангеліи: десѣте 65, 100, сѣдмаште 129 (очень рѣдко), въ Синайскомъ Требникѣ: *мм* 52, *см* 53 (очень рѣдко) и въ Ассемановомъ Евангеліи: *лмж* 77, 80, проклѣтъ 87, *грмдж* 8, 13, 25, 37, 72 и др., обрѣштете 59, сѣтрѣсе 72, зѣрѣ 73, творѣтъ 87, *имѣ* 35, *мѣсопустѣ* 84, 85 и др., *кѣнѣси* 119, *памѣтъ* 89, *пѣтъ* 18, 25, 28, 51, 68, 76 и др., *распѣтъ* 15, *вѣспѣтъ* 20, 73, *сѣ* 42, 85, 86, 88, *смѣж* 78, 86, 94, *дѣсѣтъ* 77, 82, 83, *тѣготѣѣ* 105 и т. п.

Кирилловское *ѵ*, глаголическое *ѿ* означало тѣ звуки, которые греки передавали черезъ *υ*. Буква *υ* у грековъ произносилась въ однихъ случаяхъ, между гласными, какъ *ε*, въ другихъ—какъ нѣмецкое *ü*, наши *и* и *у*. Отсюда разнообразіе значеній *υ* въ церковно-славянскихъ памятникахъ: оно то употребляется рядомъ съ *ε*: *ε*вангеліе и *ε*вангеліе, *Пѣлѣ* и *Пѣѣлѣ* Супр. р. и, слѣдовательно, означаетъ *ε*; то чередуется, даже въ однихъ и тѣхъ же словахъ, съ *и*, *у*: *миро* Зогр. Ев. 39, *турѣскѣ* 22, *газофѣлакиѣви*, *газофѣликиѣж* 70; *порфѣриѣж* Асс. Ев. 68, *сукомариѣж* 81, *газофѣлакиѣж* 82, *упокрити* 88; *скуменѣ* Син. Пс. 26, 118, *Суриѣж* 123, *тумѣпанѣ* 181, въ *Еѣуптѣ* 172; *газофѣлакиѣж* Остр. Ев. 115 об., *хламѣдж* 187, *Порѣфира* 240, *Тур'са* 244 об. = *Θυρσοσ*, *Поликар'пу* 281 об., и т. п. Но особенно часта въ нихъ замѣна *υ* черезъ *ю*, въ случаяхъ въ родѣ *кюриѣнѣниѣж*, вслѣдствіе чего *υ* иногда стоятъ вмѣсто *ю* въ славянскихъ словахъ и окончаніяхъ: *Иулиѣни* Супр. р. 4 (при *Иулиѣни* 2, какъ *Июда* при *Иуда*), *Агриѣколаѣв* 54 (зват. п. отъ *Агриѣколаѣ*), *Пиѣониѣ* 100, 106 (дат. п. отъ *Пиѣониѣ*), по *цѣсарѣ* повелѣнію 100, *плюска* 168 (род. ед. отъ *плюскѣ*) и др. Употребленіе *υ* вмѣсто *ю*—явленіе весьма нерѣдкое въ древне-русскихъ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, XI—XII вв.: *ѵтъ* Свят. Сб. 1073 г. 138 об. = *ютъ*, *Тѣмоѣевѣ* 199 (дат. п.).

Надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ греческихъ говорахъ IX и начала X вѣка *υ* и древній дифтонгъ *οι* произносились тождественно, какъ *ü*, такъ что есть рукописи, гдѣ *υ* и *οι* смѣшиваются между

собою въ употребленіи, но постоянно отличаются отъ ι, η, ει (Foy въ *Bezenbergers Beiträge zur Kunde d. indogerm. Spr.* XII, 57; *Krumbacher, Sitzungsberichte Мюнхенской Акад.* 1886 г. III, 368), и что въ современномъ греческомъ языкѣ кое-гдѣ древнее υ звучитъ какъ наше ю: *λιούχο* = *λύχος*, *χιουρέ* = *τυρός* (*Blass, Ueber die Aussprache d. Griechischen*³, 44). Сравни передачу слав. ю черезъ υ у Константина Багрянороднаго: τὰ πολύδια = полюдіе. Отсюда въ текстахъ церк.-славянскихъ и въ древне-русскихъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, мы иногда видимъ υ и у на мѣстѣ греческаго ο: *суроφνѣниисса* Зогр. Ев. 59; *φνѣникъ* Остром. Ев. 142; *фуникъ* др.-р. Минея 1097 г. (Ягичъ, 349) = *φοῖνιξ*; *стухи* Син. Тр. 6 (род. мн.) = *στοιχεῖον*; *уфія* Опис. р. Синод. Б. I, 29 = *οἰφί*; *асурив*, *лудв*, *мадианв*, *парев*, *фнѣникес* и др., ин'ду, вактириану, скоту, спану и др. Свят. Сборн. 1073 г. 138, 139 (имен. мн.) = *ἀσούριοι*, *λυδοί*, *σκότοι*, *σπάνοι*. Отсюда также и употребленіе *ои* на мѣстѣ греческаго υ: *перьсомъ* и *оур'ка* номъ, епископъ *Оурканиа* Свят. Сборн. 1073 г. 261 об., 263 = *ὄρχ*-

Мы не указали изъ числа гласныхъ звуковъ церковно-славянскаго языка ни одного долгаго. Повидимому, церковно-славянскій языкъ въ эпоху своего историческаго существованія уже не имѣлъ долгихъ гласныхъ. По крайней мѣрѣ ни обѣ азбуки, стремившіяся къ возможно точной передачѣ звуковъ и имѣвшія всѣ нужныя для нея средства, ни древне-русскія нотныя книги, ни—что особенно важно—стихотвореніе Константина Болгарскаго не дѣлаютъ ни малѣйшаго различія между гласными по отношенію къ количеству. Константинъ Болгарскій навѣрное зналъ византійскую теорію о долготѣ однихъ гласныхъ буквъ въ ямбическомъ стихѣ и о краткости другихъ, и могъ бы ею вполне воспользоваться, если бы его языкъ представлялъ два ряда гласныхъ, ясно различавшихся по количеству. Только относительно звуковъ *з*, *ь* и *и* можно съ достовѣрностью сказать, что въ кирилло-меѳодіевскую эпоху они въ извѣстныхъ случаяхъ, при отсутствіи ударенія, произносились короче, чѣмъ другіе гласные: въ слѣдующую эпоху—эпоху памятниковъ—они въ этихъ случаяхъ уже исчезли изъ произношенія.

Немногіе, спорадическіе случаи употребленія двойныхъ гласныхъ, находимые нами въ церковно-славянскихъ и древнѣйшихъ русскихъ

памятникахъ: прѣданіе Зогр. Ев. 21; въ срьдціихъ Асс. Ев. 49, 64, 168, гноинъ 68; законопрѣстжнїиці Снн. Пс. 6, рааздѣлша 41, лстыивъ 116, похотїимъ Клоц. Сб. 4, прѣдаастъ 7; глаголааш Остр. Ев. 55, глаголаати 171 об., параклїтъ 167; ваамъ Святосл. Сб. 1073 г. 190, въ мрътвциихъ 192, мьногаамъ 209, талаантъ 211, о дьскаихъ 237 об., каамыкъ 258, сочиивъмъ 260 и т. п.,— лишены всякой послѣдовательности и кажутся намъ дѣломъ случайной прихоти писцовъ или ошибками и описками.

Согласные. Кирилловскія ж, ы, ш, глаголическія љ, џ, ш, а также сочетаніе *жд* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно образовалось путемъ смягченія изъ *д* или изъ *з*, *зд*, въ эпоху дошедшихъ до насъ памятниковъ произносились иногда твердо, иногда мягко. Твердое произношеніе всего чаще мы наблюдаемъ передъ *а*: *ужась*, *часть*, *чаща*, *жажда* (хотя изрѣдка встрѣчаются написанія, указывающія на мягкое произношеніе, въ родѣ скончательныя Л. Унд.; *жыбы* Снн. Пс. 172, *чыша* 44, 160, *грѣшьничъ* 245; множественнѣ Снн. Тр. 13, *чыша* 8, *надеждъ* 145, им. ед.). Затѣмъ, твердое произношеніе вполне обычно передъ *ж*: *лъжж*, *мъжж*, *чашж*, *жаждж* (хотя сравнительно нѣрѣдки остатки мягкаго произношенія, въ родѣ *въложж* Асс. Ев. 9, *прѣтажж* 82, *чловѣчж* 34, *пророчж* 49; *сълъжжѣтъ* Снн. Пс. 132, *умочж* 8, *душж* 84, *хождж* 91; *кожж* Снн. Тр. 7, *чашж* 85, *отъчж* 152, *рожджшжж* 158, *жажджшжж* 9, *стражджшжж* 46, *жаждж* 55). Далѣе, твердое произношеніе сравнительно рѣдко передъ *у*, и написанія шипящихъ и *жд* съ *ю* въ большей части памятниковъ (кромя Супрасльской рукописи) явленіе обычное: *чюеть* Зогр. Ев. 5, *чюеш* 7, *шюца* 5, *съшедшю* 8, *междю* 59; *мжю* Асс. Ев. 44, *чюдитеса* 11, *чюеш* 43, *междю* 17, 25, 41; *чюдеса* Снн. Пс. 12, *чюхъ* 71, *шюмъ* 13, 90, *мюждю* 137 и т. п.

По всей вѣроятности, шипящїе и *жд* передъ *е*, *и*, *ѣ*, *а* произносились постоянно мягко. Впрочемъ, церковно-славянскїе памятники представляютъ нѣсколько случаевъ употребленія *ж* послѣ *ж* и др., вмѣсто *д*, указывающаго, быть можетъ, на особенно мягкое (сравнительно съ другими согласными) произношеніе этихъ звуковъ: *лежшпті* Асс. Ев. 74, *жаждж* 24, *-ща* 87, *чмсть* 84, *видѣшш* 15, *събърашш* 59, *въжшждетса* 24, *-дахса* 87; *їскашш*, *заклинашш*, *заплѣвашш* Снн. Тр. 88.

Кирилловскія *ѣ, љ, з = s* (зѣло), глаголическое *ѣ* находятся не во всѣхъ црк.-слав. памятникахъ. Изъ нихъ одни: Ассеманово Евангеліе, Синайская Псалтирь, Листки Ундольскаго и Хиландарскіе, довольно строго отличаютъ *z* отъ *з*, и *z* является въ нихъ только въ извѣстныхъ, сравнительно немногихъ словахъ и формахъ, тамъ гдѣ оно образовалось на славянской почвѣ изъ *z*, именно: въ словахъ въ родѣ *zѣло, стьsa, раждзати, сътазатиса*, въ формахъ имен. п. мн. ч. въ родѣ *бози, врази, дат. и мѣстн. ед. носѣ, боуѣ, им.-вин. дв. ч. въ родѣ носѣ, повелит. накл. въ родѣ мози, моуѣте*. Впрочемъ и въ этихъ памятникахъ есть исключенія: *скоуѣ* Асс. Ев. 70; *зѣницѣ* Син. Пс. 26, *раждзѣ* 49, вмѣсто ожидаемыхъ *скоуѣ, зѣницѣ, раждзѣ*. Другіе памятники: Зографское и Маринское Евангелія, Клоповъ Сборникъ, употребляя и *z*, и *з*, не дѣлаютъ между ними строгаго различія, и мы находимъ въ нихъ нерѣдко *z* и иногда *z* вмѣсто ожидаемаго *з*. Третьи памятники: Саввино Евангеліе, Синайскій Требникъ, Супрасльская рукопись, Остромирово Евангеліе совсѣмъ не знаютъ *z*, и въ нихъ на мѣстѣ *z* Ассеманова Евангелія стоитъ постоянно *з*. Многіе средне-болгарскіе памятники (въ томъ числѣ Болонская Псалтирь, Слѣпченскій Апостолъ, Охридскій Апостолъ и Паремейникъ Григоровича) съ большею или меньшею последовательностью отличаютъ *z* отъ *з*, и это обстоятельство заставляетъ думать, что въ древней Болгаріи нѣкоторые говоры имѣли особый звукъ *z*, на мѣстѣ котораго въ другихъ говорахъ слышалось *z*; а существованіе въ обонхъ азбукахъ буквы *z* показываетъ, что языкъ кирилло-меоодіевскихъ текстовъ принадлежалъ къ числу говоровъ знавшихъ *z*.

Современные болгарскіе говоры (главнымъ образомъ западные) иногда имѣютъ *dz* на мѣстѣ церковно-славянскаго *s*: *бладзе = блазѣ, дзезда = звѣзда, ковчедзи = ковчези* (им. мн.). Это заставляетъ думать, что *z* произносилось какъ *dz*.

Церковно-славянское *z* въ эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ передъ твердыми гласными обыкновенно произносилось твердо: *польsa, сътазатиса* и т. п., но могли быть случаи и мягкаго произношенія этого звука: *польсѣ* Хил. Л., *польсь* Син. Пс. 56 (им. ед.), во *стьсьхъ* 25, *стьсьмь* 46, 275, *стьсьж* 52, *помисьжце* 71, *гобсьжцимъ* 288.

Церковно-славянское *з*, замѣняющее въ нѣкоторыхъ памятникахъ *с*, также иногда могло произноситься мягко (между прочимъ въ древне-русскихъ памятникахъ—очень рѣдко—мы читаемъ: пользюжтъ Пандекты Антіоха XI в. 32 об., каѧ пользю 37 об.; пользю Уставъ церк. Тип. Б. XI—XII в. 25 об.; ползю Прологъ 1262 г. 7 об.).

Глаголическое *ж*, буква нерѣдкая въ церковно-славянскихъ глаголическихъ памятникахъ и употреблявшаяся исключительно для передачи греческаго *γ* передъ мягкими гласными: анѣлъ = ἄγγελος, ѣона = γέφυρα и т. п. (очень рѣдко передъ твердыми гласными: Ѣельѣота Зогр. Ев. 43, Ѣельѣота 76, Ѣолѣота, ѣазофилакѣ; въ землі еѣупетьсѣ Син. Пс. 168, — еѣупетьсѣ 173, въ Еѣуптѣ 172),— не имѣло себѣ другаго соотвѣтствія въ кирилловской азбукѣ, кромѣ *г* или *ѣ* (Супр. р.). Вслѣдствіе этого, въ виду постоянного употребленія на мѣстѣ *ж* какъ въ кирилловскихъ (а иногда и въ глаголическихъ) церковно-славянскихъ текстахъ, такъ и въ средне-болгарскихъ памятникахъ буквы *з*, а равно въ виду данныхъ современныхъ болгарскихъ говоровъ, мы должны признать, что *ж* означало не что иное, какъ мягкое *з*.

Тотъ *ж*, который мы находимъ въ древне-русскихъ памятникахъ на мѣстѣ глаголическаго *ж*, греческ. *γ*: Юсюптъ, Юсѣптъ Αἴγυπτος Святославовъ Сборникъ 1073 г. 115 об., 136, 137 об., 138 об., 154 об. и др., Пандекты Антіоха XI в. 86 об. и др.,—не имѣетъ прямаго отношенія къ *ж*: онъ — не что иное, какъ греческій *γ*, замѣнявшій собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ греческое *γ* передъ мягкими гласными.

Кирилловское *л*, глаголическое *љ* передавало два согласныхъ звука *л*, одинъ твердый, другой мягкій. Первый, повидимому, былъ отличенъ отъ современнаго русскаго и польскаго *л* (въ ложка) и былъ тѣмъ среднимъ *л*, который обыкновенно слышится въ современномъ болгарскомъ, въ сербскомъ, въ чешскомъ языкахъ. Такимъ образомъ онъ былъ сравнительно близокъ къ другому, мягкому *л* и легко могъ образовываться изъ этого послѣдняго. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ памятникахъ, въ однихъ часто (въ Саввиномъ Евангеліи, Клоцовомъ Сборникѣ), въ другихъ рѣже (въ

дакаръ при Уставѣ церковномъ XII в., М. Типогр. Б. N. 285, лл. 24 об., 42 об., 76 об.), съ повтореніемъ глухихъ *з* и *ъ*, на мѣстѣ которыхъ въ древнемъ церк.-слав. текстѣ не могло быть гласныхъ *и* и *р*, такъ какъ гласные *и* и *р* не могутъ повторяться при пѣніи, — показываютъ, что въ кирилло-меѳодіевскую эпоху гласные плавные еще не были извѣстны и что они развились уже въ слѣдующую эпоху. Церковно-славянскіе памятники обыкновенно означаютъ эти гласные черезъ сочетанія *лз*, *лъ*, *рз*, *ръ*, но въ нихъ есть нѣкоторое количество случаевъ, гдѣ буквы *з* и *ъ* опущены: *срдце* Зогр. Ев. 6, *крститель* 14, 20, *др'кол'ми* 40, *цр'ковъ* 41, 80, *крста* 44, на *ср'дцихъ* 83; *милосрдъ* Асс. Ев. 64, *трпльж* 72, *срдце* 89; *милосрдовавы* Савв. Ев. 20; *кр'ститиса* Син. Тр. 10, *одржащамъ* 53; *крста* Клоц. Сб. 17, на *крстѣ* 18; *кр'стишася* Сунр. рук. 25, *хр'стовы* 35 (при *Хр'стови* 39), о *скр'би* 41, *отвр'зъ* 43, *дркол'ми* 59, *сымр'тъ* 67, *цр'кве* 414; также: *скврнаштаа* Мар. Ев. 52, *милосрдужъ* 54, *крвъ* 56 (=кровь), о *цркви* 63, *крститель* 146, *милосрдовавъ* 150.

То же мы видимъ въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ: воскреснѣтъ, по воскресеніи Болонская Пс. (Срезневскій, Пам. 354); *смрть* Слѣпченскій Апостоль 13 об., *сымрти* 14 об., *кретитеса* 23 об.; *срна* Охридскій Апостоль 3 об. (при *срна* 3 об.), *отврзе* 4; *смрти* Евангеліе 1277 г. (Срезневскій, Св. и з. N XLIX, стр. 183). Карпинское Ев. XIII в. (Хлудова, № 28) имѣетъ подобныя написанія очень часто: по *скрби* 48 об., *скрбѣти* 122, *прискрбна* 122, *скрбь* 126, до *врху* 65 об., *утврдися* 72 об., *утврди* 73 об., 120 об., *мртвыхъ* 117, *сымрти* 122, въ *вртѣ* 133, въ *крви*, отъ *крве*, до *крве* 117, *каплѣ* *крве* 192 об., *сребрникъ* 133 об., *стмпъ* 53 об., 116, *млчи* 54 об., *сжъ* *пани* 117, *испани* (аор.) 126.

Должно замѣтить, что церковно-славянскіе плавные гласные различались по произношенію, смотря по тому, образовались ли они чрезъ опущеніе *з* или *ъ* передъ плавнымъ согласнымъ (изъ *зи*, *зр*, *ър*), или произошли изъ слоговъ *лз*, *лъ*, *рз*, *ръ*. Въ первомъ случаѣ они составляли слогъ, или были слогообразующими гласными, вслѣдствіе чего образованіе ихъ не оказало никакого вліянія на предъидущій слогъ и не превратило *з*, *ъ* этого слога въ *о*, *е* (ни одинъ памятникъ не имѣетъ *сомрть* или что-нибудь подобное; вездѣ всегда: *сымрть*). Въ послѣднемъ случаѣ плавные гласные часто не составляли слога, и напримѣръ, слова *сызъ*, *крстити* были одно одно-

сложнымъ, другое двусложнымъ; вслѣдствіе этого при образованіи ихъ, какъ и вообще при опущеніи глухихъ, *з* и *ь* предъидущаго слога перешли въ *о* и *е*: воскреснѣ Син. Пс. 1, 16, 19, -соръвенныхъ 26, возгрьмѣ 29 и т. п. Сравни различіе плавныхъ гласныхъ въ древне-чешскомъ языкѣ: въ произведеніяхъ писанныхъ стихами (напримѣръ, въ Александрейдѣ) гласныя *и* и *у* изъ *зи*, *зр*, *зр* постоянно считаются составляющими слогъ, между тѣмъ какъ тѣ же гласныя изъ *ль*, *ль*, *рз*, *рз* часто не составляютъ слога. Это различіе между церковно-славянскими плавными гласными не было значительно, и тѣ ново-болгарскіе говоры, которые уже утратили плавныя гласныя, имѣютъ на ихъ мѣстѣ одинаково или *зр*, *зи*, или *рз*, *ль*: гърло, първъ, млчи (= церк.-слав. гърло, първъ, млчи) и дърво, кърщене, слъзи, кълне (= церк.-слав. *дърво, крщенье, слъзы, кълнетъ).

Можетъ быть, гласныя *и* и *у* иногда звучали мягко, подобно согласнымъ *и* и *у*.

Кирилловское *ѳ*, глаголическое *ѣ* передавало звукъ *ф*, чуждый церковно-славянскому языку и употреблявшійся исключительно въ заимствованныхъ у грековъ книжнымъ путемъ словахъ. Въмѣсто этого звука мы иногда находимъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ *п* и *в*: *пѣникъ*ъ *ѳоѣнѣ* Син. Пс. 207, власимія *βλασφημία*, просвора *πρωσφωρα* Супр. р. 400, быть можетъ, согласно съ греческимъ произношеніемъ. На оборотъ, звукомъ *ѳ* иногда замѣняется звукъ *п*: *ѳорѳиръ* Зогр. Ев. 117; *скорьѳлі* Савв. Ев. 54, *ѳѳифані* 144; *ѳѳифана* Асс. Ев. 172; *скорьѳимъ* Син. Тр. 94, *исѳомъ* 155. *ѳетроніи* 171; та *ѳати* Остр. Ев. 164, Мар. Ев. 387 = τὰ πάθη.

Кирилловское *ц*, глаголическое *ч* означало звукъ *ц*, который, сходно съ шипящими *ж*, *ч*, *ш*, произносился то твердо, то мягко: именно — онъ произносился почти всегда твердо передъ *а* и *ж* (однако: *блисцьнѣ* Син. Пс. 29, *десницѣ* 32, *въсклиццьнѣмъ* 63, *лицѣ* 163. род. ед.; *десницѣж* Син. Тр. 75, *владычѣж* 113, *тронѣж* 122 и др.) и звучалъ весьма часто мягко передъ *у*: *срьдьцю* Зогр. Ев. 16, *сльньцю* 17; Асс. Ев. 14, 31, *отъцю* 25, 36; *лицю* Син. Пс. 91, 97, *срьдьцю* 152; *отъцю* Син. Тр. 15, *срьдьцю* 35 и др.

Афина; средне-болгарское Евангеліе Григоровича XII в.: газоеялакии 23, Автонома 102 об., Троема 109 об.; средне-болгарскій Македонскій Апостолъ XIII в.: Евесъ, Филипа, Олора, Епиеана, афинестии (даже: въ *ф*. година).

Славянское произношеніе *о* какъ *ф*, безъ сомнѣнія, основано на греческомъ произношеніи *φ*. Что греки византійскаго періода въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ произносили *φ* сходно или тождественно съ *ф*, это видно изъ цѣлаго ряда данныхъ: готы въ IV вѣкѣ на мѣстѣ *φ* поставили въ своемъ алфавитѣ *f*, съ числовымъ значеніемъ *φ*; сирійцы въ VII вѣкѣ вмѣсто *φ* писали *φ*, употребляя одну и ту же букву въ *Θωμάς* и въ *στέφανος* (Gardthausen, Griechische Paläographie, 157), и друг.

Случай употребленія *з* вмѣсто *о*: панта та езни = *ξθνη* Богословіе Іо. Дамаскина XII в. —случай единичный и едва ли не описка.

Прочія согласныя буквы церковно-славянскій кирилловскій азбуки, равно какъ и соотвѣтствующія имъ буквы азбуки глаголической, означали тѣ согласныя звуки, которые передаются ими и въ современной кириллицѣ, въ литературномъ языкѣ русскихъ и болгаръ. Такъ, буква *в* означала согласный *в*, буква *з* — согласный *з*, буква *г* — согласный *г* (= лат. *g*, не лат. *h*), и т. д. При этомъ одна и та же согласная буква могла передавать и твердый, и мягкій звуки, такъ какъ въ церк.-славянскомъ языкѣ, какъ въ современномъ литературномъ русскомъ и въ ново-болгарскомъ, почти всѣ согласныя звуки могли произноситься и твердо, и мягко, смотря по тому, какой гласный звукъ за ними слѣдовалъ; такимъ образомъ, напримѣръ, буква *б* въ *быти* означала твердое *б*, а въ *бити* тою же буквою передавалось мягкое *б*. Впрочемъ буква для мягкаго звука иногда отличалась отъ буквы для твердаго звука особымъ значкомъ: *м*.

Нѣкоторыя согласныя буквы были рѣдко употребляемы или вообще, или въ какомъ-либо своемъ частномъ значеніи. Такъ, буквы *ѡ* = *кс*, *ѣ* = *кс* имѣются только въ кирилловскихъ памятникахъ, и то рѣдко (особенно часто въ Супрасльскій рукописи), главнымъ образомъ въ греческихъ словахъ: Александръ, ѡалмъ, и лишь въ видѣ исключенія въ славянскихъ словахъ — въ ѡати и родственныхъ.

Буква *ι*, согласно греческому обычаю, иногда, въ однихъ памятникахъ чаще, въ другихъ совсѣмъ рѣдко, употреблялась въ значеніи *н* исключительно въ греческихъ словахъ въ родѣ ангель, евангелистъ, прикуфъ Супрасльск. рук. = *πινсерс*.

Какъ кирилловское, такъ и глаголическое письмо обыкновенно имѣло разные надстрочные знаки.

Объ одномъ знакѣ, находящемся во всѣхъ церковно-славянскихъ памятникахъ,—прямой или выгнутой чертѣ надъ строкою—нѣтъ надобности распространяться: это — знакъ сокращенія, перешедшій къ славянамъ отъ грековъ, въ значеніи котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Другіе знаки помѣщаются только въ нѣкоторыхъ памятникахъ, исключительно при согласныхъ (главнымъ образомъ при *л, н, р, ι, κ, χ*) и имѣютъ задачу указывать на мягкость звука; въ однихъ памятникахъ (въ Хиландарскихъ Листкахъ и въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ), писанныхъ кириллицею, эти знаки, въ формѣ прямой черты, загнутой на концѣ, присоединяются къ согласнымъ *л, н* съ лѣвой стороны, такъ что получается *л̣, н̣*; въ другихъ памятникахъ (въ Зографскомъ Евангелии и въ Супрасльской рукописи) тѣ же знаки, въ формѣ облеченного ударенія, помѣщаются надъ строкою, между буквами *л, н* и друг. и слѣдующими гласными: *л̣юбы, вол̣ж* (= *волѣж*), *ог̣н̣ь, аг̣г̣ѣль*.

Третьи знаки, встрѣчающіеся въ большей части церковно-славянскихъ памятниковъ (ихъ нѣтъ только въ Маринскомъ Евангелии и въ Синайской Псалтыри) находятся надъ гласными и имѣютъ форму то греческихъ придыханій, то греческихъ удареній, то нашихъ знаковь краткости. Они стоятъ, безъ особенной впрочемъ послѣдовательности, надъ гласными 1) въ началѣ словъ и 2) въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: *его, имъ, онъ, напаѣаше, глаголаахъ, своимъ*. Эти знаки едва ли имѣли какое-нибудь значеніе; будучи копіями греческихъ удареній и придыханій, они могли служить иногда только для указанія начала слова, т. е. для отдѣленія словъ другъ отъ друга.

Четвертые знаки имѣютъ форму то легкаго придыханія, то облеченного ударенія и находятся всего чаще или между двумя согласными, или надъ первою изъ двухъ согласныхъ. Зографское Евангеліе

употребляеть ихъ чаще въ греческихъ словахъ: алек'сан'дрову, нар'дны, ѿен'симани и т. п., рѣже въ славянскихъ: д'нь 72, 65, иш'дъшемъ 58 (сравни: всь Саввино Евангеліе 2, безъ всякаго знака). Ассеманово Евангеліе, Синайскій Требникъ, Супрасльская рукопись, Остромирово Евангеліе имѣють ихъ и въ греческихъ, но чаще въ славянскихъ словахъ, обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ долженъ бы былъ быть написанъ з или ѣ: к'то, д'вою, м'нѣ, к' тому, вѣрен' и т. п. Не слѣдуетъ думать, что эти знаки имѣли какое-нибудь значеніе и что они указывали на опущеніе з или ѣ. Примѣры употребленія ихъ въ родѣ к'васу, к'васа Зогр. Ев. 19, 60, д'виженіѣ, гнѣз'да Асс. Ев. 18, 72, ог'ня, разг'нѣваль, усѣ'нѣти, исп'льни, крѣс'тіяны Супр. рук., умьр'т'вать Остромирово Ев. 225, въскрѣс'нетъ Хил. Лист., въ случаяхъ, гдѣ не могло быть опущенія з, ѣ, показываютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ копіями греческихъ знаковъ, которые въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ византійскаго происхожденія находятся послѣ согласной въ концѣ слова или послѣ первой изъ двухъ стоящихъ рядомъ согласныхъ, если изъ нихъ вторая не λ, ρ, ν: οφθαλ'μου, σπερ'ματων, καρ'πον, κερ'κερ', Βηθ'σαιδα, ηρ'νησατο, ηνεγ'κεν, и которые, безъ сомнѣнія, лишены всякаго значенія (Gardthausen, Griechische Paläographie, 272). Въ церковно-славянскомъ языкѣ самыя обыкновенныя древнія (безъ опущенія з, ѣ) соединенія согласныхъ — соединенія нѣмыхъ съ плавными, въ родѣ мыти, крыти; большая часть прочихъ соединеній, встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ памятникахъ, — сравнительно новаго происхожденія и получились черезъ выпаденіе з или ѣ; поэтому вполне естественно, что указанные знаки, будучи употребляемы согласно греческому обычаю, очень часто, даже почти постоянно находятся тамъ, гдѣ опущенъ з или ѣ.

Кстати должно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ и древне-русскихъ памятникахъ эти знаки употребляются также между нѣмыми и плавными: раз'лжчаеть, с'лавѣ, п'лтъгъ; рядомъ: в'с'таеть, ес'тъ, в'сѣка, в'сег'да Охридскій Ап. XII в. 34; дрѣв'лѣ, яв'лено, зем'ли; рядомъ: жиз'ни, прѣжде, ложес'на новгородск. Путятина Минея XI в. 2 об., 3, 3 об.

IV. Отношеніе звуковъ церковно-славянскаго языка къ звукамъ родственныхъ индо-европейскихъ языковъ.

Церковно-славянскій языкъ и потому, что онъ первый изъ числа славянскихъ нарѣчій получилъ литературное употребленіе, и потому, что онъ сохранилъ въ своемъ звуковомъ и формальномъ строѣ такія черты, которыя были утрачены большею частію другихъ славянскихъ нарѣчій прежде, чѣмъ возникла на нихъ письменность,— можетъ быть избранъ представителемъ славянской семьи языковъ при сравненіи особенностей этой семьи съ особенностями другихъ семей индо-европейской группы, въ цѣляхъ ознакомленія съ отличительными чертами славянской группы и съ древнѣйшею исторіею ея звуковъ и формъ.

Индо-европейская группа языковъ, кромѣ семьи славянской, состоятъ изъ 9 семей: 1) индійской, важнѣйшимъ представителемъ которой служитъ языкъ древне-индійскій, или санскритскій; 2) эранской, важнѣйшій представитель которой языкъ Авесты—древне-бактрійскій, или зевдскій; 3) армянской, которая представляется въ настоящее время языкомъ армянскимъ; 4) греческой, важнѣйшій представитель которой языкъ древне-греческій; 5) албанской, заключающейся теперь въ одномъ языкѣ албанскомъ; 6) италійской, представляемой главнымъ образомъ языкомъ латинскимъ; 7) кельтской, сохраняющейся въ остаткахъ въ живыхъ говорахъ современной Бретони, Шотландіи и Ирландіи; 8) германской, древнѣйшіе представители которой языки готскій и древне-верхне-нѣмецкій, и 9) литовской, состоящей изъ двухъ живыхъ языковъ—собственно литовскаго и латышскаго и изъ вымершаго, дошедшаго до насъ въ незначительномъ количествѣ памятниковъ XV—XVI вв. языка прусскаго.

Всѣ эти семьи—потомки одного обще-индо-европейскаго, или праарійскаго языка, который прекратилъ свое отдѣльное, самостоятельное существованіе за много столѣтій до Р. Хр.

Само собою разумѣется, до насъ не дошло никакихъ памятниковъ отъ этого языка-предка, но современная наука, путемъ сопоставленія особенностей языковъ-потомковъ, находитъ возможнымъ возстановлять тѣ главныя черты, которыя были ему свойственны въ послѣднюю эпоху его существованія, въ эпоху распадения. Что до чертъ, бывшихъ въ немъ въ эпохи, предшествовавшія эпохѣ распадения, то о нихъ мы можемъ различно, съ большею или меньшею вѣроятностью, гадать, но опредѣленіе ихъ не можетъ быть основано ни на какихъ фактическихъ данныхъ, и потому принадлежитъ области фантазіи. Такъ, напримѣръ, мы можемъ строить различныя гипотезы о тѣхъ трехъ звукахъ, которые дали начало звукамъ эпохи распадения, чередовавшимся въ родственныхъ корняхъ: *a, e, ā, ē* (=славянск. *o, e, a, ъ*), *i, ī, ai* и *ei* (=славянск. *ъ, и, ъ*), *u, ū, au* и *eu* (=славянск. *ъ, у, у*); но въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ничего для опредѣленія этихъ звуковъ, кромѣ противорѣчащихъ одна другой аналогій изъ жизни отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ, и потому опредѣленіе ихъ невозможно.

Кромѣ взаимнаго родства семей индо-европейской группы какъ потомковъ одного языка-предка, между нѣкоторыми изъ нихъ обнаруживается особенная близость. Таковы семьи индійская и эранская, которыя, повидимому, нѣкогда, уже по распаденіи обще-индо-европейскаго языка, составляли одинъ языкъ — арійскій. Таковы семьи славянская и литовская. Послѣднія настолько близки между собою по особенностямъ звуковымъ, формальнымъ, лексическимъ, синтаксическимъ, что происхожденіе ихъ отъ одного славяно-литовскаго языка (покончившаго свое существованіе едва ли позже Р. Хр.) можетъ считаться уже доказаннымъ и принятымъ въ наукѣ.

Обѣ семьи, и славянская, и литовская, имѣютъ, между прочимъ, три важныхъ звуковыхъ черты.

Одна изъ нихъ до нѣкоторой степени свойственна главнымъ языкамъ индійской и эранской семей и въ то же время совершенно отсутствуетъ въ главныхъ языкахъ семей западной Европы. Это—употребленіе свистящихъ или шипящихъ согласныхъ (съ ихъ производными) на мѣстѣ гортанныхъ (съ ихъ производными) языковъ

греческой, италійской, кельтской и германской семей: церк.-слав. и древне-русск. съто, литовск. šimtas, лотышск. simts — санскритск. śataṁ, зендск. śatəm—греч. ἑκατόν, лат. centum, др.-ирск. cēt, готск. hund; церк.-слав. десять, др.-русск. десять, лит. dešimtis, лот. desmit—санскр. daśa — греч. δέκα, лат. decem, готск. teihun.

Вторая черта до известной степени чужда главнымъ языкамъ индійской и эранской семей и, напротивъ того, свойственна всѣмъ языкамъ западной Европы. Это — употребленіе звука *ë* (съ его производными) въ корняхъ, напримѣръ, формъ настоящаго времени изъявительнаго накл., вмѣсто котораго въ санскритскомъ и зендскомъ языкахъ мы находимъ *ā* (съ его производными): церк.-слав. берѣ, др.-русск. беру, лит. beriu (сыплю), лотышск. begu (сыплю) — греч. φέρω, лат. fero, др.-ирск. berim, готск. baiga (читай: bera, несy) — санскр. bhagāni (несу); церк.-слав. везѣ, др.-русск. везу, лит. vežu (везу), лот. vezdu — греч. ἔχω, лат. veho, готск. vīga (*i* изъ *e*) — санскр. vahāni (везу).

Третья черта также чужда главнымъ языкамъ индійской и эранской семей и также свойственна языкамъ западной Европы. Это — сравнительно большое количество словъ съ звукомъ *l* въ корнѣ. Языки санскритскій и зендскій знаютъ звукъ *l*; но онъ въ нихъ мало употребителенъ, и въ большинствѣ случаевъ мы въ нихъ находимъ *r* на мѣстѣ *l* языковъ западно-европейскихъ, славянскаго и литовскаго: ц.-слав. и др.-русск. слу-ти, греч. κλυ-τός, лат. in-clu-tus, др.-ирск. clu (слава), др.-в.-нѣм. (H)lu-do-wig — санскр. śru-tas (славный), зендск. sru-tas; ц.-сл. отъ-лѣк-ъ (остатокъ), лит. lėk-u (оставляю), греч. λείπ-ω, лат. linqu-o — санскр. корень rik (оставлять).

Первая изъ указанныхъ чертъ сближаетъ славянскую семью языковъ, вмѣстѣ съ литовскою, съ семьями языковъ Азіи; двѣ другія сближаютъ съ семьями языковъ западно-европейскихъ. Такимъ образомъ славянская семья, вмѣстѣ съ литовскою, представляетъ собою промежуточное звено между индо-европейскими языками Азіи съ одной стороны и языками западной Европы съ другою.

1. Г л а с н ы е.

Славянское *a* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. \bar{a} , греч. $\bar{\alpha}$ (откуда η), ω , лат. \bar{a} , \bar{o} , лит. *o* (откуда \ddot{u}), рѣдко (въ исходѣ словъ) *a*: ц.-сл. и др.-р. мати—скр. $m\bar{a}t\bar{a}$ (мать, им. ед.; основа $m\bar{a}t\bar{a}r-$), гр. дор. $\mu\acute{\alpha}t\eta\rho$ (аттич. $\mu\acute{\eta}t\eta\rho$), лат. $m\bar{a}t\bar{e}r$, лит. $mot\bar{e}$; ц.-сл. и др.-р. да-ти, да-нь, да-рь—скр. $da-d\bar{a}-ni$ (даю), $d\bar{a}-nam$ (даръ), гр. $\delta\acute{\iota}-\delta\omega-\mu\iota$, $\delta\acute{\omega}-\rho\omega\nu$, лат. $d\bar{o}-num$, лит. $d\bar{u}-ti$ (дать), $d\bar{o}-nis$ (даръ); ц.-слав. и др.-русск. жен-а—скр. $a\v{c}v-\bar{a}$ (кобыла, им. ед. женск. р.), греч. $\chi\acute{\omega}\rho-\bar{\alpha}$, др.-лат. $equ-\bar{a}$, лит. $gank-\bar{a}$ (рука).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ славянское *a*, долженъ былъ звучать двойко: то какъ \bar{a} открытое (откуда греч. α , η , лат. \bar{a}), то какъ \bar{a} нѣсколько закрытое, приближающееся къ *o* (откуда греч. ω , лат. \bar{o}). Такимъ образомъ основа и корень приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть $m\bar{a}t\bar{a}g-$ съ \bar{a} открытымъ и $d\bar{a}$ - съ \bar{a} закрытымъ, а окончаніе имен. ед. женск. р. звучало какъ \bar{a} открытое.

Несомнѣнно, слав. *a* первоначально, въ до-историческое время, было долгимъ звукомъ.

Кромѣ *a* изъ обще-индо-европ. \bar{a} , церковно-славянскій языкъ имѣеть: 1) *a* изъ обще-индо-европ. \bar{a} , въ сочетаніяхъ съ плавными: *ра*, *ла*, *ла* (= русск. *ро*, *ло*, *оро*, *оло*), и 2) *a* изъ \bar{a} , послѣ *j* и шипящихъ согласныхъ. Церк.-сл. азъ, др.-русск. язъ, я, хотя и родственны съ санскр. $\bar{a}ham$, греч. $\acute{\epsilon}\gamma\omega$, лат. *ego*, лит. *aĩ*, *eĩ*, но вѣроятно, происходятъ не отъ того обще-индо-европ. корня съ краткимъ гласнымъ, къ которому восходятъ эти послѣднія, а отъ другаго, съ *a*.

Надо имѣть въ виду, что слав. *a* на славянской почвѣ, подъ разными вліаніями 1) вошло въ составъ ж (откуда л) и 2) образовало въ нѣкоторыхъ случаяхъ ы.

Славянское *e* обыкновенно соотвѣтствуетъ санскр. *a*, греч. ϵ , лат. *e* (откуда иногда *i*), лит. *e*: церк.-слав. ѡс-тъ (3 л. ед.)—санскр. $as-ti$, греч. $\acute{\epsilon}\sigma-t\acute{\iota}$, лат. *es-t*, лит. *es-ti*; церк.-слав. и др.-русск. неб-о -- скр. $nabh-as$ (небо), греч. $\nu\acute{\epsilon}\phi-\omega\varsigma$, $\nu\epsilon\phi-\acute{\epsilon}\lambda\eta$, лат. *neb-ula*, лит. *deb-esis* (облако, съ непонятнымъ \bar{d} вмѣсто n); церк.-слав. и др.-русск. вез-ете

(2 л. мн. ч.) — скр. *vah-a-ta* (везете, 2 л. мн.), греч. ἔχ-ε-τε, лат. *veh-i-te* (повелит. н.), лит. *vež-a-te* (везете).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ славян. *e*, долженъ былъ звучать какъ открытое *ě*, близкое къ *a*, или — что въ сущности то же — какъ узкое *ǣ*, склоняющееся къ *e*. Такимъ образомъ корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть *es*-, *pebh-*, *veg*, *h-*, *-te*.

Несомнѣнно, слав. *e* искони было звукомъ краткимъ.

Кромѣ *e* изъ обще-индо-европ. *e*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ *e* изъ *jo*, образовавшееся на слав. почвѣ (въ копѣе и т. п.).

Надо имѣть въ виду, что слав. *e* на славянской почвѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ 1) перешло въ *ь*, 2) вошло въ составъ *я*, 3) перешло въ *ъ* въ церк.-славянскихъ сочетаніяхъ *рѣ*, *лѣ* (= русск. *ре*, *ле*, *ере*, *еле*).

Славянское *o* обыкновенно соотвѣтствуетъ санскр. *a*, греч. *α*, *ο*, лат. *a* (откуда *i*), *o* (откуда *u*), лит. *a*: церк.-слав. и др.-русск. ось — скр. *akṣ-as* (ось). греч. ἄξ-ων, лат. *ax-is*, лит. *as-is* (ось); церк.-слав. и др.-русск. жен-*o* (зв. п.) — скр. *aśv-ā* (кобыла, зв. п.), греч. *ὄμφ-ᾶ*; церк.-слав. и др.-русск. дождь — скр. *dam-*; греч. *δῆμος*, лат. *domus*; церк.-слав. и др.-русск. про — скр. *pra* (отъ), греч. *πρό*, лат. *pro-*, лит. *pra-* (про-).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *o*, долженъ былъ звучать двояко: то какъ *ā* открытое (откуда греч. *α*, лат. *a*), то какъ *ǝ* нѣсколько закрытое, приближающееся къ *o* (откуда греч. *ο*, лат. *o*), и, вѣроятно, отличался отъ обще-индо-европ. *ā* только количествомъ. Такимъ образомъ формы зват. п. женск. р. и корень *ak*, *s-* должны были имѣть *ā* открытое, а корень *dam-* и предлогъ-префиксъ *pra* — *ǝ* закрытое.

Едва ли можно сомнѣваться, что слав. *o* развилось изъ *ā* уже на славянской почвѣ, т. е. что въ начальную эпоху жизни обще-славянскаго языка въ немъ на мѣстѣ нашего *o* слышался тотъ же звукъ, что и въ литовскомъ языкѣ, — *ā*.

Славянское *o* искони было звукомъ краткимъ.

Надо имѣть въ виду, что славянское *o* (*ā*) на славянской почвѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ 1) перешло въ *з*, 2) вошло въ со-

ставъ ж и ы и 3) перешло въ *ā* въ церк.-слав. сочетаніяхъ *ра, ла, аа* (= русск. *ро, ло, оро, оло*).

Славянское *и* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *ī*, греч. *ī*, лат. *ī*, лит. *ī* (*y*), рѣдко (въ исходѣ словъ) *i*: ц.-слав. и др.-руссск. жи въ — скр. *dži-vas*, лат. *vī-vus*, лит. *gī-vas* (живой); ц.-сл. и др.-руссск. пи-ти — скр. *pī-tis* (питье), *pī-tas* (выпитый), гр. *πί-νω*; ц.-сл. и др.-руссск. видѣвъш-и (причастіе, им. ед. женск. р.) — скр. *viduš-ī* (причастіе перфекта отъ корня *vid-* знать; им. ед. ж. р.), лит. *davus-ī* (причастіе прош., отъ глаг. давать, им. ед. ж. р.).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходятъ это *и*, долженъ былъ звучать *ī*. Такимъ образомъ корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ должны были быть *g, ī-, rī-, -ī*.

Слав. *и* изъ обще-индо-европ. *ī* первоначально было звукомъ долгимъ.

Должно замѣтить, что оно вошло, на славянской почвѣ, въ составъ *а*;

2) скр. *ē* (изъ *ai*), греч. *ei*, лат. *ē* (изъ *ei*), лит. *ei*, *ē* (= дифт. *ie*): ц.-сл. и др.-р. видъ — гр. *Feĩdos*, лит. *veĩlas* (липо); ц.-сл. и др.-р. и-ти — скр. *ē-ti* (иду), греч. *εĩ-μι*, лит. *ei-ti* (идти), *ei-ti* (иду); ц.-сл. зима — греч. *χεĩμα*, лит. *ĩẽma* (зима).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходятъ это *и*, долженъ былъ звучать какъ дифтонгъ *ei*. Корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ должны были быть *veid-, ei-, g, heim-*.

Слав. *и* изъ *ei* первоначально было также звукомъ долгимъ.

Кромѣ *и* изъ *ī* и изъ дифтонга *ei*, церковно-славянской языкъ имѣеть *и*: 1) изъ *ь* (*z*) при предъидущемъ или послѣдующемъ *j*, 2) изъ *ъ* въ концѣ формъ имен. мн. и повел. накл. и послѣ *j*, 3) изъ *ы* послѣ *j*.

Славянское *у* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) передъ искони твердыми согласными и *j*: скр. *ū* (изъ *au*), греч. *au*, *ou*, лат. *au*, *ū* (изъ *ou*), лит. *au*: ц.-сл. и др.-р. туръ — греч. *ταῦρος*, лат. *taurus*, лит. *taugas*; ц.-сл. и др.-р. уши (дв. ч.) — лат. *auris*, лит. *ausis*; ц.-сл. и др.-р. дурънь — греч. *δούρ-ος*, лат.

ŷig-og; ц.-сл. и др.-р. сыну (род. ед.)—скр. sūpōs (род. ед., изъ sūp-*aus*), лат. sūnaus (род. ед.).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *y* передъ искони твердыми согласными и передъ *j*, долженъ былъ звучать какъ дифтонгъ *ai* (можетъ быть, иногда *āi*), имѣвшій *a* или открытое (откуда греч. *αι*, лат. *ai*), или нѣсколько закрытое, приближающееся къ *o* (откуда гр. *ου*, лат. *ū*). Такимъ образомъ корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формы въ обще-индо-европ. языкѣ должны были быть *taug-*, *aus-*, *-aus*.

Несомнѣнно, слав. *y* первоначально было долгимъ звукомъ.

Трудно сомнѣваться, что слав. *y* развилось изъ дифтонга *ai* (черезъ посредство дифтонга *oi*) уже на славянской почвѣ, можетъ быть, послѣ того времени, когда началось нѣмецкое вліяніе на обще-славянскій языкъ (срв. ц.-сл. *усердъ* и пра-нѣм. *aussahringos* ушное кольцо);

2) передъ мягкими согласными: скр. *ō* (изъ *ai*), гр. *ευ*: ц.-сл. *блюд-ж*, др.-р. *блюд-у* (= *бл'уд-ж*, изъ *бјуд-ж*; *л'* — мягкое *л*)—скр. *bōdh-āni* (знаю), гр. *τεῦθ-ομαι* (изъ *φευθ*—). Къ этому при-мѣру должно присоединить еще ц.-сл. и др.-р. *жюп-бъл*, *чюдо*, *чю-ти*, *шюмъ*, *любъ*, *людъ*, *лють*, ц.-сл. *штюждъ* = др.-русск. *чюжь* и т. п., для которыхъ однако мы не можемъ представить соотвѣтствующихъ словъ изъ другихъ индо-европ. языковъ.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *y* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ, долженъ былъ звучать какъ дифтонгъ *ei* (иногда, можетъ быть, *ēi*). Такимъ образомъ корень приведеннаго слова въ обще-индо-европ. языкѣ долженъ былъ звучать: *bheidh-*.

Несомнѣнно, это слав. *y* первоначально было также звукомъ долгимъ.

Вѣроятно, оно развилось изъ *ei* уже на славянской почвѣ и переходнымъ звуковымъ сочетаніемъ отъ *ei* къ *y* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ было сочетаніе *ju*. На это указываетъ *л* въ *блюдъ*, образовавшееся изъ *j* (какъ *л* въ *любж* и т. п.); на это указываетъ ц.-сл. *шт* въ *штюждъ* и др.-р. *ч* въ *чюжь*, изъ *т*, которыя не могли бы образоваться, если бы послѣ *т* не было *j*.

Славянское *з* 1) обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *и*, греч. *υ*, лат. *и*, лит. *и*: ц.-слав. и др.-р. рѣд-ѣти—скр. *rudh-igas* (красный), греч. *ἐρυθ-ρός*, лат. *rub-er*, лит. *rud-as* (рыжий); ц.-сл. дѣшти, др.-р. дѣчи (изъ *дѣгти, *дѣгити)—скр. *duhita* (им. ед., основа *duhitag-*, дочь), гр. *θυγάτηρ*, лит. *duktė* (дочь); ц.-сл. и др.-р. сынъ (им. п. ед.) — санскр. *sūnu-s* (сынъ), лит. *sūnu-s* (сынъ).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить это слав. *з*, долженъ былъ звучать какъ *й*, такъ что корни и основа приведенныхъ словъ были *rudh-*, *duḡ₂h-*, *sūnu-*.

Это слав. *з* было искони звукомъ краткимъ;

2) въ сочетаніи съ плавными согласными, именно въ группахъ *зи*, *зр* съ послѣдующимъ согласнымъ, соотвѣтствуетъ санскр. гласному *r* (г) и группамъ *ur*, *ūr*, *ir*, *īr*, лит. *il* (*ir*): ц.-сл. волкъ, откуда *вѣкъ* (*вѣкъ*), др.-р. *вѣкъ*—скр. *vrkas* (волкъ), лит. *vilkas* (волкъ); ц.-сл. и др.-р. пѣльнъ—скр. *pūrṇas* (полный), лит. *pilnas* (полный); ц.-сл. и др.-р. долгъ—скр. *dīrghas* (долгій), лит. *ilgas* (долгій). Западно-славянскіе языки здѣсь, на мѣстѣ ц.-сл. и др.-русск. *з*, иногда имѣютъ *ѣ*: **вѣкъ* (лужицк. *velk*, пол. *wilk*).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить слав. *з* въ соединеніи съ слѣдующими согласными плавными, могъ звучать какъ гласный плавный—*r* или *l*. Такимъ образомъ основы приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ могли быть *vrk₂a-*, *pūrṇa-*, *dṛḡ₂ha-*.

Это слав. *з* искони было звукомъ также краткимъ.

Кромѣ *з* изъ обще-индо-европ. *и* и *зи*, *зр* изъ обще-индо-европ. плавныхъ гласныхъ, церк.-славянскій языкъ имѣетъ еще разившійся на славянской почвѣ *з* изъ *o* (*ā*), обще-индо-европ. *a*.

Надо имѣть въ виду, что славянское *з* на славянской почвѣ 1) вошло въ составъ *ж*, 2) перешло послѣ *j* въ *ѣ* и 3) перешло передъ *j* въ *ы*.

Слав. *з*, какого бы оно происхожденія ни было, въ древнѣйшую эпоху существованія обще-славянскаго языка (впрочемъ когда на него уже оказывалъ вліяніе нѣмецкій языкъ) звучало какъ краткое *у*. Срв. ц.-сл. князь, др.-р. князь и пра-нѣм. *kingos*.

Славянское *ы* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *й*, греч. *υ*, лат. *й*, лит. *й*: ц.-сл. и др.-русск. дымъ—скр. *dhūmas* (дымъ), гр. *θυμός*,

лат. *fīnus*, лит. *dīmtai* (им. мн.); ц.-сл. и др.-р. мышь — санскр. *мӣс-* (мышь, въ сложныхъ словахъ), гр. *μῦς*, лат. *мӣс*; ц.-сл. и др.-русск. сынъ — санскр. *с̄ипus*, лит. *с̄ипus*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить *ы*, долженъ былъ звучать какъ *й̄*, такъ что корни приведенныхъ словъ были *dh̄im-*, *мӣс-*, *с̄и-*.

Несомнѣнно, *ы* первоначально было звукомъ долгимъ.

Кромѣ *ы* изъ обще-индо-европ. *й̄*, церковно-славянскій языкъ имѣеть еще *ы* 1) изъ слав. *а*, обще-индо-европ. *ā*, 2) изъ слав. *о*, *ā*, обще-индо-европ. *а* и 3) изъ *з*, обще-индо-европ. *и*.

Слав. *ы* изъ *й̄*, *ā*, *ā*, въ древнѣйшую эпоху жизни обще-славянскаго языка (впрочемъ когда уже началось на него вліяніе нѣмецкаго языка) звучало какъ долгое *у*. Сравни ц.-сл. хвѣзъ и др.-верхне-нѣм. *hūs*.

Слав. *ы* на славянской почвѣ послѣ *ј* кое-гдѣ перешло въ *и*.

Славянское ѣ

1) обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *і̄*, греч. *ι*, лат. *і*, лит. *і̄*: ц.-слав. и др.-русск. вдова — скр. *vidhavā-* (вдова, въ сложныхъ словахъ), лат. *vidua*; ц.-сл. и др.-р. льнъ — гр. *λίνον*, лат. *linum*, лит. *linas*; ц.-сл. и др.-р. ѣс-мь (1 л. ед. ч.) — скр. *as-mi*, гр. *εἰ-μί*, лит. *es-mi*.

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить это славян. *ѣ*, долженъ былъ звучать какъ *й̄*.

Корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ въ обще-индо-европ. языкѣ звучали *vidh-*, *líp-*, *-mí*;

2) въ сочетаніи съ послѣдующими плавными и носовыми согласными, именно въ группахъ: а) *ѣр* и б) *ѣм*, *ѣн*, — соотвѣтствуетъ:

а) скр. гласному *ṛ* (*ṛ*) и группамъ *ur*, *ir*, греч. *αρ*, *ρα*, лат. *ор*, лит. *ір*: ц.-слав. съ-мър-тъ, откуда смръть (смерть), — скр. *mṛ-tis* (смерть), лат. *mor-s mor-tis*, лит. *mīr-tis* (смерть); ц.-слав. и др.-р. четвѣр-тъ, греч. *τέταρ-τος*, *τέτρα-τος*, лит. *ketvir-tas* (четвертый); ц.-слав. и др.-р. сѣрд-ѣце — греч. *καρδ-ία*, гомерич. *καρδ-ίη*, лит. *šird-is* (сердце);

б) скр. *а* и группамъ *am*, *an*, лат. *em*, *en*, лит. *im*, *in*: ц.-слав. и др.-р. мѣм-ѣти — скр. *ma-tis* (мысль), лат. *men-tio*; ц.-сл. и др.-р. въз-ѣм-ж — лит. *im-у*, *im-ti* (беру, брать); ц.-сл. жѣм-жъ, др.-р. жѣм-у — лит. *gin-у*, *gin-ti* (отражаю, отражать).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ слав. *ѣ*, могъ звучать какъ гласный *ɛ* (*ɛ*), а обще-индо-европ. звуки, къ которымъ восходятъ слав. *ѣм*, *ѣн*, — могли звучать какъ гласные носовые *m̄* (*m̄*) и *n̄* (*n̄*).

Несомнѣнно, слав. *ѣ*, какого бы образованія оно ни было, искони было звукомъ краткимъ.

Славянское *ѣ*, какого бы происхожденія оно ни было, въ древнѣйшую эпоху существованія обще-славянскаго языка (впрочемъ, когда уже началось на него влiянiе нѣмецкаго языка) звучало какъ краткое *i*. Сравни ц.-сл. и др.-р. стекло и пра-нѣм. *stiklos*.

Бромѣ 1) *ѣ* изъ обще-индо-европ. *i* и 2) *ѣ* въ группахъ *ѣр*, *ѣм*, *ѣн* изъ обще-индо-европ. гласнаго и носовыхъ гласныхъ, церковно-слав. языкъ имѣетъ еще *ѣ* развившiйся на слав. почвѣ изъ *e* и (последѣ *j*) изъ *z*.

Надо имѣть въ виду, что слав. *ѣ* на славянской почвѣ 1) вошло въ составъ *а* и 2) подѣ влiянiемъ предъидущаго или послѣдующаго *j*, перешло въ *и*.

Славянское *ѣ* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) санскр. *ā*, греч. *η*, лат. *ē*, лит. *ė* (= *é*): ц.-слав. и др.-р. *дѣ-ти* — скр. *da-dhā-mi* (кладу), греч. *τί-θη-μι*, лит. *dė-ti* (класть); ц.-сл. и др.-р. *сѣ-ти*, *сѣ-ма* — греч. *ῥ-η-μι* (изъ *σῖ-θη-μι*), лат. *sē-ten*, лит. *sė-ti* (сѣять), *sė-tenis* (посѣвъ, мн. ч.); ц.-сл. и др.-р. *об-ѣд-ѣ* — лит. *ėd-mi* (ѣмъ).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ здѣсь *ѣ*, долженъ былъ звучать какъ *ē* открытое, близкое къ *a*, или — что то же — какъ узкое *ā*, склоняющееся къ *e*. Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть *dhē-*, *sē-*, *ēd-*.

Несомнѣнно, слав. *ѣ* изъ *ē* первоначально было звукомъ долгимъ.

Это *ѣ* на славянской почвѣ, послѣ *j* и шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, перешло въ *а*;

2) скр. *ē* (изъ *ai*), *āi*, греч. *αι*, *οι*, *α*, лат. *ae*, *ē*, *oe*, *ū*, лит. *ai*, *ē*: ц.-сл. и др.-р. *лѣвъ* — греч. *λαίβος*, лат. *laevus*; ц.-слав. и др.-р. *дѣверь* — скр. *dēvā* (деверь, осн. *dēvar-*), греч. *δα(ι)ήρ*, лат. *lėvir*; ц.-сл. *снѣгъ* — лит. *snėgas*; ц.-слав. и др.-р. *вѣд-ѣ* (знаю) — скр. *vėd-a* (знаю), греч. *φοῖδ-α*; ц.-слав. и др.-р. *бѣсъ* — лит. *baisus* (страшный);

ц.-сл. и др.-р. вълц-*н* (мѣстн. ед.)— скр. *vŕk-ē* (мѣстн. ед., волкъ), греч. οἶκ-*σι*; ц.-сл. и др.-р. жен-*н* (мѣстн. п. ед.) — греч. ὑόρ-*α*, лат. *Rom-ae*.

Обще-индо-европейскихъ звуковъ, къ которымъ восходитъ здѣсь *н*, должно было быть два; это были дифтонги *āi* и *āi* или 1) съ чистымъ *a* (откуда греч. *α*, лат. *ae*, *ē*), или 2) съ *a* закрытымъ, склоняющимся къ *o* (откуда греч. *ο*, лат. *oe*, *ū*). Корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ въ обще-индо-европ. языкъ были *lāiv-*, *dāiv-*, *vāid-*, *bhāi-*, *-āi* (мѣстн. ед. муж. р.), *-āi* (мѣстн. ед. ж. р.).

Слав. *н* изъ дифтонга образовалось на славянской почвѣ, уже послѣ того, какъ началось взаимное вліяніе языковъ обще-славянскаго и нѣмецкаго (срав. ц.-слав. и др.-р. хлѣбъ и пра-нѣм. *hlaiþhos* хлѣбъ). Это *н* еще не могло существовать въ то время, когда совершился въ славянскомъ языкѣ переходъ гортанныхъ согласныхъ въ шипящіе: тогда на мѣстѣ *н* находился твердый гласный, неспособный смягчать гортанные, дифтонгъ *ai*.

Слав. *н* изъ дифтонга на славянской почвѣ 1) въ концѣ нѣкоторыхъ словъ (формъ) и 2) послѣ *j* — перешло въ *и*.

2. Чередованія гласныхъ.

Если мы взглянемъ въ лексическій составъ церковно-славянскаго языка, то увидимъ въ немъ цѣлый рядъ словъ, несомнѣнно родственныхъ между собою, но отличающихся (помимо суффиксовъ и т. п.) качествомъ гласныхъ звуковъ въ корняхъ.

При группировкѣ подобныхъ словъ, мы можемъ выдѣлить три главные группы, которыя по входящимъ въ составъ ихъ звукамъ можно назвать: 1) группа *A*, 2) группа *I* и 3) группа *У*.

I. Группа A. Корни родственныхъ словъ группы *A* отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что имѣютъ гласный: одни — *e*, другіе — *o*, третьи — *н* (изъ обще-индо-европ. *ē*), четвертые — *a*, пятые и шестые (передъ плавными и носовыми согласными) — *ь* или *z*; иначе говоря, въ корняхъ словъ этой группы чередуются между собою звуки въ однихъ — *e*, *o*, *н*, *a*, въ другихъ, передъ плавными и носовыми, сверхъ того, — *ь*, *z*.

Корней, въ которыхъ бы чередовались всѣ эти гласныя, не существуетъ.

Корни, въ которыхъ чередуются по четыре изъ указанныхъ гласныхъ, сравнительно немногочисленны: греб-ж, гроб-ъ, по-греб-ати, граб-ити, русск. граб-ли; леж-ати, по-лож-ити, лг-ати, по-лаг-ати; нес-ж, нос-ити, нѣс-ъ (вористъ), при-наш-ати; плет-ж, плот-ъ, съ-плѣт-ати, плат-ъ, за-плат-а; тек-ж, ток-ъ, у-тѣк-ати, за-тач-ати, и др.

Корней, въ которыхъ чередуются какіе-либо три изъ указанныхъ гласныхъ, также немного: 1) вед-ж, вод-ити, про-важд-ати, русск. спро-вад-ить; мет-ж, мос-тъ, мѣт-ати; рек-ж, рок-ъ, рѣч-ъ; сед-ьло, сѣд-ѣти, сад-ъ; 2) бер-ж, у-бор-ъ, бѣр-ати; дер-ж, раз-дор-ъ, дѣр-ати.

Гораздо больше корней, гдѣ чередуются только два гласныхъ: 1) бред-ж, брод-ъ; вез-ж, воз-ъ; стен-ати, стонъ; деб-ель, деб-ръ (Зогр. Ев.), доб-ръ; теп-лъ, топ-лъ, топ-ити; вел-ѣж, вол-я; чес-ати, кос-а; себ-е, соб-ож; 2) сек-ыра (Син. Пс. 156), сѣк-ж; лет-ѣти, лѣт-ати; гнет-ж, у-гнѣт-ати; се-ло, сѣ-ма; 3) клон-ити, клан-ятиса; кол-ѣж, за-кал-ати; кос-нѣтиса, кас-атиса; моч-ити, мак-ати; пол-ѣти, пал-ити; сто-ѣж, въ-ста-ѣж.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ коренныя *e* и *o* вошли въ составъ *я*, коренное *e* перешло въ *ь* (въ церк.-слав. сочетаніяхъ *ръ*, *ль*), коренное *o* (*а*) вошло въ составъ *ж* или перешло въ *а* (въ церк.-слав. сочетаніяхъ *ра*, *ла*); въ *e* (послѣ *ј*), въ *z*, а коренное *ь* перешло въ *а* (послѣ *ј* и шипящихъ), то естественно, при чередованіи гласныхъ мы наблюдаемъ чередованіе не только *e*, *o*, *ь*, но и ихъ производныхъ. Мы находимъ:

за-кон-ъ, за-чѣн-ж, за-ча-ти; ѣм-лѣж (изъ *јом-лѣж*), въз-ѣм-ж, въз-а-ти; за-пон-а, рас-пѣн-ж, рас-па-ти, пѣ-то; звон-ъ, звѣн-ѣти, звѣж-ж; по-грав-нж, по-грѣв-ити; мат-ежь, мѣт-ити; мак-ѣжь, мѣк-а; съ-праг-ати, сѣ-прѣг-ъ;

пер-ж, о-пор-а, прѣ-ти (изъ *пер-ти); мор-ъ, мѣр-ж, мрѣт-и (изъ *мер-ти); от-вор-ити, вѣр-ж, врѣ-ти; пол-ѣти, пла-ма (изъ *пѣл-ма); про-стор-ъ, стра-на (изъ *стѣр-на), про-стрѣ-ти (изъ *стер-ти); мѣрз-нж, мрз-ъ (изъ мѣрз-ъ); смѣрд-ѣти, смрад-ъ; мѣрк-нж, мрак-ъ; др.-русск. влѣк-ѣ (причаст. прош. вр.), ц.-сл. об-(в)мак-ъ, влѣк-ж;

жел-ати, жал-ѣти (изъ *жѣл-ѣти); жер-авъ (горячій), гор-ѣти, съ-гар-ати, жар-ъ (изъ *жѣр-ъ); кад-ити, чад-ъ (изъ *чѣд-ъ).

Чередованіе коренныхъ гласныхъ *e, o, ѣ, a, ъ, з* въ родственныхъ между собою словахъ церк.-славянскаго языка не принадлежить къ числу свойствъ ни этого языка, ни вообще славянскихъ языковъ. Оно развилось въ недосыгаемой для науки древности, еще въ глубинѣ обще-индо-европейскаго періода, и досталось церк.-слав. языку по наслѣдству въ той же мѣрѣ, въ какой и другимъ индо-европейскимъ языкамъ. Въ послѣднихъ чередуются тѣ гласные, которые соотвѣтствуютъ славянскимъ *e, o, ѣ, a* и проч., т. е. всего чаще: въ санскритѣ—*a* и *ā*, въ греческомъ—*e, o, γ, ω*, въ латинскомъ—*e, o, ē, ō* (съ ихъ производными), въ литовскомъ *e, a, ē, o*. Въ обще-индо-европейскомъ языкѣ всего чаще должны были чередоваться коренные гласные *e, a* (близкое къ *o*), *ē, ā* (близкое къ *o*), а иногда (когда въ церк.-славянскомъ являлись *ъ* и *з*) могли принимать участіе въ чередованіи также гласные плавные и носовые (*er, ar, ēr, ār* и гласный *r*; *et, at, ēt, āt* и гласный *ŋ*).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихъ языковъ и литовскаго:

греч. *κλέπ-τω, κέ-κλωφ-α, κλωπ-άομαι; τρίπ-ω, τρέπ-ος, τρωπ-άω; φέρ-ω, φόρ-ος; λέγ-ω, λόγ-ος; λέχ-ομαι, ἄ-λοχ-ος; δέω, δί-δη-μι; μέλ-ει, μέ-μηλ-ε; τί-θε-μεν, τί-θη-μι; δι-δο-μεν, δό-σις, δῶ-ρον; πο-τέν, πέ-πω-κα; ὀπ-τέον, ὀπ-ωп-α; ῥήγ-νυμι, ἔ-ῥρωγ-α; πτήσσω, πτώσσω; ἀρήγω, ἀρωγός;*

лат. *teg-o, tog-a, tēxi, tēg-ula; dec-et, doc eo; vel-le, vol-o; sequ-or, soc-ius; sed-eo, sēd-es; ed-o* (наст. вр.), *ēd-i* (перф.); *leg-o, lēg-i; voc-o, vox vōcis;*

лит. *met-u* (бросаю), *at-mat-as* (отбросъ), *mēt-au* (прош. вр.); *peš-u* (тащу), *pra-naš-as* (пророкъ); *tek-u* (теку), *tak-as* (токъ); *ved-u* (веду), *vad-as* (вожакъ); *darb-as* (работа), *dīrb-u* (работаю); *ger-iu* (пью), *gēr-is* (пьюте), *gīr-a* (напитокъ); *slenk-u* (ползу), *slank-a* (лѣвнѣй), *slīnk-ti* (неопред. н.).

Наблюдая тѣ случаи, гдѣ въ церковно-славянскомъ, греческомъ, латинскомъ и литовскомъ чередуются въ родственныхъ словахъ гласные группы *A*, мы иногда можемъ замѣтить связь между качествомъ кореннаго гласнаго съ одной стороны и суффиксомъ слова съ другой; иначе говоря, мы можемъ установить зависимость кореннаго гласнаго въ словѣ отъ суффикса этого слова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ значенія этого слова, насколько оно опредѣляется суффиксомъ.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ особенно замѣтна связь съ суффиксами коренныхъ *e* и *o*.

Коренное *e* съ его производными мы находимъ, между прочимъ:

1) въ формахъ настоящаго врем. изъявительнаго накл., образованныхъ посредствомъ суффикса *o* (*ǎ*)—*e*: ц.-сл. бер-ж, бред-ж, вед-ж, вез-ж, греб-ж, жен-ж, мет-ж, нес-ж, пе-кж, рек-ж, тек-ж; стрѣг-ж (изъ *стерг-ж), влк-ж; блд-ж (а изъ *en*), мат-ж (но: мог-ж); сравни:

греч. φέρ-ω, ἔλκ-ω, ἔχ-ω, λέγ-ω, λέχ-ομαι, τρέπ-ω, τρέφ-ω;

лат. fer-o, veh-o, leg-o, ter-o, em-o, geg-o, pet-o, sequ-or;

лит. ved-u, vež-u, gen-u, met-u, peš-u, tek-u, velk-u (влеку);

2) въ глагольныхъ формахъ, тѣсно связанныхъ по происхожденію съ формами настоящаго врем., между прочимъ въ формахъ неопредѣл. н. и причастія настоящ. вр.: ц.-слав. неопред. н. брес-ти, вес-ти, стрѣшти, мас-ти и т. п.; сравни:

греч. φέρ-ειν, ἔχ-ειν и т. п.;

лат. fer-ge, veh-ere и т. п.;

лит. ves-ti, veš-ti и т. п.

Коренное *o* (*ǎ*) съ его производными мы находимъ, между прочимъ:

1) въ именахъ съ ц.-слав. суффиксомъ *o*—*e*: ц.-сл. съ-боръ, брод-ъ, -вод-ъ, воз-ъ, гроб-ъ, водо-нос-ъ, про-рок-ъ, по-ток-ъ, нов-ъ, об-(в)лак-ъ (изъ —*вълк-ъ), водо-ѣмъ (изъ —*јом-ъ), блд-ъ, сж-пржг-ъ; сравни:

греч. φόρ-ος, ὄχ-ος, λόγ-ος, τρόπ-ος и т. п. (но: νέφ-ος);

лат. rog-us, nov-us и т. п.;

лит. vad-as, tak-as, pav-as (новый) и т. п.;

2) въ формахъ настоящаго врем. изъявительн. накл. (а вмѣстѣ съ ними и въ другихъ глагольныхъ формахъ, въ томъ числѣ въ ф. неопредѣленнаго накл. и причастій) глаголовъ съ суффиксомъ *i* (ц.-сл. *u*): благо-вол-ѣж вол-и-ши, гоп-ѣж гон-и-ши, лов-лѣж, лом-лѣж, мол-ѣж, мор-ѣж, твор-ѣж, ходж-ж, блжждж, мжчж (но: вел-ѣж, държ-ж, тѣрп-лѣж и т. п.);

3) въ формахъ настоящаго вр. изъявительнаго накл. съ ц.-слав. суффиксомъ *jo*—*je*: ц.-сл. бор-ѣж бор-ѣ-ши, кол-ѣж кол-ѣ-ши, зоб-лѣж зоб-лѣ-ши (но: мел-ѣж, стел-ѣж);

4) въ именахъ съ суффиксомъ *jo*—*je* (муж. и средн. р.) или *ja*—*jo* (женск. р.): ц.-сл. вождь (изъ *вод-јѣ), ножь (изъ *ноз-јѣ),

лож-е, пол-е, гор-е, зор-я, русск. по-гон-я, гроб-ля, нош-а, вон-я, вол-я, дол-я, тжч-а (но: межда, по-стал-я и т. п.).

Кромѣ указаннаго выше чередованія коренныхъ гласныхъ, мы находимъ въ церковно-славянскомъ, греческомъ, латинскомъ и литовскомъ языкахъ чередованіе *o* (*ǫ*) и *e* съ ихъ производными въ суффиксахъ, образующихъ именныя и глагольныя основы.

Церковно-славянскія имена мужскаго рода, оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на *z*, имѣютъ въ своихъ основахъ въ однихъ падежахъ (*a* равно въ чистой основѣ, входящей въ составъ сложныхъ словъ)—*o* (откуда *z*), въ другихъ—*e*: вълко-мъ (дат. мн.), вълкъ (им.-вин. ед.), вълче (зв. ед.); рабо-мъ, рабе; бого-мъ, бого-носьнъ, боже. Имена, оканчивающіяся въ имен. ед. на *ъ* (изъ *jъ*) вмѣсто *o* имѣютъ *e* (изъ *jо*): мѣжемъ.

Церковно-славянскія имена средн. рода, съ окончаніемъ въ имен.-вин. ед. *o*, въ род. ед. *ese*, имѣютъ въ основахъ въ имен.-вин. ед. *o*, въ прочихъ падежахъ *e*: небо (изъ *небос), небес-е, небес-а и т. д.; коло, колес-е, колес-а и т. д.; слово, словес-е, словес-а; чудо и т. д.

Церковно-славянскіе глаголы въ формахъ настоящ. вр., аориста и имперфекта имѣютъ въ однихъ лицахъ *o*, въ другихъ *e*: несутъ (изъ *несо-нтъ), несе-ши, несе-тъ, несе-те; несо-мъ (1 мн. аор.), несе, несе-те (2 мн. аор.); несѣахо-мъ (1 мн. имперф.), несѣаше, несѣаше-те; дажтъ (изъ *дајо-нтъ), дамъ-ши и т. д.

Сравни греч. 1) λύχο-ς, λύχο-ν, Λυχό-φρων, λύχε; ἄνθρωπος, ἄνθρωπο-φάγος, ἄνθρωπε; 2) νέφος, νέφε(σ)-ος, νέφε(σ)α; ἔπος, ἔπεος; ἔλχος, ἔλχεος; 3) λείπο-μεν, λείπουσι (изъ *λείπο-ντι), λείπε-те, ἔλιπο-ν, ἔλιπο-μεν, ἔλιπε-ς, ἔλιπε-те, ἔλειπον, ἐλείπο-μεν, ἔλειπε-ς, ἐλείπε-те;

лат. 1) lupi-s, lupi-m (изъ lupо-s, -m), lupo, domini-s, domine-; 2) genus (изъ genos), gener-is, gener-a; opus, oper-is, oper-a (но corpus, corpor-is и др.); 3) vehi-nt (изъ veho-nt), vehi-s, vehi-t, vehi-tis (изъ vehe-s, vehe-t, vehe-tis);

лит. 1) vilka-s (им. ед.), vilka-i (им. мн.), vilka-ms (дат. мн.), vilke (зв. ед.).

Вообще церковно-славянскій языкъ относительно чередованія гласныхъ въ суффиксахъ въ общемъ вполне согласенъ съ другими индо-европейскими языками. Можно отмѣтить только одну особенность: формы 1 л. мн. (и дв.) ч. наст. вр. имѣютъ въ немъ (какъ и

въ латинскомъ) *e*: несе-мъ (несе-вѣ), тогда какъ языки греческій и литовскій указываютъ на *o*: λείπο-μεν, vežā-me. Надо думать, въ виду *o* въ основахъ формъ 1 л. мн. ч. аориста и имперфекта: несо-мъ, несѣахо-мъ, — что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ славянскимъ новообразованіемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ формъ съ *e*, т. е. что новая форма несе-мъ замѣнила собою древнюю форму 1 л. мн. ч. наст. вр. несо-мъ подъ воздѣйствіемъ формъ несе-ши, несе-тъ, несе-те. Сравни литовскую форму 2 л. мн. ч. наст. вр. vežā-te, вмѣсто ожидаемой vežete, которая, вѣроятно, обязана своимъ происхожденіемъ вліянію формы 1 л. мн. ч. veža-me и т. п.

Рядомъ съ чередованіемъ въ родственныхъ между собою словахъ коренныхъ *e*, *o*, *ъ*, *а*, *ѣ*, *з* съ ихъ производными, мы находимъ какъ въ церковно-славянскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ чередованіе *e*, *o*, *ъ*, *а*, *ѣ*, *з* и ихъ производныхъ съ одной стороны и *и* съ другой. Количество словъ, имѣющихъ въ корнѣ это *и*, сравнительно не велико. Это—слова съ плавнымъ или носовымъ согласнымъ въ корнѣ: съ-бир-ати, по-жир-ати, про-жир-а, у-мир-ати, про-стир-ати, у-стил-ати, русск. на-стил-ка, по-мин-ати, по-мин-ѣ, начин-ати, чин-ѣ. За ними слѣдуетъ нѣсколько словъ въ родѣ съ-жиз-ати, съ-жиг-ати, про-риц-ати, на-рич-ж, ис-тиц-ати, у-шидъ (бѣглець, Свят. Сборн. 1073 г. 67 об.).

Приведенныя слова и имъ подобныя, вѣроятно, принадлежатъ къ числу славянскихъ новообразованій. Коренное *и* явилось въ нихъ не путемъ измѣненія *ъ*, *ъ* или иного гласнаго, а путемъ аналогіи словъ чередующихъ *ъ* и *и* (вторая группа чередованій, группа *Л*). Дѣло въ томъ, что почти всѣ слова съ *и*, въ родѣ съ-бир-ати, имѣютъ при себѣ родственныя слова съ кореннымъ *ъ*, или древнимъ, соотвѣтствующимъ литовскому *i* (въ *il*, *ir*), или новымъ, развившимся на славянской почвѣ изъ *e*. Такъ, при -бир-ати, мы находимъ бир-ати; при -жир-ати — жърж, жър-ати; при -мир-ати — мър-ж, у-мър-лъ (причастіе) и т. п.; при -стир-ати — про-стър-лъ (причастіе); при -стил-ати — стъл-ати; при -жин-ати — жън-ж; при -мин-ати — мън-ж, мън-ѣти; при -чин-ати — чън-ж, на-чън-ѣ; при -жиз-ати — жъз-и, жъж (Супр. р., Остр. Фв.); при -риц-ати — рѣц-и (повелит. накл.), (повелит. накл.), др.-русск. рѣк-у; при -тиц-ати — тѣц-и (повелит. накл.); при у-шид-ѣ — шѣд-ѣ (причастіе).

Коренное *ъ* въ приведенныхъ словахъ, будучи въ звуковомъ отношеніи тождественно съ *ъ* изъ обще-индо-европ. *i*, было причиною образованія новыхъ словъ (родственныхъ) съ кореннымъ *и*, по образцу уже существовавшихъ, древнихъ словъ съ кореннымъ *и*. Такимъ образомъ *ъ* въ *бър-ати*, *стл-ати*, *мн-ѣти*, тождественное въ звуковомъ отношеніи съ *ъ* въ *псати*, повело къ образованію словъ *бър-ати*, *стл-ати*, *мн-ати*, *по-мн-ъ*, по образцу *пис-ати*, *за-пис-ъ*, причемъ установилось между *бър-ати* и *бър-ати* то самое отношеніе, которое существовало издревле между *чѣтати*, *чѣт-ѣти*, *чѣт-ж* и *чѣт-ати*, *чѣсти*; между *пс-ати* и *пис-ати*. *пш-ж*; между *жд-ати*, *жд-ж* и *о-жд-ати*, *жд-ж*; между *цвѣт-ж* и *цвѣт-ати*, *цвѣс-ти*, и т. п.

Впрочемъ возможно, что нѣкоторые слова съ *и* получили свое начало не на славянской, а на славяно-литовской почвѣ; напримѣръ, *по-жн-ати*; сравни лит. *g̃ip-iaũ* (прош. вр. къ *g̃ip-u*, отражаю); но вполне возможно, что многочисленныя литовскія слова съ *i* — независимы собственно-литовскія новообразованія, лишь случайно совпавшія со славянскими.

Славянскія новообразованія въ родѣ *бър-ати* отчасти совсѣмъ, безъ остатка, вытѣснили старыя образованія съ *ъ* въ родѣ *бър-ати* (польск. *biegać* и т. п. не имѣютъ съ этими послѣдними ничего общаго), отчасти стали уностреляться рядомъ съ ними. Такъ, новое *по-мн-ати* стало уностреляться рядомъ съ старымъ *мн-ѣти*, *съ-жн-ати*, *-жн-ати* рядомъ съ *жн-ати* (изъ **жн-ъ*—), *по-риц-ати* рядомъ съ старымъ *про-рък-ати*.

Наконецъ мы должны отмѣтить еще одно славянское новообразованіе — чередованіе *о* и *а* въ суффиксахъ (въ глаголахъ). Церковно-славянскій языкъ имѣетъ ф. неопред. накл. *свободити* и *свобождати*; въ русскомъ подобныя глагольныя формы довольно многочисленны: *роботаю* и *выробатываю* и т. п. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, безъ сомнѣнія, съ результатомъ вліянія на формы *свободити* и *свобождати*, *работити* и *работати* формъ съ *о* и *а* въ корнѣ — *носити* и *пашати* и т. п.

II. Группа J. Корни родственныхъ между собою церковно-славянскихъ словъ группы J отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что имѣютъ: одни—*ъ*; другіе—*и* (изъ обще-индо-европ. *i* и изъ обще-индо-европ. *ei*), третьи — *ъ* (изъ обще-индо-европ. *ii*), четвертые—*ај*, пятые (немногіе) —*ај*. Такимъ образомъ въ нихъ чередуются *ъ*, *и*, *ъ*, *ај*, *ај*. Изъ

нихъ *oj* и *aj* мы находимъ только въ корняхъ открытыхъ (обыкновенно оканчивающихся на гласный звукъ).

Корней закрытыхъ, въ которыхъ бы чередовались три гласныхъ *ь, и, ъ*, немного: свѣ(т)-ѣж, свѣт-ати, свѣт-ѣ; цвѣт-ж, цвѣт-ати, цвѣсти, цвѣт-ѣ; лѣп-ѣти, русск. лѣ(п)-путь, при-лѣп-ати, лѣп-ити; мѣг-нѣти, миг-ѣ, съ-мѣж-ити.

Корней закрытыхъ, въ которыхъ бы чередовались два гласныхъ, нѣсколько больше: жѣд-ати, жид-ати, жид-ж (наст. вр.); съ-чѣт-ати, чѣт-ити, чит-ати, чис-ти; стѣс-я, до-стиг-ати; зѣд-ати, зид-ати, зиждѣ; пѣс-ати, пис-ати, пишж; пѣх-ати, пих-ати; о-слѣп-нѣти, о-слѣп-с. (аор. 3 л. ед.), слѣп-ѣ; вид-ѣти, вѣд-ѣти; вис-ѣти, вѣс-ѣ; пѣт-ати, пѣс-тунѣ, русск. пѣт-аться; смѣ-ѣ, стѣн-ѣ; чист-ѣ, о-чѣст-ити.

Корней открытыхъ, въ которыхъ бы чередовались *ь, и, ъ, oj, aj*, совсѣмъ нѣтъ.

Немногіе корни имѣютъ чередованіе четырехъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній, большая же часть — по три и по два: пѣ-ѣж, пи-ти, пи-во, пож (= *poj*-ж), на-пѣати (= *-пај*-ати); по-чѣ-ѣж, по-чи-ти, покои (= *-кој*-и), по-кѣати (Лѣствица Рум. М. XII в. 171 об. = *-кај*-ати); бѣ-ѣж, би-ти, бои; гнѣ-ѣж, гни-ти, гнои; лѣ-ѣж, ли-ти, лѣ-ѣж; смѣ-ѣжсѣ, смѣ-хѣ; дѣ-тѣ, дож; бѣ-сѣ, божсѣ; пѣ-ти, пож.

Чередованіе коренныхъ *ь, и, ъ, а, oj, aj*, отмѣченное нами въ церковно-славянскомъ языкѣ, также какъ чередованіе *е, о, ъ, а, ѣ, з*, не принадлежитъ къ числу свойствъ ни этого языка, ни вообще славянскихъ языковъ. Оно также развилося еще на почвѣ общиндо-европейскаго языка и также принадлежитъ, вмѣстѣ съ славянскими, и другимъ индо-европейскимъ языкамъ. Въ послѣднихъ чередуются тѣ звуки и звуковыя сочетанія, которыя въ нихъ соотвѣтствуютъ славянскимъ *ь, и, ъ, oj, aj*, т. е. въ санскритскомъ языкѣ *i, ī, ē* (= *ai*), *aj, āj*, въ греческомъ *i, ī, ei, oi...*, въ латинскомъ *i, ī* (изъ *ī, ei*), *oe* (*ū*), *ej*, въ литовскомъ *i, ī, ē* (*ei*), *ai, ej, aj*, а также *ēj*.

Въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были чередоваться *i, ī, ei, ai, ej, aj, ēj, āj* (съ *a* близкимъ къ *o*).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихкихъ языковъ и литовскаго:

греч. $\text{F}\iota\delta\text{-}\acute{\epsilon}$, $\text{F}\epsilon\acute{\iota}\delta\text{-}\omicron\varsigma$, $\text{F}\epsilon\iota\delta\text{-}\acute{\omega}\varsigma$, $\text{F}\omicron\acute{\iota}\delta\text{-}\alpha$; $\xi\text{-}\lambda\iota\pi\text{-}\omicron\nu$, $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\text{-}\omega$, $\lambda\omicron\iota\pi\text{-}\acute{\omicron}\varsigma$; $\sigma\tau\iota\chi\text{-}\epsilon\acute{\iota}\nu$, $\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}\chi\text{-}\omega$, $\sigma\tau\omicron\chi\text{-}\omicron\varsigma$; $\acute{\epsilon}\pi\acute{\epsilon}\text{-}\pi\iota\theta\text{-}\mu\epsilon\nu$, $\pi\epsilon\acute{\iota}\theta\text{-}\omega$, $\pi\acute{\epsilon}\text{-}\pi\omicron\iota\theta\text{-}\alpha$; $\xi\text{-}\pi\iota\text{-}\omicron\nu$,

πῖ-θι; τίω, τίω, ἔ-τι-σα; λιβ-άς, λείβ-ω; ἱ-μεν, εἶ-μι; δείδ-ω, δέ-δοι-χα; Феіх-ω, Fé-Фοιx-α;

лат. *fid-es, per-fid-us, con-fīd-o* (і изъ *ei*: ст.-лат. *di-feid-ens*), *foed-eratus* (= ст.-лат. *foid-eratos*); *in-dic-o, dīc-ere* (= *deic-*); *i-tum, ī-t* (= *ei-t*), *co* (изъ *ej-o*);

лит. *lĕk-ti* (оставлять), *at-lĕk-is* (рабочій отдыхъ), *lĕk-u* (наст. вр.), *pa-laik-as* (остатокъ); *švit-u* (сіяю), *švit-ūti* (блистать), *švēsa* (изъ *švĕt-sa, свѣтъ*), *švait-au* (освѣщаю); *snĕg-ti* (идти снѣгу), *snĕg-as* (снѣгъ), *snaig-ala* (снѣжинка); *gīt-u, gīs-ti* (катить), *gēt-u, gēt-ēti* (катиться), *gait-au* (круживаю); *vi-jau* я вылъ (пр. вр.), *vī-ti* (вить), *vai-nikas* (вѣнокъ), *vej-u* (вью), *vaj-oti* (-вивать); *li-jau* (я лилъ), *lī-t* (дождить), *lĕ-tus* (дождь), *lai-dau* (заставляю течь).

Промѣ чередованія *ъ, и, ъ, ѡ, ѡј* между собою въ открытыхъ корняхъ, мы ожидали бы видѣть въ церковно-славянскомъ языкѣ чередованіе ихъ также съ *ѣј* и *ѡј* (сравни чередованіе *ъ, ѡ, у, ѡв, ѡв* съ *ѣ* и *ѡ*). И дѣйствительно, мы имѣемъ небольшое количество случаевъ этого чередованія: при *бъ-ѡк, би-ти* — *у-бѣѣти* (Зогр. Ев., Син. Пс., Мар. Ев.; сравн. *мъ-ѡк, мы-ти* и *мѡѡ-ати*) = *-бѣѣ-ати*, пол. *u-bij-ас*, *у-бѣѣство* (Зогр. Ев., Галицк. Ев. 1144 г.), *у-биѣство* = *-бѣѣ-ство*, *у-биѣца*, *чловѣкоу-биѣць* (Гал. Ев. 1144 г.) = *-бѣѣ-ца-*, русск. *забияка* = *-биѣ-ака*; при *въ-ѡк, ви-ти* — *по-вѣѣти* (Кл. Сб.) = *-вѣѣ-ати*; при *лъ-ѡк, ли-ти* = *въз-лѣѣти* (Мар. Ев.) = *-лѣѣ-ати*; при *пъ-ѡк, пи-ти* — *пѣѣница* (Зогр. Ев.) = *пѣѣ-аница*, *пѣѣнство* (Зогр. Ев.) = *пѣѣ-анство*, *вино-пѣѣца* (Гал. Ев. 1144 г.), *вино-пѣѣца* = *-пѣѣ-ца* (срв. *пѣѣ-ца* Зогр. Е.), пол. *wy-rj-ас*.

Кажется, большая часть церковно-славянскихъ древнихъ глагольныхъ образований, имѣвшихъ *ѣј, ѡј* въ корнѣ, вытѣснена новыми образованиями, въ которыхъ вмѣсто *ѣј, ѡј* является *иѡ* и которыя возникли подъ вліяніемъ древнихъ образований съ кореннымъ *ѡ* или *иѡ* (изъ *ѡѡ*).

Къ числу этихъ новыхъ образований принадлежатъ всѣ глаголы въ родѣ *у-биѡ-ати, ис-пиѡ-ати, за-гниѡ-ати, по-чиѡ-ати, прѣ-лиѡ-ати*, существительныя въ родѣ *ц.-сл. пиѡ-ѣца*, русск. *у-биѡ-ецъ, у-биѡ-ство*, а вѣроятно, и всѣ причастія въ родѣ *любѡв-ъ, творѡв-ъ* (рядомъ съ древними *любѣ, творѣ*), возникшія по образцу *бѡѡ-ати, съ-крѡѡ-ати, о-мыѡ-ати, съ-шивѡ-ати, бѡѡ-ъ, крѡѡ-ъ* и т. д.

Сравни глагольные образования *дав-ати*, *по-мав-ати*, *о-дѣв-ати*, *за-тѣмѣв-ати*, *недо-умѣв-ати*, *обитав-ати*, *подѣ-копав-ати* и т. п. (рядомъ съ *дая-ти*, *мая-ти*, *о-дѣв-ло*, *дѣв-ти*, **умѣв-хъ*, **копаяхъ*, 1 л. имперф.), причастія *дав-ъ*, *одѣв-ъ* и т. п., возникшія по образцу *быв-ати*, *быв-ъ* и т. п. отчасти на славянской почвѣ, отчасти, быть можетъ, на славяно-литовской (ц.-слав. *дав-ъ* почти тождественно съ литовск. причастіемъ прош. вр. *дав-ęs*).

Чередованіе *ъ*, *ъj*, *и* и пр. въ церк.-славянскомъ языкѣ и соответствующихъ звуковъ въ родственныхъ языкахъ не ограничивается корнями словъ; его мы находимъ также въ суффиксѣ именныхъ формъ, образуящемъ основу—ц.-слав. *ъ*, обще-индо-европ. *і*. Одни формы церк.-славянскихъ словъ на *ъ* сохраняютъ въ основѣ *ъ*: *гость*, *кость* (им.-вин. ед.), *гость-мь* (тв. ед.), *гость-мь* (дат. мн.), *гость-ми* (тв. мн.); въ другихъ мы видимъ *ъj*: *гостиѣ*, *гостиѣ* (= *гостѣj-е*, им. мн.), *гостии*, *гостѣи* (= *гостѣj-и*, род. мн.); въ третьихъ мы находимъ *и*: *гости* (род., дат., мѣстн. ед., им.-вин. дв.), *очи-ма*, *уши-ма* (дат.-тв. дв.).

Родственные языки представляютъ въ главномъ то же явленіе. Именно въ основахъ на *і* ($\hat{=}$ слав. *ъ*) мы находимъ чередованія:

въ санскритѣ—*і*, *ī*, *ē* (= *ai*), *aj*: *avi-s* (овца, им. ед.). *avī* (им.-вин. дв.), *avē-s* (род. ед.), *avē* (зв. ед.), *avaj-ē* (мѣстн. ед.);

въ литовскомъ—*і*, *ī*, *ē* (изъ *ei*): *aki-s* (глазъ), *aki-mi* (тв. ед.), *akī-s* (им. мн.), *akē-s* (род. ед.).

III. Группа У. Корни родственныхъ между собою церковно-славянскихъ словъ группы *У* отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что имѣютъ: одни—*ъ*, *ъв*, другіе—*ы*, *ыв*, третьи—*у*, четвертые—*ов*, пятые (немногіе)—*ав*. Такимъ образомъ въ нихъ чередуются *ъ*, *ъв*, *ы*, *ыв*, *у*, *ов*, *ав*. Изъ нихъ *ъ*, *ы*, *у* находятся въ корняхъ какъ открытыхъ, оканчивающихся на гласный, такъ и закрытыхъ, а *ъв*, *ыв*, *ов*, *ав*—только въ корняхъ открытыхъ.

Корней закрытыхъ, въ которыхъ бы чередовались три гласныхъ—*ъ*, *ы*, *у*, довольно мало: *бѣд-ѣти*, *бѣд-рѣ*, *въз-бѣд-ати*, *буд-ити*; *дѣх-нѣж*, *дых-ати*, *дух-ъ*; *гѣ(б)-нѣж*, *съ-гѣб-ати*, *съ-гѣб-ати*, *гѣб-нѣж*, *губ-ити*; *рѣд-ѣти*, *рѣжда*, *рыждь*, русск. *руд-а*; *сѣл-ати*, *по-сѣл-ати*, *сул-ити*; *сѣп-ж*, *сып-ати*, *су(п)-ти*; *сѣх-нѣж*, *за-сѣх-ати*, *сух-ъ*.

Корней закрытыхъ, въ которыхъ чередовались бы какіе-либо два изъ указанныхъ гласныхъ, больше: глѣх-нѣ, глух-ъ; маш-ща, мух-а; стрѣ-ати, струг-ати; крах-а, круш-ити; дѣм-ж, на-дѣм-ати; лѣг-ж, при-лѣг-ати; за-мѣк-нѣ, за-мѣк-ъ, за-мык-ати; сѣп-ати, сѣ(п)-нѣ, за-сып-ати; тѣк-нѣ, тѣк-ати; пѣнѣ = совр. русск. нонѣ (Ассем. Ев. 68, Син. Пс. 19), пѣнѣ; стѣд-ъ, студ-ъ; сыр-ъ, сур-овѣ; в-ык-нѣ, уч-ити.

Корней открытыхъ, въ которыхъ бы чередовались *з, зв, ы, ыс, у, ов, ав*, не существуетъ, и лишь очень немногіе имѣютъ по нѣскольку изъ этихъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній: плѣз-нѣе (струя; іеръданьскаа плѣнѣ Син. Пс. 4), русск. плѣ-ти, русск. пере-плѣв-ати, плу-ти, плов-ж, плав-ати; русск. слы-ти, русск. про-слѣв-ати, слу-ти, слов-о, слов-ж, слав-а; о-снѣв-ати (Син. Пс. 226), сну-ти, о-снов-а; бы-ти, бѣв-ати, за-бѣв-а; тру-ти, трѣв-ж, о-трѣв-а; др.-русск. крѣ-ю, по-крѣв-енѣ, кры-ти, по-крѣв-ати, кров-ъ; рѣв-ж, рѣв-ати, ры-ти, -рѣв-ати, ров-ъ; др.-русск. мѣ-ю (мою), у-мѣв-ати (русск. Типогр. Ев. № 6 л. 57 об.), у-мѣв-ение (Остр. Ев.), у-мыв-ати; звѣ-ати, при-звѣ-ати, зѣв-ж; стру-га (Син. Пс. 208), стру-а, о-стрѣв-ѣ; ку-къ, ков-ати, ков-ъ, по-ков-ати (др.-русск. Путятина Минея XI в. 50 об.); су-ти, сов-ати, и т. п.

Такъ какъ послѣ *ј* въ корнѣ *з* нерешло въ *з, ы*—въ *и, о*—въ *е*, то понятно, при чередованіи гласныхъ группы *У* мы иногда видимъ чередованіе не *з, ы* и пр., а ихъ производныхъ: шѣ-ж, шѣв-енѣ, шѣв-ъ, ши-ти, сѣ-шив-ати (*ш* изъ *сј*: сравни лит. *siu-ti* шить, лат. *su-ere*); плѣв-ати, плѣ-нѣти (*л* изъ *ј*: сравни лит. *spiau-ti* плевать, греч. πτόω изъ *πјú-ω, лат. *spu-ere*); жѣв-ати, жю-ж; бѣв-ати, блю-ж; рю-ти, рѣв-ж.

Сверхъ того, въ нѣсколькихъ словахъ мы находимъ чередованіе, рядомъ съ *у* изъ обще-индо-европ. *au*, также *ю* изъ обще-индо-евр. *eu*: бѣд-ѣти, буд-ити — блюд-ж (*л* изъ *ј*, сравни греч. πεύθ-ομαι); русск. куд-о — чюд-о (сравни греч. χεύθ-ος).

Чередованіе коренныхъ *з, зв, ы, ыс, у, ов, ав*, отмѣченное нами въ церковно-славянскомъ языкѣ, также какъ чередованіе *е, о, ъ, а, ъ, з*, не принадлежитъ къ числу свойствъ ни этого языка, ни вообще славянскихъ языковъ. Оно также развилось еще въ обще-индо-европейскій періодъ и также принадлежитъ, вмѣстѣ съ славянскими, и другимъ индо-европейскимъ языкамъ. Въ послѣднихъ обыкновенно чередуются тѣ звуки, которые соотвѣтствуютъ славянскимъ *з, зв, ы,*

ue, y, ov, av, т. е. въ санскритѣ *u, uv, u, uv, o* (изъ *au*), *av, āv*, въ греческомъ *υ, υF, ū, ūF, ου, οF, ωF* (а также *ευ, εF*); въ латинскомъ *u, uv* (= слав. *ю, ю*), *ū* (= слав. *ы, у*), *ūv* (= слав. *юв*), въ литовскомъ *u, uv, ū, ūv, au, ov* (= слав. *юв*). Въ общеиндоевропейскомъ языкѣ должны были чередоваться *u, uv, ū, ūv, eu, au, ev, av, āv* (съ *a* склоняющимися къ *o*).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихъ языковъ и литовскаго:

греч. *ξ-φυγ-ον, φεύγ-ω; ζυγ-όν, ζεύγ-νυμι; ἐρυθ-ρός, ἐρεύθ-ω; ἀμφι-λύκη, λευκ-ός; σπεύδ-ω, σπουδ-ή; κέλευθ-ος, ἀχόλουθ-ος; φύ-σις, φύ-ω, φύ-ω, ξ-φῦ-σα; ῥύ-σις, ἐ-ῥῥύF-ηχα, ῥεῦμα, ῥέF-ω, ῥόF-ος; πλεύ-σομαι, πλέF-ω, πλόF-ος, πλώF-ω;*

лат. *fug-io, fūg-i; dux duc-is, dūc-ere; luc-erna, lux lūc-is; pluit, plūv-it* (перф.), *plāv-ius*, ст.-лат. *per-pluv-ere; fluv-idus, flūv-idus*, ст.-лат. *con-fluv-ere;*

лит. *bud-gus* (бодрый), *būd-inė* (ночная стража), *baud-a* (наказаніе); *rud-as* (рыжий), *rūd-is* (ржавчина), *raud-as* (красный); *kruš-u, kruš-ti* (сокрушать), *krauš-ius* (горный обрывъ); *sgu-ta* (гной), *sgau-nis* (быстрый), *sgau-a* (теченіе), *sgou-ė* (токъ); *kgūv-a* (куча), *kraui-ti* (наваливать), *krou-iau* (прош. вр.); *maui-ti* (надѣвать, напр., кольцо), *mau-dau* (купаю), *mov-iau* (прош. къ *mauti*).

При чередованіи нѣкоторыхъ изъ коренныхъ звуковъ группы *У* въ церковно-славянскомъ языкѣ и соответствующихъ имъ звуковъ въ родственныхъ индоевропейскихъ языкахъ, иногда замѣчается нѣкоторая связь между качествомъ кореннаго гласнаго съ одной стороны и суффиксомъ слова съ другой.

Такъ, коренное *ov* (въ открытыхъ корняхъ) постоянно является въ церковно-славянскомъ языкѣ:

1) въ формахъ настоящ. врем. съ суффиксомъ *o — e*: *плов-ж, слов-ж, зов-ж, тров-ж, ков-ж, ров-ж* (изъ **rjov-ж*); но: *рѣв-ж*.

Греческій языкъ имѣетъ (въ соответствіи съ кореннымъ *e* въ *φέρ-ω* и т. п.) въ открытыхъ корняхъ *εF*: *πλέF-ω, ῥέF-ω, πνέF-ω*, а въ закрытыхъ *ευ*: *πεύθ-ομαι, φεύγ-ω σπεύδ-ω*. Форма *блюдж*, единственная въ церковно-славянскомъ яз. форма съ закрытымъ корнемъ, вполне соответствустъ греческимъ *πεύθομαι* и проч. (*ю* изъ *eu*);

2) въ именахъ существительныхъ съ суффиксомъ *o — e*: *зов-ъ, ков-ъ, кров-ъ, ров-ъ, о-стров-ъ, рѣв-ъ* (изъ **rjov-ъ*).

Сравни греч. πλῶF-ος, ῥόF-ος.

Соотвѣтствующія церковно-славянскія имена съ закрытыми корнями имѣють, какъ и слѣдовало ожидать, коренное *y*: гл^{ух}-ъ, д^{ух}-ъ, с^{ух}-ъ.

Чередованіе *z*, *z̄*, *ы* и проч. въ церковно-славянскомъ языкѣ и соотвѣтствующихъ имъ звуковъ въ родственныхъ языкахъ не ограничивается корнями; его мы находимъ также въ суффиксахъ именныхъ падежныхъ формъ и въ нѣкоторыхъ глагольныхъ образованіяхъ.

Одни падежи церк.-славянскихъ словъ съ основою на *z* сохраняють въ основѣ *z̄*; въ другихъ, вмѣсто *z̄*, мы находимъ *ы*, *y*, *ов*: сын^{z̄} (основа сын^{z̄}, им.-вин.-ед.), сын^{z̄}-мь (тв. ед.), сын^{z̄}-мь (дат. мн.), сын^{z̄}-ми (тв. мн.); сын^ы (им.-вин. дв.); сын^y (род. ед.), сын^y (зв. ед.); сын^{ов}-е (им. мн.), сын^{ов}-и (дат. ед.).

Большая часть падежей словъ съ основою на *z̄* (почти всѣ) сохраняють *z̄*: люб^{z̄}-е, люб^{z̄}-и и т. д.; но имен. ед. имѣтъ *ы*: люб^ы.

Одни формы глагольныхъ основъ съ настоящимъ временемъ на *-уж* имѣють въ основѣ *y* (изъ *au*), другія *ов*: образ^y-ѣж, образ^{ов}-ати; опис^y-ѣж, опис^{ов}-ати. Вѣроятно, съ ними родственны основы съ *ьс* (откуда *ис*), очень рѣдкія въ церковно-славянскомъ языкѣ: цѣл^{ьс}-ати (Супр. р.), но обычныя въ русскомъ, польскомъ, сербскомъ и друг.: др.-русск. ут^{ьс}р^{ьс}ѣати (Жл^т. Бор. и Гл. по ст. XII в.), при-клад^{ьс}-ати (Русск. Правд. по сп. ок. 1282 г.), под^{ьс}-коп^{ьс}-ати (Румянц. Ев. XIII—XIV в. № 107); современн. опис^{ьс}-ать, сказ^{ьс}-ать, оплак^{ьс}-ать, польск. opis^{yw}-ać и т. п.

Одни формы глагольныхъ основъ съ настоящимъ на *ну-ѣж* имѣтъ въ основѣ *y*: ми-н^y-ѣж, другія *ов*: ми-нов-ати.

Родственные языки представляютъ въ главномъ то же самое явленіе, съ тою разницею, что въ греческомъ яз. въ именныхъ основахъ на *υ* (= слав. *z̄*) этотъ звукъ чередуется не съ *οF* (= слав. *ов*), а съ *εF*.

Именно, въ основахъ на *υ* (= слав. *z̄*) мы находимъ чередованія: въ санскритѣ—*υ*, *ī*, *ō* (= *υι*), *av*: sū^υ-s (им. ед.), sū^ī (им.-вин. дв.), sū^ō-s (род. ед.), sū^{av}-ē (дат. ед.); въ греческомъ—*υ*, *εF*: γλ^υχ^υ-ς, γλ^υχ^{εF}-ος; въ литовскомъ—*υ*, *αι*: sū^υ-s (им. ед.), sū^{αι}-s (род. ед.).

Въ основахъ на *ī* (= слав. основ. на *ѣ*), мы находимъ чередованія:

въ санскритѣ — *ī*, *uv*: *bhḡī-s* (бровь, им. ед.), *bhḡī-su* (мѣстн. мн.), *bhḡuv-as* (род. ед.);

въ греческомъ — *ū*, *υF*: *ὄφρῦ-ς*, *ὄφρῦ-ν*, *ὄφρῦ(F)-ος*.

Въ глагольныхъ основахъ на *и* (родственныхъ съ слав. на *у*) мы видимъ чередованія:

въ греческомъ — *υ* и *ῦ*: *κωλύ-ω*, *κωλύ-σῶ*;

въ латинскомъ *и*, *ī*, *īv*: *volu-o* (откуда *volvo*), *volū-tum*; *metu-o*, *metū-i*; *in-stitu-o*, *in-stitū-tum*, *in-stitūv-i*.

Въ глагольныхъ основахъ на *ни* (родственныхъ съ слав. на *ну*) мы имѣемъ чередованія:

въ санскритѣ *ни* и *но* (= *nav*): *г-ни-масі* (1 л. мн.), *г-нō-мі* (1 л. ед.);

въ греческомъ — *νυ* и *νῦ*: *ἄγ-νυ-μεν*, *ἄγ-νῦ-μι*.

Нѣкоторые ученые говорятъ о чередованіи *ѣ*, *ы*, *у*, *ов*, *ав* съ *ва*. Конечно, корни словъ *кыс-нѣ* и *квас-ѣ*, *кѣп-ѣти* и *квѣп-ити*, *хѣт-ити* и *хѣст-ати*, а равно корни *дѣх-нѣ* и русск. *дѣш-ити*, *дыр-а* и *дѣръ-ѣ*, *дѣор-ѣ*, *четыръ-с* и *чѣтвер-о*, *чѣтѣръ-тъ*, *ты* и *тѣон*, — родственны между собою; но родство этихъ корней не столь близко, какъ родство корней съ *ѣ* и корней съ *ы*, корней съ *ы* и корней съ *у* и т. д. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ отдаленнымъ родствомъ корней между собою, которое въ большей части случаевъ еще въ обще-индо-европейскую эпоху закончилось совершеннымъ обособленіемъ корней и утратою между ними тѣсной связи.

Большое количество церковно-славянскихъ корней, имѣющихъ гласный *е*, или *о*, или *ѣ*, или *а*, или *ѣ*, или *ѣ*, или *у* и т. д., ограничивается какимъ-либо однимъ изъ этихъ звуковъ съ его производными, или даже безъ производныхъ. Таковы группы словъ съ корнями: *пек-*: *пекѣ*, *пешть*, *печ-ать* и т. п.; *вод-*: *вода*, *на-вод-иѣ*, *на-вод-ѣнати* и т. п.; *ѣд-*, *ѣд-*: *ѣс-ти*, *ѣс-ти*, *ѣд-ѣ*, *ѣс-тво* и т. п.; *снѣг-*: *снѣг-ѣ*, русск. *спѣж-ить* и т. п. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что въ сѣ подобныя корни никогда не знали чередованія гласныхъ. Иногда другіе славянскіе языки имѣютъ тѣ же корни съ нѣсколькими гласными; очень часто въ родственныхъ индо-европейскихъ

языкахъ этимъ славянскимъ корнямъ соотвѣтствуютъ корни съ нѣсколькими ласными. Такъ, корень *nek-*, являющійся въ церк.-славянскомъ языкѣ съ однимъ гласнымъ—съ *e*, въ русскомъ имѣетъ не только *e*, но и *ь*: *о-пѣк-а*, малорусск. *опѣка*; корень *ьд-* имѣющій не только въ церк.-славянскомъ, но и во всѣхъ славянскихъ языкахъ одинъ *ь* (изъ *ē*), въ греческомъ и латинскомъ является также съ *ē*: *ἔδ-ομαι*, *ἔδ-ο*; корень *снѣг-*, извѣстный также во всѣхъ славянскихъ яз. съ однимъ *ь*, родственъ съ корнями греч. *νίφ-ω*, лат. *nix niv-is*, лит. *snig-ti* (снѣжить).

3. С о г л а с н ы е.

Славянское *б* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *bh*, греч. *φ*, лат. *f*, *b*, лит. *b*: ц.-сл. *бер-ж*, др.-р. *беру*—скр. *bhāg-āmi* (несу), гр. *φέρ-ω*, лат. *fer-o*, лит. *ber-iu*; ц.-слав. *братръ*, *братъ*, др.-р. *братъ*—скр. *bhṛātā* (братъ), гр. *φρατρία*, лат. *frāter*, лит. *broterėlis*, *brolis* (братецъ); ц.-сл. и др.-р. *неб-о*—скр. *пabh-as* (небо), греч. *νέφ-ος*, лат. *neb-ula*, лит. *deb-esis*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить это слав. *б*, долженъ былъ звучать какъ *bh*, такъ что корни и основа приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ были *bher-*, *bhṛāter-*, *neb-*;

2) скр. *b*, греч. *β*, лат. *b*, лит. *b*. Примѣровъ чрезвычайно мало: *бол-ни*—скр. *bal-iśthas* сильнѣйшій, гр. *βελ-τίων*. Надо думать, что обще-индо-европ. *b*, къ которому должно восходить это слав. *б*, встрѣчалось въ обще-индо-европ. языкѣ очень рѣдко.

Славянское *в* обыкновенно соотвѣтствуетъ санскр. *v*, греч. *Ϝ*, лат. *v*, ит. *v*: ц.-сл. и др.-р. *вид-ѣти*, *вѣд-ѣти*—*vēd-a* (знаю), *Ϝῶδ-α*, лат. *vid-ēo*, лит. *veizdiu* (вижу); ц.-сл. и др.-р. *вез-ж*, *воз-ъ*—санскр. *vah-āmi*, гр. *Ῥόχ-ος*, лат. *veh-o*, лит. *vež-u*; ц.-сл. и др.-р. *слав-а*—санскр. *ślav-as* (слава), греч. *χλέϜ-ος*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить славянск. *в*, долженъ былъ звучать какъ *v*, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ краткое. не составляющее слога *и*,—такъ что корни приведенныхъ

словъ въ обще-индо-европ. языкѣ могли быть *veid-, vaid-, veg, h-, vag, h-, k, gāv-*.

Кромѣ *в* изъ обще-индо-евр. *г*; церковно-славянскій языкъ имѣеть неорганическое *в*, развившееся на славянской почвѣ въ началѣ словъ, главнымъ образомъ передъ *з* и *ы*.

Славянское *п* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *p*, греч. *π*, лат. *p*, лит. *p*: ц.-слав. *прас-а*, др.-р. *порос-я*—греч. *πόρκ-ος*, лат. *porcus*, лат. *praes-as* (свинья); ц.-сл. и др.-р. *пѣл-нѣ*—скр. *pūg-pas* (полный), лат. *pīpnus*, лит. *pil-pas*; ц.-сл. и др.-р. *про*—скр. *pra*, гр. *πρό*, лат. *pro-*, лит. *pra-*.

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить слав. *п*, долженъ былъ звучать какъ *p*, такъ что корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *prak₁-*, *pr-*, *pra*.

Славянское *г* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *g* (откуда *dēg*), гр. *γ*, *β*, лат. *g*, *gv*, *v*, лит. *g*. ц.-сл. и др.-р. *иг-о*—скр. *jug-am* (иго), гр. *ζυγ-όν*, лат. *jug-um*, лит. *jung-as* (иго); ц.-сл. *гов-адо*, др.-р. *гов-адо*—скр. *gāu-s* (рогатый скотъ), гр. *βοῦ-ς βοF-ός*, лит. *galv-ijis* (изъ *gav-ijis*, рогатый скотъ), латышск. *gōw-s* (корова); ц.-сл. *аг-нѣць*, др.-р. *аг-ня*—гр. *ἀγ-νός* (изъ *ἀβ*—), лат. *āg-nus*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить здѣсь слав. *г*, долженъ былъ звучать какъ твердое *г* (изображаемое перѣдко *g₂*, въ отличіе отъ *г* мягкаго, небнаго—*g₁*), которое въ однихъ словахъ произносилось какъ чисто гортанный звукъ (откуда греч. *γ*, лат. *g*), въ другихъ—какъ губно-гортанный (откуда греч. *β*, лат. *gv* и его производное *v*). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть *jug₂-*, *g₂av-*, *āg₂-*;

2) скр. *gh* (откуда *dēgh*), греч. *χ*, *φ*, *θ*, лат. *g*, *h*, *gv*, *v*, *f*, лит. *g*: ц.-сл. *до-стиг-нѣж*, др.-р. *до-стиг-ну*—скр. *stigh-pōmi* (ступаю), гр. *στειχ-ω*, лит. *staig-a* (внезапно), *staig-us* (стремительный); ц.-сл. и др.-р. *гость*—лат. *hostis*; ц.-сл. и др.-р. *снѣг-ъ*—греч. *νίφ-ει* (изъ **σν*—), лат. *ningu-it*, *nix niv-is*, лит. *snėg-as* (снѣгъ); ц.-сл. и др.-р. *гор-ѣти*—скр. *ghar-mas* (жаръ), гр. *θερ-μός*, лат. *for-mus*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому здѣсь восходитъ слав. *z*, долженъ былъ звучать какъ твердое придыхательное *z* (изображаемое *g₂h*), которое въ однихъ словахъ произносилось какъ чисто гортанный звукъ (откуда гр. *χ*, лат. *g*, *h*), въ другихъ—какъ губно-гортанный (откуда гр. *φ*, *ϕ*, лат. *gv*, *v*, *f*). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ должны были звучать *steig₂h-*, *g₂has-*, *snaig₂h-*, *g₂hag-*.

Кромѣ *z* изъ обще-и.-европ. *g₂* и *g₂h*, церк.-славянскій языкъ имѣеть нѣсколько словъ, въ которыхъ *z* звучитъ какъ бы на мѣстѣ *z*, изъ обще-и.-евр. *g₁h*, и соответствуетъ скр. *h*, гр. *χ*, лат. *h*; лит. *z*: жс-ъ—скр. *hans-an* (лебедь), гр. *χῆν*, лат. (*h*)*ans-eg*, лит. *žas-is* (гусь). Сравни *z* какъ бы на мѣстѣ *z*, изъ о.-и.-евр. *g₂*, въ соответствіи греческому *γ*; лат. *g*, лит. *g*: змть—гр. *γαμβρός* (изъ **γαμβρός*), лат. *geneg*, лит. *gentis* (рядомъ съ жена, изъ *gena*, гдѣ тотъ же корень, но съ *z*, а не съ *z*). Здѣсь мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ исключительнымъ явленіемъ. Обще-индо-европ. языкъ, повидимому, имѣлъ нѣсколько словъ съ звуками *g*, *gh*, которые у однихъ лицъ звучали мягко, небожно (слѣдовательно, *g₁*, *g₁h*), у другихъ—твердо, гортанно (слѣдовательно, *g₂*, *g₂h*). Одни изъ языковъ-потомковъ усвоили себѣ эти слова съ *g₁*, *g₁h* (между проч. литовскій), другіе получили ихъ съ *g₂*, *g₂h* (славянскій).

Славянское *z*, какого бы происхожденія оно ни было, на славянской почвѣ въ извѣстныхъ случаяхъ смягчилось и перешло въ *ж* и *з* (*z, d*); кромѣ того, перейдя въ *к* и соединившись съ *т*, оно дало въ церк.-славянскомъ яз. *шт*, въ др.-русск. *ч*.

Славянское *к* обыкновенно соответствуетъ скр. *к* (откуда *kh*, *č*), гр. *κ* (откуда *τ*, *σ*), *π*, лат. *c*, *qu*, лит. *k*: ц.-сл. и др.-р. *крѣв-ь*—гр. *κρέας* (= *κρέη-ας*), лат. *cu-og*, лит. *ktiv-is* (кровь); ц.-сл. и др.-р. *къ-то*, *ко-торѣ*—скр. *ka-taras* (который изъ двухъ), гр. *ἰόν. κόθεν*, *κότερος*, атт. *κόθεν*, *κότερος*, лат. *quo-d*, лат. *ka-s* (кто?), *ka-tras* (который?); ц.-сл. и др.-р. *сок-ъ* (обвинитель) скр. *sakh-jam* (дружба), *sac-atē* (онъ сопровождаетъ), гр. *ἔπ-ομαι*, лат. *sequ-or*, *soc-ius*, лит. *sek-и* (слѣдую).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *к*, долженъ былъ звучать какъ твердое *к* (изображаемое нерѣдко *k₂*,

въ отличіе отъ *к* мягкаго, небнаго, которое передается черезъ *к*₁) и произносятся въ однихъ словахъ какъ чисто гортанный звукъ (откуда гр. *κ* съ производными, лат. *c*), въ другихъ—какъ губно-гортанный (отсюда гр. *π*, лат. *qu=kv*). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ о.-н.-европейскомъ языкѣ должны были быть *к*₂гув-, *к*₂а-, *zak*₂-.

Кромѣ *к* изъ обще-н.-европ. *к*₂, церковно-славянскій языкъ имѣеть нѣсколько словъ, въ которыхъ *к* звучитъ какъ-бы на мѣстѣ *с* изъ о.-н.-европ. *к*₁ и соотвѣтствуетъ скр. *с*. гр. *κ*, лат. *c*, лит. *š*: свекръ, свекры—скр. *svacur-as* (свекоръ), *svacrus* (свекровь), гр. *ἐκυρ-ός*, *ἐκυρ-ά*, лат. *socer*, *socrus*, лит. *šešur-as*. Сравни *с* какъ бы на мѣстѣ *к* изъ обще-индо-европ. *к*₂, въ соотвѣтствіи лат. и лит. *к*: славянскій суффиксъ *-сло* въ *ма-сло* (изъ **маз-сло*), *пра-сло* (изъ **прат-сло*) и т. п.—лат. суффиксъ *-clo-*, *-culo-*, въ *regi-culum*, *obsta-culum*, лит. суффиксъ *-kla-* въ *ag-klas* (плугъ), *ig-klas* (весло). Въ этихъ словахъ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ исключительнымъ явленіемъ. Обще-индо-европ. языкъ, повидимому, имѣлъ небольшое количество словъ съ звукомъ *к*, который въ произношеніи разныхъ лицъ звучалъ различно—то мягко, небо (т. е. *к*₁), то твердо, гортанно (т. е. *к*₂). Одни изъ языковъ-потомковъ (въ ихъ числѣ литовскій) усвоили себѣ эти слова съ *к*₁, другіе (славянскій)—съ *к*₂.

Слав. *к* на славянской почвѣ въ извѣстныхъ случаяхъ смягчилось и перешло въ *ч* и *ц* (*т*): въ соединеніи съ *т* оно дало въ церк.-славянскомъ *шт*, въ др.-русскомъ *ч*.

Славянское *д* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *d*, греч. *δ*, лат. *d*, лит. *d*: ц.-слав. и др.-р. див-ьнѣ—скр. *dēv-as* (богъ, изъ *daiv-as*), греч. *δῖν-ος*, лат. *dīv-ия*, лит. *deivaitis* (божество); ц.-сл. десять, др.-р. десять—скр. *daśa* (десять), гр. *δέκα*, лат. *decem*, лит. *desimtis*; ц.-сл. и др.-р. вид-ѣти, вѣд-ѣти—скр. *vēd-a* (изъ *vaida*), гр. *φοῖδ-α*, лат. *vid-ео*.

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ это *д*, долженъ былъ звучать *d*: такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *dīv-*, *dek*₁- , *veid-*;

2) санскр. *dh*, греч. δ , лат. *f, b, d*, лит. *d*: ц.-сл. и др.-р. дымъ—скр. *dhūmas*, гр. $\delta\upsilon\mu\acute{o}\varsigma$, лат. *fumus*, лит. *dūmai*; ц.-сл. и др.-р. рѣдѣти—скр. *gudh-igas*, гр. $\epsilon\rho\delta\text{-}\rho\acute{o}\varsigma$, лат. *guf-us, gub-er*, лит. *gud-as*; ц.-сл. и-дж, бж-дж, др.-р. и-ду, бу-ду—греч. $\pi\lambda\acute{\eta}\text{-}\delta\omega$, лит. *dū-du* (даю).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ это *d*, долженъ былъ звучать *dh*, такъ что корни и суффиксы приведенныхъ словъ были *dhūm-*, *gudh-*, *-dha-*.

Славянское *d*, какого бы происхожденія оно ни было, 1) вѣроятно, на славяно-литовской почвѣ, передъ слѣдующимъ *d*, перешло въ *z*, и 2) на славянской почвѣ, передъ *j*, смягчилось и образовало въ церк.-слав. яз. *жд*, въ др.-русскомъ *ж*.

Славянское *m* обыкновенно соотвѣтствуетъ санскр. *t* (*th*), греч. τ , лат. *t*, лит. *t*: ц.-сл. и др.-р. трые. трии (им. мн. муж. р.)—скр. *trājas* (три, им. мн.), гр. $\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, лат. *trēs*, лит. *trīs* (три); ц.-сл. и др.-р. ты, твой—скр. *tvaṃ* (ты), греч. дор. $\tau\acute{o}$, лат. *tū*, лит. *tavas* (твой); др.-р. ѳс-ть (3 л. ед.)—скр. *as-ti*, гр. $\epsilon\varsigma\text{-}\tau\acute{\iota}$, лат. *es-t*, лит. *es-ti*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *m*, долженъ былъ звучать *t*; такимъ образомъ корни и суффиксы приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ были *tḡ-*, *tū*, *-ti*.

Звукъ *m* 1) вѣроятно, на славяно-литовской почвѣ, передъ слѣдующимъ *m*, перешелъ въ *s*; 2) на славянской почвѣ, передъ *j*, смягчился и далъ въ церк.-слав. языкѣ *шт*, въ древне-русскомъ ч.

Славянское *z* (не *s*) обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *dž*, греч. γ , лат. *g*, лит. *ž*: ц.-сл. мълз-ж (дою), гр. $\acute{\alpha}\text{-}\mu\acute{\epsilon}\lambda\gamma\text{-}\omega$, лат. *mulg-eo*, лит. *melš-u* (дою); ц.-сл. и др.-р. зна-ти—скр. *džān-āmi* (знаю), гр. $\gamma\iota\text{-}\gamma\acute{\iota}\omega\text{-}\sigma\kappa\omega$, лат. *(g)nō-sko*, лит. *žin-oti* (знать); ц.-сл. и др.-р. зъл-ва, греч. $\gamma\acute{\alpha}\lambda\text{-}\omega\varsigma$, лат. *gl-ōs*.

Слав. *z* здѣсь восходитъ къ обще-индо-европ. небному, мягкому *g* (изображаемому *g₁*). Так. обр. корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. яз. должны были звучать *mg₁-*, *g₁nā-*, *g₁l-*;

2) санскр. *h*, греч. χ , лат. *h*, лит. *š*: ц.-сл. и др.-р. зим-а—скр. *hīma-* (въ сложныхъ словахъ = снѣгъ, холодъ), греч. $\chi\epsilon\iota\mu\text{-}\acute{\omega}\nu$, лат. *hiem-a*, лит. *šėta* (зима); ц.-сл. и др.-р. зем-ля—греч. $\chi\alpha\mu\text{-}\acute{\alpha}\iota$,

лат. *lum-us* (*u* изъ *o*), *lum-o*, лит. *žem-ė* (земля); ц.-сл. *вез-ж*, др.-р. *вез-у*—скр. *vañ-ami*, греч. *Ἔβυ-ος*, лат. *veh-o*, лит. *ves-u*.

Слав. *з* здѣсь восходитъ къ обще-индо-европ. небному, мягкому придыхательному *g* (изображаемому *g, h*). Так. обр. корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. яз. должны были быть *g, heim-, g, hesh-, veg, h-*.

Кромѣ *з* изъ обще-индо-евр. *g, g, h*, церковно-славянскій языкъ имѣеть: 1) нѣсколько словъ, гдѣ звукъ *з* восходитъ къ обще-индо-европ. *z*, образовавшемуся по преимуществу изъ *s* (кореннаго) передъ *b, d* и *g* (въ суффиксахъ). Это *з* мы находимъ въ мозгъ — сравн. зендск. *masga-* (мозгъ), греч. *μῆσχος*: въ мзда—срв. зендск. *miśda-* (мзда), гр. *μίσθός*, готск. *miśdō* (мзда);—2) нѣсколько словъ, гдѣ звукъ *з* соответствуетъ скр. *d* передъ слѣдующимъ *d* или *dh*, греч. *σ* передъ *θ*: ц.-сл. и др.-р. ѣз-ити при ѣдж, русск. громаздить при громада—срв. скр. *vid-dhi* (знай, повел. накл., кор. *vid*, суфф. *dhi*), гр. *ἴσ-θι* (изъ *Fiθ-θι*). Это слав. *з* передъ *д* восходитъ или къ обще-индо-европ. *d, dh*, или къ *ds, dhs* (въ родѣ бѣлорусск. *дз*), образовавшемуся еще на обще-индо-европ. почвѣ передъ *d, dh*. Совпаденіе слав. *з* передъ *д* съ греч. *σ* передъ *θ*, въ виду скр. *d* передъ *d, dh*, едва ли до извѣстной степени не случайно, и окончательное образованіе *з* изъ *d* или *ds* едва ли не совершилось уже на славяно-литовской почвѣ, независимо отъ образованія греч. *σ*.

Слав. *з*, какого бы происхожденія оно ни было, на славянской почвѣ передъ *j* смягчилось и перешло въ *ж*.

Сверхъ того, *з* изъ обще-индо-европ. *g*, какъ только оно развилось,—во всякомъ случаѣ не на славянской, а вѣроятно, на славяно-литовской почвѣ — передъ слѣдующими *k, n, t, s* перешло въ *с*. Вслѣдствіе этого въ церковно-славянскомъ, древне-русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ мы находимъ *ис-жушати* (вмѣсто *из-к-*; литовскій префиксъ *iš* = изъ предъ слѣдующими *k, p, t, s* всегда звучитъ какъ *iš*), *ис-нълнити, вести* (вм. *вез-ти*; наст. вр. *везж*; срв. лит. *vešti* = *везти*), *масть* (вм. *маз-ть*, кор. *маз-*), *весло, масло* (вм. *вез-сло, вес-сло*, суфф. *сло*) и т. п.

Славянское *с* обильно соответствует:

1) санскр. *ṣ*, *ṣ̄*, греч. густому придыханію (передъ согласными исчезнувшему) или *σ* (рѣдко), лат. *s* (откуда *r*), лит. *s* (рѣже *š*): ц.-сл. и др.-р. седмъ (изъ *себдмъ)—санскр. *sapta*, греч. ἑπτὰ, ἑβδόμος, лат. *septem*, лит. *septini* (семь); ц.-сл. стожъ, др.-р. стою—скр. *ti-śthati* (ставить, 3 л. ед. ч. наст. вр. дѣйств. з. отъ корня *sta-*), гр. ἵστημι, лат. *sto*, лит. *sto-viu* (стою); ц.-сл. и др.-р. свѣтъ—греч. *νῆφει* (изъ *σν-*), лат. *pinguit* (изъ *sp-*), лит. *snėgas*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ это слав. *с*, долженъ былъ звучать *s*; такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ должны были быть *sabd-*, *sta-*, *snaig-*;

2) санскр. *ś*, греч. *χ*, лат. *c*, лит. *š*: ц.-сл. и др.-р. съто—скр. *śatam*, гр. ἑκατὸν, лат. *centum*, лит. *šimtas*; ц.-сл. десять, др.-р. десять—скр. *daśa*, гр. δέκα, лат. *decem*, лит. *dešimtis*; ц.-сл. и др.-р. въсь (деревня)—скр. *vīc-āmi* (вхожу), греч. *ἑῷχος*, лат. *vīc-us*, лит. *vėš-pats* (господинъ).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому здѣсь восходитъ слав. *с*, долженъ былъ звучать какъ мягкое, небное *κ* (изображаемое нерѣдко *κ₁*, въ отличіе отъ гортаннаго, твердаго *κ*, изображаемаго *κ₂*). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *κ₁nt-*, *dek₁-*, *vīκ₁-*;

3) скр. *kṣ̄*, греч. *ξ*, лат. *x*, лит. *š*: ц.-сл. и др.-р. дес-нѣ—скр. *daś-inaś* (правый), гр. δεξιός, лат. *dex-ter*, лит. *deš-ine* (правая рука); ц.-сл. и др.-р. ось—скр. *akṣ-as*, гр. ἄξων, лат. *ax-is*, лит. *aš-is* (ось).

Славянское *с* здѣсь должно восходить къ обще-индо-европ. сочетанію согласныхъ *h₁* и *s*, такъ что корни словъ дес-нѣ и ось въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были звучать *dek₁s-*, *ak₁s-*:

4) передъ слѣдующимъ *t*—санскр. *t* (изъ кореннаго *t* или изъ *d*, *dh*). гр. *σ*, лат. *s*, лит. *s*: ц.-слав. и др.-р. сѣс-ти (неопред. накл.)—скр. *sat-tas* (причаст. страдат. отъ корня *sad-* сидѣть съ суффиксомъ *ta*), лат. *ob-ses-sus* (изъ *ob-ses-tus*), лит. *sės-ti* (сѣсть); ц.-сл. ѣс-ть, яс-ть, др.-русск. ѣс-ть (3 л. ед. ч.)—скр. *aṭ-ti* (ѣсть, кор. *ad-*, суффиксъ *ti*), лат. *es-t*, лит. *es-t* (ѣсть); ц.-сл. вѣс-ть, др.-р. вѣс-ть (3 л. ед. ч.)—санскр. *vēṭ-tha* (ты знаешь), греч. ἵστέος (отъ глагольн. прилагат.).

Это слав. *с* передъ *т* можетъ восходить или къ обще-индо-европейскому *т*, или къ *и*, образовавшемуся еще на обще-индо-европейской почвѣ, подъ вліяніемъ слѣдующаго *t*, изъ основнаго *t* или *d*. Совпаденіе славянскаго *с* передъ *т* съ греческимъ и латинскимъ *s* передъ *t*, въ виду *t* въ санскритѣ (а также въ готскомъ языкѣ), едва ли до извѣстной степени не случайно, и славяно-литовское *с* могло окончательнo образоваться изъ *т* или *и* въ славяно-литовскую эпоху, независимо отъ *с* языковъ классическихъ.

Сверхъ того, 5) какъ сказано выше, слав. *с* передъ *к*, *п*, *с*, *т* въ нѣкоторыхъ случаяхъ произошло изъ *з*.

Вѣроятно, славянское *с* изъ обще-индо-евр. *s* и *t* въ древнѣйшую пору жизни обще-славянскаго языка по качеству своего звука отличалось отъ *с* изъ обще-индо-евр. небнаго *κ*, (*g*₁) и лишь впослѣдствіи эти два звука сдѣлались тождественными.

Славянское *с* изъ обще-индо-европ. *s* въ нѣкоторыхъ случаяхъ перешло на славянской почвѣ въ *ш*; сверхъ того, *с*, какого бы оно происхожденія ни было, передъ *ј* смягчилось и образовало *ш*.

Славянское *л* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *ṛ*, рѣдко *l*, гр. *λ*, рѣдко *ρ*, лат. *l*, рѣдко *r*, лит. *l*; ц.-сл. и др.-р. луч-а—скр. *ṛuk-as* (свѣтъ), *lok-as* (свѣтлость), гр. *λευκ-ός*, лат. *lux luc-is*, лит. *lauk-as* (лысый); ц.-сл. и др.-р. слав-а—скр. *srāv-as* (слава), гр. *κλέ-ος*, лат. *in-clu-lus*; ц.-сл. и др.-р. жи-тель—скр. основа *dā-tar-* (датель, им. ед. *data*), гр. *σω-τερ-* (зват. *σῶτερ*), *δω-τορ-*, лат. *dā-tōr-*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить слав. *л*, въ большинствѣ случаевъ долженъ былъ звучать *ṛ*, въ меньшинствѣ *l*. Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ и суффиксъ въ обще-и.-европейскомъ яз. могли быть *ṛauk*₂-, *k₁ṛāv*-, *-ter*-.

Кромѣ *л* изъ о.-и.-европ. *ṛ*, *l*, церк.-славянскій языкъ имѣетъ еще *л* (мягкое) на мѣстѣ болѣе или менѣе древняго *ј* послѣ губныхъ: *блюдж*, *люблж*, *взбавленіж* и т. п.

Славянское *р* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *r* (рѣдко *l*), гр. *ρ*, лат. *r*, лит. *r*; ц.-сл. и др.-р. рѣд-ѣти—скр. *ṛudh-itas*, гр. *ῥουθ-ρός*, лат. *rub-er*, лит. *rud as*; ц.-сл. и др.-р. матер- (основа къ *ѣм*).

ед. *мати*)—скр. *mātar-*, гр. *μήτηρ*-, лат. *matr-*, лит. *mōter-*; ц.-сл. *брада*, др.-р. *борода*—лат. *barba*, лит. *barzda* (*борода*).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить слав. *р*, былъ *ʀ*, такъ что корни приведенныхъ словъ и основа въ о.-и.-евр. языкѣ были *rudh-*, *māter-*, *baradh-*.

Славянское *м* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *ṃ*, греч. *μ* (въ концѣ словъ *ν*), лат. *m*, лит. *ṃ*: ц.-сл. и др.-р. *мати*—скр. *mātā*, гр. *μήτηρ*, лат. *māter*, лит. *motė*; ц.-сл. и др.-р. *медь*—скр. *madhū* (*медь*), гр. *μέθυ*, лит. *medus* (*медь*); ц.-сл. и др.-р. *ис-мь*—скр. *as-mi*, гр. *εἰ-μί*, лат. *su-m*, лит. *es-mi*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить слав. *м*, звучалъ *m*, такъ что основы и суффиксы приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. яз. были *māter-*, *medhu-*, *-mi*.

Славянское *м* на славянской почвѣ во многихъ случаяхъ слилось съ предшествовавшими ему гласными и образовало носовые гласные *ж* и *л*.

Славянское *н* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *n*, греч. *ν*, лат. *n*, лит. *n*: ц.-сл. и др.-р. *нов-ь*—скр. *nav-as* (*новый*), гр. *νέψ-ος*, лат. *nov-us*, лит. *nav-jas* (*новый*); ц.-сл. и др.-р. *снѣгъ*—гр. *νίψει*, лат. *ninguit*, лит. *snėgas*; ц.-сл. и др.-р. *цѣна*—гр. *ποιν-ή*, лит. *kain-a* (*цѣна*).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить слав. *н*, звучалъ *n*, такъ что корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *nav-*, *snaiǵ-*, *k₂ain-*.

Славянское *н*, какъ и *м*, на славянской почвѣ во многихъ случаяхъ слилось съ предшествовавшими ему гласными и образовало носовые гласные *ж* и *л*.

Славянское *ј* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *j*; греч. *ζ* или густому придыханію (а иногда и легкому), лат. *j*, лит. *j*: ц.-сл. и др.-р. *по-јас-ь* (*помсь*)—скр. *jās-tas* (*обязанный*), греч. *ζωσ-τός*, лит. *jūs-tas* (*обязанный*); ц.-сл. и др.-р. *јунь* (*юнь*)—лат. *juvenis*, лит. *jaunas*; ц.-сл. *ју*, *јуже* (*ю*, *юже*)—лит. *јау* (*уже*).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить слав *j*, долженъ былъ звучать какъ *j* или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ краткій, не составляющій слога гласный *i*; такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ могли быть *jas-*, *jau-*, *jau*.

Слав. *j*, сохранившееся въ церковно-славянскомъ языкѣ лишь въ немногихъ случаяхъ (по большей части оно слилось съ предшествовавшими ему согласными и было опущено передъ и между гласными), между прочимъ, послѣ губныхъ спорадически перешло въ *z* (мягкое): люб~~ж~~ изъ люб~~ж~~, земля изъ зем~~я~~ и т. п.

Кромѣ *j* изъ обще-индо-евр. *j*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ *j* возникшій на славянской почвѣ передъ начальными гласными.

V. Обще-славянскія измѣненія звуковъ.

Славянская семья языковъ состоитъ изъ языковъ: 1) церковно-славянскаго съ средне-болгарскимъ и современнымъ болгарскимъ, 2) сербо-хорватскаго (современные штокавскіе и чаковскіе говоры), 3) словинскаго, 4) русскаго (нарѣчія великорусское, ѳлорусское и малорусское), 5) польскаго съ его вѣтвью кашебскимъ, 6) чешскаго съ его вѣтвью словацкимъ, 7) верхне-лужицкаго съ нижне-лужицкимъ и 8) вымершаго полабскаго, который извѣстенъ намъ только по небольшому количеству словъ, записанныхъ нѣмцами въ XVII—XVIII вв. Эти славянскіе языки — потомки одного языка - предка, который можетъ быть названъ языкомъ обще-славянскимъ.

Всѣ славянскіе языки имѣютъ большое количество исконныхъ чертъ, свойственныхъ имъ въ равной мѣрѣ и сближающихъ ихъ между собою. Одни изъ этихъ чертъ, тѣ, о которыхъ было говорено прежде, развились на почвѣ или обще-индо-европейской, или славяно-литовской, вообще на почвѣ до-славянской; другія развились въ обще-славянскомъ языкѣ прежде, чѣмъ онъ распался на отдѣльные языки, и потому свойственны или по крайней мѣрѣ были свойственны всѣмъ славянскимъ языкамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ славянскихъ языковъ имѣетъ нѣкоторое количество исконныхъ особенностей, отличающихъ его отъ его родичей. Большая часть этихъ особенностей повторяется въ нѣсколькихъ языкахъ. Такъ, *ч* изъ *тj* находится въ русскомъ и въ словинскомъ; *ц* изъ *тj* — въ польскомъ, чешскомъ, лужицкихъ, полабскомъ; *ра* изъ *ѳr* — въ церковно-славянскомъ, сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ. Меньшая часть особенностей свойственна какому-либо одному славянскому языку; таково русское полногласіе: *оро*, *ере* изъ *ѳr*, *ер*.

Группировка исконныхъ особенностей въ славянскихъ языкахъ не позволяетъ свести эти языки менѣе чѣмъ въ три главныя группы.

Изъ нихъ первая — южная (церковно-славянскій, сербскій и словинскій яз.) — можетъ быть характеризована группами *ра, ла, рь, ль* изъ *ар, ал, ер, ел*, переходомъ (не всегда) *ј* въ *л* (земля), отсутствіемъ древнихъ (до-славянскихъ) группъ *дл, тл, дл, тл*, а также смягченіемъ *і* и *к* въ звѣзда, цвѣтъ и т. п. и окончаніемъ род. ед. женск. р., им.-вин. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. *л* (земля, коня); вторая — западная (польскій, чешскій, лужицкіе, полабскій) — свистящими *дз* или *з* и *ц* изъ *dj, tj*, отсутствіемъ *л* изъ *ј* (земя), сохраненіемъ *і* и *к* въ звѣзда, квѣтъ и окончаніемъ род. ед. женск. р. и др. *ь* (земь, конь); третья — восточная (русскій языкъ) — занимаетъ мѣсто между первую и вторую, сближаясь съ первую переходомъ *ј* въ *л* (земля), отсутствіемъ древнихъ группъ *дл, тл, дл, тл* и смягченіемъ *і* и *к* въ звѣзда, цвѣтъ и т. п. и со второю — окончаніемъ род. ед. и друг. *ь* (земль, конь). Ея отличительныя черты — полногласіе и *ж* и *ч* изъ *dj, tj*.

Измѣненія въ области звуковъ, происшедшія въ обще-славянскомъ языкѣ и изъ него перешедшія въ церковно-славянскій, — слѣдующія.

1. Г л а с н ы е.

Переходъ о и е въ з и ъ. Кромѣ з и ъ, получившихъ начало на до-славянской почвѣ, церковно-славянскій языкъ имѣетъ небольшое количество словъ и формъ съ з и ъ, развившимися изъ о и е на обще-славянской почвѣ и невзмѣнно соответствующими литовскимъ а и е. Эти повѣйшія з и ъ находятся внутри словъ перedy разными согласными (кромѣ *ј*) и въ исходѣ словъ, и ихъ образованіе изъ о и е было обусловлено, кажется, только отсутствіемъ ударенія. Оно было необязательно, т. е. неударенныя о и е могли перейти и могли не перейти въ з и ъ. Отсюда въ однихъ и тѣхъ же корняхъ, даже словахъ мы видимъ то древнія о и е, то новыя з и ъ: ц.-слав. хот-ѣти и хѣт-ѣти; которы и пол. ktery, изъ кѣтѣри (лит. katras); когда и кѣгда; тогда и тѣгда, др.-чешск. tehda (е изъ э); др.-русск. топѣтати (откуда малорусск. тѣптати) и ц.-слав. тѣтѣтати, пол. deptać (е изъ э); ц.-сл. вечерь и вѣчерь (Син. Пс. 121), ц.-сл. и др.-русск. варѣчіе вѣчера; др.-русск. шедь (Остром. Ев.: пришеды 55;

Сл. Григор. Богосл. XI в.: въшедьшемъ 4 об.; сравн. въ Свят. Сборн. 1073 г.: самошестьну 25 об.) и ц.-сл. шѣдь, ц.-сл. и др.-русск. шѣль; др.-русск. рѣку, рѣкъъ и ц.-сл. режж, рекъъ; ц.-сл. (Супр. р.) и др.-р. жѣжж и ц.-сл. жѣжж; ц.-сл. и др.-р. мечь Кл. Об., Супр. р., О. Ев., Путятина Миней XI в. (откуда стар. малорусск. мѣчь) и ц.-сл. мѣчь (срв. сербск. мач изъ мѣчь); др.-р. жеравль, соврем. журавль, жаравль и др.-сербск. жѣравль, соврем. ждраво; ц.-сл. и др.-р. четыремъ и др.-чешск. *чѣтыри, откуда стуги. Отсюда въ разныхъ словахъ и формахъ при какъ будто тождественныхъ условіяхъ мы находимъ въ однихъ *о* и *е*, въ другихъ *ѣ* и *ь*: слово, небо (им.-вин. ед.) изъ *slavaš*, *pebāš* и *novš*, *vьlkъ* (им. ед.) изъ *pavāš*, *vьlkāš* (сравн. лит. *vilkas* и другія слова съ им. ед. на *āš*); ново, село (им.-вин. ед.) изъ *pavān*, *selān* и *novš*, *vьlkъ* (вин. ед.) изъ *pavān*, *vьlkān* (срв. вин. греч. на *-ov*, лат. на *-ūn*, *-ōn*, лит. на *-ą*). Впрочемъ существуетъ мнѣніе, будто: 1) *о* передъ *з* никогда не измѣнялось въ *ѣ* и формы *novš*, *vьlkъ* (им. ед.) — собственно формы вин. ед. и 2) *о* передъ *n* вездѣ перешло въ *ѣ* и многочисленныя формы средн. р. въ родѣ *ново*, *село* заимствовали свое *о* отъ нѣсколькихъ формъ въ родѣ *слово*, *небо*, *то* (мѣстоименіе); но это мнѣніе совершенно произвольно.

Можетъ быть, образовавшіяся на славянской почвѣ *ѣ* и *ь* первоначально отличались по качеству звука отъ *ѣ* и *ь* изъ *й*, *ї*, но потомъ, еще въ обще-славянскомъ языкѣ, *ѣ* и *ь* разнаго происхожденія слились въ два звука *й* и *ї* (откуда глухія *ѣ* и *ь*). Это совершилось прежде, чѣмъ въ обще-славянскомъ языкѣ произошли измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ *j*, такъ какъ во время этихъ измѣненій *ѣ* изъ *й* и *ѣ* изъ *о* были несомнѣнно тождественны.

Новый *ѣ* изъ *о* мы находимъ 1) въ исходѣ словъ: въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ им.-вин. п. ед. муж. р.: *novš*, *vьlkъ* (сравн. литовскія имена муж. р. на *-āš*, въ родѣ *vilkas*, греч. на *-os*, лат. на *-us*, изъ *ōs*), род. мн. всѣхъ родовъ: *vьlkъ*, *селъ*, *женъ* (изъ *ān*; сравн. род. мн. греч. на *-ov*, лат. на *-ūn* изъ *ōn*), въ церковно-славянскихъ формахъ 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр.: *беретъ*, *берѣтъ* (сравн. медіальныя формы имперфекта санскритск. *abharata*, *abharanta*, греч. *ἐφέρετο*, *ἐφέροντο*); и 2) въ срединѣ или началѣ словъ въ небольшомъ рядѣ корней, напримѣръ, въ словахъ

ц.-слав. хзѣти, ц.-сл. и др. р. ъзнѣ, ѡзнѣти (срв. ц.-сл. часть изъ *късь), ц.-сл. довольнѣ, довольѣти (при довольнѣ: срв. ц.-сл. воля, велѣж, лат. volo), зап.-слав. прѣчь (чешск. ргеѣ, пол. ргесз; срв. ц.-сл. и др.-р. прочи, др.-р. прокъ, проче), ц.-сл. и др.-русск. мѣногъ (срв. готск. manags), ц.-слав. и др.-р. мѣнож (твор. ед.; срв. лит. шаније, мѣстн. ед.), въ, взн- (предлогъ-префиксъ) изъ зн- (срв. греч. ἄν-, ἄν', лат. ān-). съ, сън- (предлогъ-префиксъ) при сж- (срв. лит. sap-).

Новый ѡ изъ е (не изъ јѡ) мы находимъ въ нѣсколькихъ формахъ повелит. накл. въ родѣ рѣци, рѣцѣте, тѣци, пѣци, жѣси (при режѣ, текѣ, пекѣ, жегѣ); въ небольшомъ рядѣ корней, напримѣръ, въ словахъ вѣчера (срв. лит. vakaras вечеръ), лѣвъ (срв. греч. λέων, лат. leo), пѣсъ (сравн. санскр. racus, лат. pecus, лит. rekus скотъ), шѣдъ (при ход-), имѣ изъ јѣмѣ, ѣмѣ (при средне-болг. ѣмѣ, прусск. emens) въ формахъ 2 л. ед. повелит. н. ц.-сл. виждѣ, др.-р. вижѣ, чешск. viz, ц.-сл. *хоштѣ, р. хочѣ и др. (до-славянское окончаніе ї-с; срв. окончанія 3 л. мн. ч. греч. εἶν = *εσ-ε-ν, фѣро-ε-ν, Zendск. бага-је-п) и, вѣроятно, въ мѣстоименныхъ формахъ мѣстн. ед. муж. и ср. р., въ родѣ томѣ (сравн. лит. мѣстн. ед. tame). Относительно ѡ въ этихъ послѣднихъ формахъ надо имѣть въ виду, что онѣ иногда находится на мѣстѣ литовскаго ударяемаго е и, несомнѣнно, самъ былъ нѣкогда ударяемъ (русск. ономѣ-дни). Кажется, это ѡ развилось изъ е сначала въ тѣхъ формахъ, гдѣ удареніе находилось не на послѣднемъ слогѣ, и потомъ изъ этихъ формъ перешло въ остальные, съ удареніемъ на концѣ. Впрочемъ е литовскаго -те можетъ быть сравнительно новымъ звукомъ.

Образованіе носовыхъ гласныхъ. Обще-славянскій языкъ, выдѣлившись изъ языка славяно-литовскаго, имѣлъ значительное число словъ и формъ, въ которыхъ носовой согласный, м или н, слѣдовалъ за гласнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ или предшествовалъ какому-либо согласному, или находился въ концѣ слова, формы. Съ теченіемъ времени носовой согласный этихъ словъ и формъ слился съ предшествовавшимъ ему гласнымъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ образовалъ носовой гласный. Такъ, м слова трѣмъс (сравн. лат. tremere), слившись съ ѣ, образовалъ вмѣстѣ съ нимъ носовой гласный—ц.-слав. ж; точно также н слова лемгетъ (ср. лежати, лат. fingo, pungo),

слившись съ *e*, образовалъ другой носовой гласный -- ц.-слав. *а* (ложеть).

Конечно, первоначально всякій гласный могъ быть носовымъ, такъ что въ женж (вин. ед.) могло слышаться носовое *ā* (= *genāw), въ тржж—носовое *ǣ*, въ тржжж—носовое *e*, въ видать (3 л. мн. ч.)—носовое *и*, въ душа (род. ед.)—носовое *ь*, въ на-мать—носовое *ъ* (сравн. лит. *at-mintis*), въ дѣти—носовое *ѣ* (= *dēti, сравн. дѣм-ж, -дѣм-ати). Но послѣ разные носовые гласные стали сближаться между собою и мало по малу перешли въ два звука — носовое *о* (или звукъ близкій къ *o*) и носовое *е* (или звукъ близкій къ *e*), вѣроятно, бывшіе какъ краткими, такъ и долгими, и съ губно-носовымъ отгнкомъ (*м*), и съ чисто-носовымъ (*н*). Носовое *о* получило изъ носовыхъ *а* (= *ā*), *ǣ*, *ѣ*, можеть быть, *ы*; носовое *е* дали носовыя *е*, *ь*, *и* (*ī*), *ь*. Такимъ образомъ получались предки церковно-славянскихъ *ж* и *л*, существовавшіе въ общеславянскомъ языкѣ во все время его жизни и перешедшіе изъ него во всѣ отдѣльныя славянскія нарѣчія.

Здѣсь носовые гласные имѣли каждый свою особую судьбу. Церковно-славянскій, словицскій (во Фрейзингенскомъ памятникѣ), польскій и полабскій языки еще сохранили ихъ въ историческую эпоху своей жизни (польскій сохраняетъ и до сихъ поръ въ большомъ числѣ, болгарскіе и словинскіе говоры въ скудныхъ остаткахъ); остальные языки явились на историческое поприще, уже утративъ ихъ, т. е. превративъ носовые гласные въ чистые. Качество носовыхъ гласныхъ, благодаря присутствію въ нихъ носоваго элемента, въ разныхъ славянскихъ языкахъ измѣнилось неодинаково. О звукахъ церковно-славянскаго языка, изображавшихся въ кириллицѣ черезъ *ж* и *л*, мы говорили выше. Польскій яз. знаетъ и знаетъ, на мѣстѣ церковно-славянскихъ *ж* и *л*, носовыя *o*, *a*, *y*, *e*, *и* (въ современномъ литературномъ языкѣ *o* = *o* и *e* = *e*). Сербскій, русскій, чешскій и лужицкіе замѣнили носовое *о* (или звукъ близкій къ *o*) обще-славянскаго языка звукомъ *y*, сначала носовымъ, потомъ чистымъ; словинскій языкъ (во многихъ говорахъ) замѣнилъ этотъ звукъ звукомъ *o*. Русскій, чешскій и, мы думаемъ, лужицкіе языки превратили обще-славянск. носовое *е* (или звукъ близкій къ *e*) въ *a* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ или *j*, сперва носовое, послѣ чистое; сербскій и словинскій, напротивъ, сохранили

обще-слав. носовое *e* (конечно, не вездѣ и не вполнѣ), но послѣ утратили въ немъ носовой элементъ. Такимъ образомъ обще-славянск. до^нбъ, давшее въ церковно-славянскомъ языкѣ дѣбъ, стало звучать въ польскомъ языкѣ—doⁿb, daⁿb, dyⁿb, deⁿb, современное литературное deⁿb (= deb); въ сербскомъ, русскомъ, чешскомъ, лужицкихъ—дуⁿбъ, откуда дубъ; въ словинскомъ—doⁿb, откуда dob; обще-славянскій корень глѣⁿд-, давшій въ церковно-славянскомъ языкѣ глѣд-, сталъ звучать въ польскомъ—gleⁿd-, gliⁿd-, соврем. литературное gleⁿd- (ględ-); въ русскомъ, чешскомъ, лужицкихъ — глѣⁿд-, откуда глѣд-, gled-, hled-; въ сербскомъ и словинскомъ—глѣⁿд-, откуда глед-.

Рядомъ съ носовыми гласными изъ до-славянскихъ сочетаній гласный + носовой согласный, въ небольшомъ количествѣ словъ и формъ обще-славянскаго языка мы находимъ, вмѣсто ожидаемыхъ нами носовыхъ гласныхъ, гласные чистые. Именно, мы находимъ вмѣсто ожидаемыхъ *ж* и *л*:

1) въ исходѣ словъ:

з: въ формахъ вин. п. ед. муж. р. въ родѣ вълѣзъ, сынз (сравн. окончанія вин. ед. греч. -ον, -ῶν, лат. -um, лит. -ą, -ų);

въ формахъ родит. п. мн. всѣхъ родовъ: вълѣзъ, сыновз, сельз, женз, словезъ (сравни окончанія род. мн. греч. -ων, лат. -um, литовск.-жмудск. -um);

въ формахъ 1 лица ед. ч. аористическихъ образованій (аориста сильнаго, аориста сигматическаго, имперфекта): несъ, несохъ, несѣ-ахъ (сравн. окончанія греч. формъ 1 л. ед. ἔλιπον, ἔλειπον и т. п.);

въ формахъ супина: несѣъ (ср. формы лат. и лит. супина на *tim*);

ь (не изъ *ъ*): въ формахъ вин. ед. муж. и женск. р. въ родѣ гость, кость (сравни окончанія вин. ед. греч. -iv, лат. -im, -em, лит. i);

о: въ формахъ им.-вин. ед. средн. р. въ родѣ село (сравни окончанія греч. -ον, лат. -um);

ы: въ формахъ им. ед. словъ муж. р. съ основою на *п*: камы, пламы (при плама; сравни греч. ἄχμων, лит. -жмудск. akmu);

въ формахъ имен. ед. причастій настоящ. вр. муж. р. съ основою на *nt*: беры, сы (при даы, ямыла; сравн. греч. τιθεῖς изъ *τι-θεῖνς, διδούς изъ *διδόνς, лат. ferens, praes-sens, лит. причастія на -as);

въ формахъ родит. ед. женск. р. въ родѣ жены (при душа);

въ формахъ имен.-винит. множ. женск. р. въ родѣ жены (при душа; сравн. прусск. вин. мн. *gapanys*, отъ *gana* = жена);

въ формахъ винит. мн. муж. р. въ родѣ вълкъ, сыны (при крам, мѣжа; сравн. греч. критск. вин. множ. *νόμους*);

и: въ формахъ вин. мн. муж. и женск. р. въ родѣ гости, кости (сравн. греч. *νόμους*, прусск. *gapanys*);

а: въ древнихъ русскихъ и западно-славянскихъ формахъ имен. ед. причастій наст. вр. муж. р. въ родѣ бера, са (при ц.-слав. беры, сы, дам, ѡмла);

ъ: въ древнихъ русскихъ и западно-славянскихъ формахъ род. ед. и имен.-вин. множ. женск. р. въ родѣ душѣ (при ц.-сл. душа);

въ древнихъ русскихъ и западно-славянскихъ формахъ вин. мн. муж. р. въ родѣ крам, мужь (при ц.-слав. крам, мѣжа);

въ серединѣ словъ:

з: въ словахъ сѣто (сравн. лат. *centum*, лит. *šimtas*), вторъ (сравн. санскр. *antaras*, лит. *antras* другой, нѣм. *ander*), въ предлогахъ-префиксахъ сѣ, въ (сравн. сѣм-имати, сж-сѣдъ; вѣн-имати, др.-русск. у-возъ = *ж-возъ, польск. *wąwoz*; лит. *san-*, греч. *ἀν-*, *ἀνά*, лат. *an-*);

ъ: въ словѣ мѣсць (сравн. греч. *μήν*, лат. *mensis*, лит. *mėnu* -esis; ѣ въ помѣнѣти (корень тотъ же, что въ мѣн-ѣти, суффиксѣ -мж-), вѣроятно, заимствованъ этимъ глаголомъ изъ родственныхъ мѣн-ити, по-мѣн-ѣ и т. п.; ѣ въ камѣнь, при др.-русск. камѣнь = каман-ѣ, изъ камен-нѣ, вѣроятно, перешло въ это слово изъ словъ въ родѣ дрѣвѣнь.

Сверхъ того, мы, вѣроятно, имѣемъ чистые вмѣсто носовыхъ въ формахъ дат. мн. ны, вы (при намѣ, вамѣ), въ русск. лѣко (лит. *lunkas*), въ русск. прыгать (при ц.-слав. прѣжжатица, -прагати), въ русск. дрыхнуть (при ц.-слав. драхль, драсель; въ др.-р. Житиѣ Нифонта 1219 г. друхль = држхль), въ ц.-слав. прѣмь (при русск. прѣмь, сербск. према изъ прам-), въ церк.-слав. и русск. кѣнига (при ср.-болг. кѣнга, кѣжнѣкъ Ев. Григоровича XII в. 109, чешск. *kněha* изъ *knāna* = кѣнга, польск. *księga* изъ кѣнга).

Вопросъ о способахъ происхожденія въ указанныхъ словахъ и формахъ чистыхъ гласныхъ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ вопросовъ славянской фонетики.

Появленіе чистыхъ *ъ, ъ, о* изъ древнѣйшихъ *краткихъ* въ исходѣ словъ—въ вин. ед. вѣлкъ, сынъ, гость, село, въ род. мн. вѣлкъ, сыновъ, женъ и др., въ супинѣ, въ 1 л. ед. несть и др. можетъ быть объяснено тѣмъ, что здѣсь носовой согласный, заканчивавшій собою эти формы, не успѣлъ слиться съ предшествовавшими ему гласными и образовать вмѣстѣ съ ними носовые гласные и исчезъ въ то время, когда исчезли въ обще-славянскомъ языкѣ всѣ конечные согласные. Но этому объясненію противорѣчитъ до нѣкоторой степени образованіе носовыхъ гласныхъ изъ древнѣйшихъ *долгихъ* также въ исходѣ словъ—въ вип. ед. женѣ (изъ -ān, сравн. греч. -ᾶν, лат. -ām), въ твор. ед. женож (вѣроятно, изъ -ān), въ 1 л. ед. реж (вѣроятно, изъ -ān). образовавшихся при тѣхъ самыхъ условіяхъ, при которыхъ получились чистые вѣлкъ, село и проч. Сверхъ того, должно имѣть въ виду, что носовые гласные какъ въ им.-вин. тела, прасл, такъ и въ им.-вин. сѣма, има и въ вин. ма, та, са, можетъ быть, образовались изъ *краткихъ* гласныхъ (срв. греч. им.-вин. ср. р. ἄρρεν, вин. ἐμέ, σέ, рядомъ съ санскр. им.-вин. ср. р. pāmā, вин. mām, лат. вин. mē, tē).

Появленіе *ы* въ камы, пламы и т. п. можетъ быть объяснено тѣмъ, что *ā* въ окончаніи ān (сравн. ἄκμων, ακμιν), подъ влияніемъ носоваго согласнаго, заканчивавшаго слово, перешло сначала въ *ō*, потомъ въ *ū*, т. е. въ *ы*, и что носовой согласный, такъ же какъ въ вѣлкъ, село, не успѣлъ слиться съ *ū* и исчезъ. Но мы не знаемъ ни одного достовѣрнаго примѣра перехода *ā* въ *ō* и затѣмъ въ *ū*.

Появленіе *ы* въ беры, сы и т. п. и *а* въ русск.-польск.-чешск. бера, са и т. п. (при ц.-сл. дам, ѳемла) можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ. Окончаніе этихъ формъ въ древнѣйшую эпоху обще-славянскаго языка было āns съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ (сравни лит. -as). Часть говоровъ этого языка испытала въ немъ исчезновеніе носоваго согласнаго (при существованіи конечнаго s), которое повело къ удлиненію *a*; такимъ образомъ получилось окончаніе ās, откуда русск.-пол.-чешск. -а. Въ другой части говоровъ обще-славянскаго языка *ā* въ āns, подъ влияніемъ группы ns, перешло сначала въ *ō*, потомъ въ *ū*; такимъ образомъ явилось окончаніе ūns. Исчезновеніе въ немъ n повело къ удлиненію *u* и образовавшееся затѣмъ окончаніе ūs дало ц.-слав. -ы. То же окончаніе āns съ предъидущимъ *j* во всѣхъ говорахъ обще-славянскаго

языка перешло сначала въ *jōns*, потомъ, вслѣдствіе вліянія *j*, въ *jens*, откуда ц.-слав. -д.

Окончаніе *ы* въ род. ед., им.-вин. мн. словъ женск. р. въ родѣ жены и окончаніе *ь* въ тѣхъ же падежахъ русскихъ и западно-славянскихъ словъ женск. р. въ родѣ души (при ц.-сл. душа) могутъ быть объяснены сходнымъ образомъ. Окончаніе *ы*, по всей вѣроятности, восходитъ къ окончанію *āns* съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ. Вліяніе группы *ns* повело къ переходу *ā* въ *o*, *ū*; послѣдовавшее послѣ завершения этого перехода исчезновеніе *n* передъ *s* не произвело измѣненія въ *ū*, и послѣднее перешло затѣмъ въ *ы*. Окончаніе *ь*, вѣроятно, восходитъ къ окончанію *jāns*. Здѣсь вліяніе носоваго согласнаго повело къ переходу *ā* въ *o*, а вліяніе *j*—къ переходу *ō* въ *ē*. Послѣдовавшее затѣмъ въ одной части обще-славянскаго языка исчезновеніе *n* превратило окончаніе *jens* въ *jēs*, откуда *-jn*. Другая часть обще-славянскаго языка сохранила *n*, и этотъ согласный, слившись съ *ē* = *ь*, образовалъ *д*.

Окончаніе *ы* въ вин. мн. муж. р. въ родѣ вълкъ и окончаніе *ь* въ вин. мн. въ родѣ крамъ, мужъ (при црк.-слав. крамъ, мжжа) могутъ быть объяснены въ главномъ такъ же, какъ *ы* въ жены и *ь* въ души. Только здѣсь древнее *ā* (въ окончаніи *āns*), перейдя въ *ō*, *ū*, *ē*, вслѣдствіе исчезновенія *n*, должно было удлиниться и образовывать *ū* и *ē* = *ы* и *ь*.

Окончанія *ы* и *и* въ вин. мн. сыны, гости, кости, восходящія къ *yns*, *īns*, могутъ быть объясняемы тождественно съ *ы* въ вълкъ. Только здѣсь древнія *ū* и *ī* не испытали никакихъ измѣненій въ качествѣ *n*, удлинившись послѣ исчезновенія *n*, перешли въ *ū* и *ī* = *ы* и *и*.

Образованіе чистыхъ въ серединѣ словъ (въ мѣсцѣ, дрыхнуть, лыко, прыгать и проч.) можетъ быть безъ большаго затрудненія объяснено такъ же, какъ образованіе ихъ въ формахъ жены, вълкъ. Но *з* въ *сзто* и вторымъ представляетъ много загадочнаго и стоитъ особнякомъ. Мы не видимъ въ этихъ словахъ не только носовыхъ гласныхъ, но и удлиненія чистыхъ, которое наблюдается въ другихъ случаяхъ.

Удлиненіе *ā* и *e* передъ плавными согласными. Славянскіе языки дѣлятся на двѣ группы: одни: церковно-славянскій, сербскій,

словинскій, чешскій, знаютъ удлиненіе *й* и *е* при плавныхъ; прочіе его почти не знаютъ.

Удлиненіе *й* и *е* наблюдается нами въ словахъ, нѣкогда имѣвшихъ эти звуки передъ группою: плавный согласный + согласный; всѣ они (за немногими исключеніями) имѣютъ вмѣсто *й* — *а*, т. е. *ā*, а вмѣсто *е* — *ъ*, т. е. *ē*, и сверхъ того, въ большей ихъ части замѣчается перестановка плавнаго.

А изъ *й* находится, между прочимъ, въ слѣдующихъ церковнославянскихъ словахъ:

брада (сравн. лат. *barba*, лит. *barzda* борода), врана (сравн. лит. *vaŕna* ворона), глава (сравн. лит. *galva* голова), гласъ (сравн. лит. *galsas* звукъ), градъ (сравн. лит. *gardas* огорожа), крава (сравн. лит. *karvė* корова), прася (сравн. лат. *porcus*, лит. *raigšas* свинья), сладкъ (сравн. лит. *saldus* сладкій);

лакоть (сравн. лит. *alkuonė* локоть), ланія (сравн. ц.-слав. *ѡлень*, русск. *олень*, лит. *elnis*, латышск. *alnis*), ладія (сравн. лит. *aldija*, *eldija* лодка), лакати (Зогр. Ев., Син. Пс.; сравн. лит. *alkti*), рабъ (сравн. греч. *ὄρφος*, лат. *orbis*), раз- (префиксъ, сравн. лат. *at-*), рлю (сравн. ор.-ати, лит. *arklas* плугъ);

алнии (при ланія), алднн (при ладнн), алкати (при лакати, безъ *ъ* послѣ *л*, неизмѣнно отсутствующаго въ этомъ словѣ въ древнерусскихъ нотныхъ книгахъ).

Б изъ *ѣ* находится, между прочимъ, въ слѣдующихъ церковнославянскихъ словахъ:

брьгъ (= берегъ и гора, Син. Тр. 99, сравн. нѣм. *berg*), брьза (сравн. лит. *beržas*, прусск. *berze* береза), плньт (сравн. лит. *pelnas* заработокъ), четверногъ (сравн. четверо), чрьсь (сравн. лит. *skersas* кривой, окольный), плньт (сравн. нѣм. *helm*).

Языки сербскій и словинскій (а также, разумѣется, ново-болгарскій) имѣютъ приведенныя слова въ той же формѣ, какъ и церковно-славянскій языкъ, т. е. съ *а* и *ъ* изъ *й* и *е* и съ постоянною перестановкою плавнаго (слова въ родѣ алкати въ нихъ неизвѣстны): сербск. брада, глава, град, лаѣа (лодья), лакат, бријег (но: роб, роб-ота).

Чешскій языкъ въ большей части словъ — въ тѣхъ, въ которыхъ слогъ *ра*, *ла* не начинается слова — вполне согласенъ съ церковно-славянскимъ: brada, hlava, hrad и т. п.; но въ меньшей части —

въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, гдѣ слогъ *ra, la* долженъ бы быть въ началѣ слова—онъ не имѣетъ удлиненія гласныхъ, т. е. имѣетъ не *a*, а *o* (изъ *ā*): *lod', loket, lokati, roz-, roba* (Svatovitský Rukopis XIV в.). Слова безъ перестановки плавнаго ему неизвѣстны.

Языки польскій и лужицкіе, не зная удлиненія *ā* и *e*, имѣютъ *o* (изъ *ā*) и *e* съ постоянною перестановкою плавнаго: польск. *broda, wrona, głowa, głos, gród, łódź, łokieć, robota, roz-, brzeg* (изъ брегъ), *brzoza* (изъ бреза), *plon* (изъ плень). Русскій языкъ, также не зная удлиненія *ā* и *e* и имѣя *o* и *e*, отличается отъ другихъ славянскихъ языковъ полногласіемъ. Оно заключается въ слѣдующемъ. До-славянская группа согласный+*ā*, *e*+плавный+согласный, является въ русскомъ языкѣ съ двумя тождественными гласными — однимъ передъ плавнымъ, другимъ послѣ плавнаго. Такъ, до-слав. *bārda*, ц.-слав. *брада*, пол. *broda* является въ русскомъ языкѣ въ видѣ *борода*: до-слав. *vārpa*, ц.-слав. *врана*, пол. *wrona*—въ видѣ *ворона*; до-слав. *gārdas*, ц.-слав. *градъ*, пол. *gród*—въ видѣ *городъ*; до-слав. *bērgas*, ц.-сл. *бръгъ*, польск. *brzeg*—въ видѣ *берегъ* и т. д. До-славянская группа, начинающая собою слово: *ā*, *e*+плавный+согласный, принимаетъ въ русскомъ языкѣ болѣе простую форму, одинаковую съ тою, которую мы видѣли въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Такъ, до-слав. *alk*, ц.-сл. *лак-ъть*, польск. *łokieć* является въ русскомъ языкѣ въ видѣ *лок-ъть*; до-слав. *aldijī*, ц.-слав. *лади*, польск. *łódź*—въ видѣ *лодья*, *лодка*; до-слав. *arbas*, ц.-сл. *рабъ*, польск. *robic*—въ видѣ *робъ*, *робити*, *робѣти*; до-слав. *arz-*, ц.-сл. *раз-*, польск. *roz-*—въ видѣ *роз-*. Отдѣльно стоитъ др.-русск. *олкати* = ц.-сл. *алк-ати*.

Полабскій языкъ, представляя много сходнаго съ польскимъ, отличался отъ него тѣмъ, что рядомъ съ словами, гдѣ произошла перестановка плавнаго, имѣлъ рядъ словъ безъ перестановки плавнаго, въ родѣ *vārpa* = ц.-слав. *врана*, русск. *ворона*, *vo-gārd* = ц.-сл. *градъ*, русск. *городъ*, *pārša* = ц.-сл. *прасъ*, русское *поросъ* (*ā*—вѣроятно—открытое *o*) и т. п. Нѣсколько подобныхъ словъ сохраняется въ кашебскомъ нарѣчій польскаго языка: *bardawka* = русск. *бородавка*, *charna, chorna* = ц.-сл. *храна*, *charst* = ц.-сл. *хвастъ*, *р. хворость*, *gardzec* = ц.-сл. *градити*, *р. городить* (Prace Filologiczne, III).

Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ въ удлиненія *ā* и *e* передъ плавными зогласными представляетъ полное сходство съ

сербскимъ, словинскимъ и отчасти чешскимъ языками и отличается отъ прочихъ слав. яз. Причина удлиненія *ā* и *e* неясна; можно думать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ гласными по природѣ краткими, усвоившими себѣ долготу вслѣдствіе своего нахождения передъ двумя согласными—плавнымъ и нѣмымъ, что въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, какъ извѣстно, сообщаетъ гласнымъ долгое произношеніе. Причина перестановки плавнаго равнымъ образомъ неясна; о ней можно сказать только то, что она нерѣдка въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ, такъ что ничего страннаго и необычнаго въ ней не заключается. Во всякомъ случаѣ отрицать существованіе перестановки невозможно: предположеніе о происхожденіи *pa* въ *брада*, *рѣ* въ *бръгъ* и т. п. изъ *āra*, *ērē* (*бāрада*, *бёрэгъ*) не можетъ имѣть мѣста въ виду отсутствія *pa*, *рѣ* въ словахъ въ родѣ *береть* (3 л. ед.), *зелень*, *-половити*, *скорость*, *целесь* и т. п. Русскія полногласныя формы, на которыя одни могло бы опереться это предположеніе, повидимому, испытали перестановку плавнаго; на это указываетъ, между прочимъ, удареніе, которое, находясь въ литовскихъ словахъ на гласномъ передъ плавнымъ, въ русскихъ обыкновенно стоитъ на гласномъ послѣ плавнаго: лит. *vāgnā* — русск. *ворона*, лит. *kāgvė*—русск. *корова*, лит. *bėgžas*—русск. *береза*.

Время, къ которому относится удлиненіе *ā* и *e* можетъ быть опредѣлено приблизительно. Это—та эпоха жизни общеславянскаго языка, когда славянское *o* изъ *ā* еще не успѣло развиться, вслѣдствіе чего удлиненіе его дало *ā*, а не *ō*. Несомнѣнно, усвоеніе долготы звуками *ā* и *e* съ одной стороны и перестановка плавнаго съ другой—явленія, совершившіяся въ разное время; по крайней мѣрѣ слова въ родѣ ц.-слав. *алнии*, *алдии*, *алкати*, по нашему мнѣнію, указываютъ на то, что долгота *a* существовала раньше, чѣмъ образовались слова *ладии*, *лании*, *лакати*.

Удлиненіе *ā* и *e* наблюдается нами въ церковно-славянскомъ языкѣ (какъ и въ другихъ съ нимъ сходныхъ) не вездѣ, гдѣ мы его ожидали бы. Церковно-славянскій языкъ имѣетъ слѣдующія слова безъ удлиненія *ā* и *e*: *робъ* (Супр. рук., средне-болг. Ев. Григоровича XII в. 7; сравн. сербск. *роб*, чешск. *roba*; рядомъ: *рабъ*), *розъ* (Супр. р., Син. Пс. 24; сравн. чешск. *roz-*; рядомъ: *рз-*), *розвѣ* (Супр. р., др.-русск. Слово Ипполита объ Антихр.; рядомъ: *развѣ*), *сребро* (не сѣребро или сѣребро: древне-русскія нотныя книги имѣютъ это слово

безъ *z*, *z*; сравн. чешск. *střbrgo*, съ *í* изъ *ň*, др.-русск. сръбро, се-ребро), *золото* (Син. Пс. 150, вѣроятно = *золото*, не *золото*; сравни *z* въ *алкати* и др., находящійся въ церковно-славянскихъ памятникахъ, но отсутствующій въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ).

На оборотъ, въ языкахъ, вообще не знающихъ удлиненія *ā* и *e*, есть нѣкоторое количество словъ съ удлиненіемъ. Таковы, между прочимъ, въ польскомъ языкѣ: *władać*, *władza*, *właść* (при *włość*, *włodarz*; сравн. ц.-сл. власть, русск. *волость*), *łabędź*, при чешск. *labut'* (сравн. русск. *лебедь*; корень тотъ же, что въ греч. ἀλφ-ίς, лат. *alb-us*), *łaczny*, при чешск. *lačný*, русск. *лакомый*, *łani*, при чешск. *laní*, русск. *лань* (сравн. ц.-сл. *ални*), *radło*, при чешск. *radlo*, русск. *рало* (срв. слав. *ор-ати* и лит. *ar-klas*), *gataj*, при чешск. *gataj*, русск. *ратай* (сравн. лит. *artojis*), *gamie*, при чешск. *gamě*, *gameno* (сравн. лат. *agmus*, готск. *agms*). Таковы также нѣкоторые глаголы съ длительнымъ отгѣнкомъ въ значеніи: *blagać*, *-braniać*, *wgasać*, *ob-gastać*. Послѣдніе, если они не новообразованія, какъ русск. *поворачивать*, *выволакивать* (сравн. *выхлопатывать*, *заподозривать*), имѣютъ *ra* едва ли не изъ до-славянскаго *ar*.

Должно замѣтить, что церковно-славянскому языку не чуждо то странное измѣненіе обще-славянской группы: *ш* и *п* я *щ* и *й* согласный + *ел* + согласный, въ группу: *шипящій* + *ла* + согласный, которое наблюдается въ чешскомъ языкѣ (а изрѣдка и въ сербскомъ) и которому соответствуетъ измѣненіе *sl* въ польскомъ языкѣ — въ *ło*, въ русскомъ — въ *сло*. Мы находимъ въ Супрасльской рукописи глаголь *жладж*, рядомъ съ болѣе обычнымъ *жмдж* и съ стар. русск. *желедьба*, гдѣ корень *жлад-* восходитъ къ до-слав. *geld-*. Сравни ц.-слав. *жмѣь*, сербск. *жмѣьб* и чешск. *žlab* (при *žleb*), польск. *żlob*, русск. *жолобъ* изъ *желобъ*; ц.-слав. *жмза*, сербск. *жмѣьзда*, русск. *железа* и чешск. *žláza* (при *žleza*); ц.-слав. *чмнь* (перешедшее въ русскій языкъ) и ср.-болг. *чланъ* (Сборникъ 1345 г. 22 об.), сербск. *члан*, чешск. *član*, пол. *członek*; ц.-слав. *шмьт* и ст.-польск. *szłom*, русск. *шеломъ*. Кажется, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ обще-славянскимъ переходомъ *ň* въ *ā* (или, для польскаго и русскаго яз., — *e* въ *ā*), совершившимся въ нѣсколькихъ случаяхъ уже послѣ перестановки плавнаго, подъ вліяніемъ твердаго *л*. Во всякомъ случаѣ до перестановки плавнаго, въ ту эпоху жизни обще-славянскаго языка, когда гортанные еще не перешли въ шипящіе, всѣ приве-

денныя слова имѣли послѣ гортанныхъ и передъ плавнымъ или *ѣ* изъ *ѣ*, или *ѣ*, но не *а* и не *о*; въ противномъ случаѣ смягченіе гортанныхъ не можетъ имѣть себѣ объясненія.

Кажется, въ церковно-славянскомъ языкѣ есть одинъ случай измѣненія обще-слав. группы: *шипящій + ел + согласный* въ группу: *шипящій + ло + согласный* (какъ въ польскомъ яз.). Это — слово *чловѣкъ* (и въ церк.-слав. памятникахъ, и въ др.-русскихъ нотныхъ книгахъ безъ *ь* послѣ *ч*), рядомъ съ которымъ мы имѣемъ въ сербскомъ — *чловѣкъ, въ чешскомъ *člověk*, въ польскомъ *człowiek* и въ русскомъ *человѣкъ*; срв. латышск. *ciļveks* *человѣкъ* (*ц* изъ *к*), слав. *чел-ядь*, *чело*.

Церковно-славянскій языкъ не имѣетъ ни одного достовѣрнаго случая измѣненія обще-слав. группы: *согласный и е шипящій + ел + согласный*, въ группу: *согласный + ла, ло + согласный*. Но это измѣненіе извѣстно другимъ славянскимъ языкамъ. Такъ, въ польскомъ мы имѣемъ: *młoko-s* (молокосось, *з* изъ *сзсз*) при *mleko*, ц.-сл. *млѣко*, рлова при ц.-сл. *плѣва*, *плѣвелъ*, рлон при пол. *plon* (изъ *plen*), ц.-сл. *плѣнь*, лит. *reinas*. Русскій языкъ здѣсь также, какъ и въ другихъ случаяхъ (гдѣ нѣкогда была группа *йл*), обладаетъ полногласіемъ, и древняя группа *ел* въ немъ является въ видѣ *оло*: *молоко*, *полова*, др.-р. *половелъ*, *полонъ*, *волоку* (ц.-сл. *вѣлкѣ*, лит. *velki*), *толочь* (ц.-сл. *тѣшти*) и др.

Измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ *ј* и мягкихъ согласныхъ. Согласный *ј* и разные мягкіе согласные, образовавшіеся безъ участія *ј*, находясь передъ гласными, произвели въ нихъ въ обще-славянскую эпоху цѣлый рядъ измѣненій.

Гласный *о*, имѣя передъ собою *ј*, перешелъ въ *е*, такъ что сочетаніе *јо* превратилось въ *је*, а затѣмъ въ церковно-славянское и др.-русское *ѣ*. Съ этимъ измѣненіемъ мы имѣемъ дѣло въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ им.-вин. ед. средн. р. въ родѣ *поле*, *полѣ* изъ *полјо* (сравн. *село*), твор. ед. женск. р. въ родѣ *душеж*, изъ *духјож* (сравн. *женож*), зват. ед. женск. р. въ родѣ *душе*, изъ *духјо* (сравн. *жено*), дат.-твор. дв. муж. и средн. р. въ родѣ *мѣжема*, *полема*, изъ *мѣјјома*, *полјома* (сравн. *вѣлкома*, *селома*), дат. мн. *мѣжемъ*, *полемъ*, изъ *мѣјјомъ* (сравн. *вѣлкома*, *селома*); въ формахъ мѣстоименій въ родѣ *ѣго*, *моѣго*, *ѣму*, *моѣму* и т. д., изъ *јого*,

мојого и т. д. (сравни того, одного и т. д.); въ формахъ причастіи въ родѣ даемъ, изъ даюмъ (сравн. беромъ); въ формахъ неопред. наклон. въ родѣ воювати, изъ војовати (сравн. куповати); въ небольшомъ количествѣ корней въ родѣ ѓмлж изъ јомж, режж изъ рјовж.

Гласный *з*, имѣя передъ собою *ј*, перешель въ *ъ*, т. е. *јз* превратилось въ *јъ*. Вѣроятно, во время этого превращенія *з* и *ъ* уже звучали какъ глухія *о* и *е*, и переходъ *јз* въ *јъ* находится въ связи съ переходомъ *јо* въ *је*. Его мы наблюдаемъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ имен.-вин. ед. муж. р. въ родѣ мжжъ, изъ мжгъз (сравн. вълкз), род. мн. въ родѣ мжжъ, полъ, душъ, изъ мжгъз, полъз, духъз (сравн. вълкъ, селъ, женъ) въ формахъ мѣстоименій въ родѣ вѣн-ъ (вин. ед. отъ *и*), изъ јз, въ корняхъ въ родѣ шжж, изъ сјжж, хјжж (обще-индо-европ. корень *sju-*), плъвати, изъ плъвати (обще-индо-европ. корень *рју-*) и другихъ, о которыхъ ниже.

Гласный *ы*, имѣя передъ собою *ј*, перешель въ *и*, т. е. сочетаніе *јы* превратилось въ *ји*, — въ формахъ твор. мн. муж.-ср. р. мжжи, поли, изъ мжгъы, полъы (сравн. вълкы, селы), и въ немногихъ корняхъ въ родѣ шити, изъ сјити, хјити, истъ, истина = *јист-*, изъ јист- (срв. лат. *jūs*, *justus*).

Гласный *н* изъ обще-индо-европ. *ai* (*āi*) передъ *ј* перешель въ *и*, т. е. *јн* превратилось въ *ји*. Конечно, этотъ переходъ совершился въ ту эпоху, когда *н* = *ē* уже образовалось изъ *ai*, но не слилось еще въ одинъ звукъ съ *н* изъ *ē* и оставалось закрытымъ *ē*, и когда уже явились шипящіе изъ гортанныхъ. Это *ји* мы находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ дат.-мѣстн. ед. женск. р. въ родѣ души, изъ душъ, духъ*āi* (сравн. женъ), мѣстн. ед. муж. и ср. р. въ родѣ мжжи, поли, изъ мжжъ, полъ, мжгъ*āi*, полъ*āi* (сравн. вълць, селъ), им.-вин. дв. женск. и средн. р. въ родѣ души, поли, изъ душъ, полъ, духъ*āi*, полъ*āi* (сравн. женъ, селъ), мѣстн. мн. муж.-ср. р. въ родѣ мжжихъ, полихъ, изъ мжжъхъ, полъхъ, мжгъ*āi*хъ, полъ*āi*хъ (сравн. вълцьхъ, селъхъ), въ формахъ мѣстоименій имь = *јимь* (тв. ед.), моимъ = *мојимъ*, ихъ = *јихъ*, моихъ = *мојихъ*, имъ = *јимъ* и т. д., изъ *јнь*, *мојнь* и т. д. (сравн. *тънь*, *тъхъ* и т. д.), въ формахъ повелит. наклон. даита, даите = *дајита*, *дајите*, изъ *дајьта*, *дајьте* (сравн. берьта, берьте), можетъ быть, въ некоторыхъ корняхъ: инъ (одинъ) = *јинъ*, изъ *јнь* (сравн. ст.-лат. *oidos*, лат. *ipus*, прусск. *aihs*).

Гласный *ъ*, безразлично, восходит ли онъ къ обще-индо-европ. *ī*, или, вмѣстѣ съ *у*, — къ о.-и.-евр. *י*, или произошелъ на славянской почвѣ изъ *e* или *z*, имѣя передъ собою *j* (но не мягкій согласный), перешелъ въ *и*, т. е. группа *јъ* стала звучать *ји*. Само собою разумѣется, это новое *и* по количеству звука первоначально отличалось отъ *и* изъ обще-индо-европ. *ī* или изъ *ъ*. Его мы, между прочимъ, находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ им.-вин ед. муж. р. въ родѣ *краи*, *обычаи*, *мои*, *велии* = *краји*, *обычаји*, *моји*, *велији*, изъ *крајъ*, *крајъ* *вельъ*, *вельъ* (сравн. им. ед. муж. р. прилагательныхъ санскр. -*ijas*, греч. -*ιος*, лат. -*ius*), род. мн въ родѣ *краи*, *сждъи*, *гостъи*, *костъи* — *раји*, *сждъји* и т. д., изъ *крајъ*, *крајъ*, *сждьъ*, *сждьъ* (сравн. нн вѣлск. *женъ*, греч. -*ων*, лат. -*iūm*), въ словахъ съ суффиксомъ -*ъскъ* въ родѣ *зълдъискъ* = *зълдъјискъ*, изъ *зълдъјскъ* (сравн. словѣн.-*ъскъ*), въ словахъ съ суффиксомъ -*нъ* въ родѣ *достоинъ* = *достојинъ*, изъ *достојнъ* (сравн. польск.-*ынъ*), въ словахъ съ суффиксомъ -*ство* въ родѣ *убиство* = *убијство*, изъ *убьство* (сравн. блажен.-*ство*), въ словахъ съ суффиксомъ -*ць* въ родѣ *прѣлюбдъиць* (Остр. Ев.; сравн. от.-*ыць*) и въ нѣкоторыхъ корняхъ: *и* (*мѣстоименіе*, им.-вин. п. ед. муж. р.) = *ји*, изъ *ъ*, *јъ* (сравн. вин. ед. вѣн.-*ъ*, а также санскр. *jas*, греч. *ῥς*), *иде*, *до-иде-же* Остр. Ев. 70 об., 290, С. Пс. 229, (*нарѣчіе*; сравн. *дон-ѣде*), *имж*, *имеши* и т. д. (сравн. вѣз.-*ѣмж*), *иго*, изъ *јго*, *јго* (сравн. санскр. *jigam*, лат. *jigum*), *има* (сравн. средне-болгарск. *ѣма*, прусск. *emens*), *из* (*предлогъ*), изъ *јъ* (сравн. лит. *įž*)

Гласный *ъ* изъ обще-индо-европ. *ē*, звучавшій въ обще-славянскую эпоху открыто *и*, слѣдовательно, близко къ *a*, — послѣ *j*, мягкихъ шипящихъ согласныхъ и группъ мягкихъ согласныхъ, развившихся изъ *zi* и *sk* безъ посредства *j*, перешелъ въ *a*, т. е. сочетаніе *јъ* превратилось въ *ја*. Это *ја* мы находимъ въ цѣломъ рядѣ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ именъ: съ суффиксомъ *ъи*: *обычаи* (сравн. стар. русск. собственные имена на -*ъи*, въ родѣ *Потъи*), съ суффиксомъ *ъль*: *печаль*, *скрижалъ*, изъ *печъль*, *пекъль* и т. д. (сравн. *гыбъль*, *кѣпъль*, *обитъль*, *добродѣтъль*) съ суффиксомъ *ънъ*: *рожанъ*, изъ *рожънъ*, *рогъвъ* (сравн. *дрѣвнънъ*); въ формахъ сравнительной степени въ родѣ *мъножайи*, изъ *мъножъи*, *мъножъи* (сравн. *добръи*; *широтъѣ*, *множъѣ*, *высочъѣ*, *гдъбочъи* и т. п. въ др.-русск. Словахъ Кирилла Иерусалимскаго XI—XII в., соврем.

русск. свѣжьѣ, ловчѣ и т. п. — новообразованія), въ формахъ неопред. и въ родѣ кричати, изъ кричѣти, крикѣти (срв. скърбѣти, хотѣти; соврем. русск. свѣжьѣть, хорошѣть и т. п. — повообразованія), наконецъ въ корняхъ словъ: ц.-сл. ямь, ц.-сл. и русск. ядъ, ясли (при ц.-слав. и др.-русск. ѣмь, др.-русск. ѣдъ Ап. 1220 г. 21; кор. ēd-), ц.-слав. яхати, ядж (при русск. ѣхать, ѣду, корень jē-; сравн. лит. jō-ti), ц.-слав. и русск. ядро (при нѣдра), ц.-слав. и русск. язва (при др.-р. ѣзва Свят. Сб. 1073 г. 51, Кормч. ок. 1282 г. 588, 590, Новгород. лѣтоп. XIV в.), ц.-слав. съ-жаг-ати, изъ жѣг-, гѣг- (при жег-ж), ц.-слав. и русск. жарь (при гор-ѣти), ц.-слав. и др.-р. жал-ѣти (при жел-ѣти, жел-ати), др.-р. чадъ (при кад-ити), ц.-слав. и др.-р. чась (при къс-нѣти), ц.-слав. и др.-р. чаша (сравн. кошъ), ц.-слав. шицаль, русск. пицаль (сравн. пискати), ц.-слав. можданъ (сравн. мозгъ).

Гласный ѣ, развившійся уже на обще-славянской почвѣ (въ род. ед., им.-вин. мн.), находясь послѣ j, не испыталъ измѣненія.

Переходъ группъ jo, jъ, jъ въ je, jъ, jи, повидимому, совершился въ одно и то же время; переходъ jъ въ jи и jъ въ ja могъ совершиться значительно позднѣе.

Кромѣ измѣненій o, z, ѣ, ѣ, ѣ подъ вліяніемъ j, обыкновенно говорятъ объ измѣненіи ж подъ тѣмъ же вліяніемъ въ а. Но нѣтъ никакого основанія думать, чтобы j продолжалъ оказывать свое дѣйствіе на качество слѣдующихъ за нимъ гласныхъ въ то время, когда въ обще-славянскомъ языкѣ уже образовались носовые гласные. По всей вѣроятности, произведенныя j измѣненія слѣдующихъ за нимъ гласныхъ закончились еще тогда, когда въ группѣ om, on существовали носовые согласные. Въ виду этого мы можемъ говорить не объ измѣненіи jж въ ja а объ переходѣ группъ jом, jом, съ ѓ и ѓ, въ jem, jen, съ ѣ и ѣ. Этотъ переходъ мы находимъ только въ четырехъ церковно-славянскихъ формахъ: въ им. ед. причастій наст. вр. муж. р. въ родѣ дам, ѣмла, изъ дѣjѣнс, дѣjѣнс, дѣjѣнс (сравн. лит. прич. на -as), въ вин. мн. муж. р. въ родѣ крам, мѣжа, изъ крѣjѣнс, крѣjѣнс, крѣjѣнс (сравн. vóμονς), и въ род. ед. и им.-вин. мн. женск. р. дупа, изъ духjѣнс, духjѣнс, духjѣнс. Вѣроятно, образование здѣсь je изъ jo и jo изъ ja зависѣло отъ того, что группы jам, jам находились почти въ исходѣ формъ и что за этими группами слѣдовалъ с. Оно можетъ быть въ тѣсной связи съ образованіемъ ѣ въ бѣры, вѣлки, жены.

Во всѣхъ остальныхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ во время перехода *jo, jō* въ *je, jē* звукъ *o* передъ носовымъ согласнымъ еще не развился, т. е. гдѣ сохранилось передъ носовымъ согласнымъ *ǎ, ā*, — измѣненія въ качествахъ *ǎ, ā* не послѣдовало и группы *jām, jā̄m* и т. п. сохранились. Послѣ, когда переходъ *jo* въ *je* уже закончился, эти группы образовали ютированный носовой гласный — предокъ церк.-слав. ѣ. Его мы находимъ въ церк.-слав. формахъ: вин. ед. женск. р. въ родѣ душѣ, душѣ, мѣшѣ, изъ духъѣм, твор. ед. въ родѣ женѣш, мѣнош, костьш, вѣроятнo, изъ -*jām*, 1 л. ед. ч. наст. вр. въ родѣ даш, изъ дѣ*jām*, 3 л. мн. ч. въ родѣ даштѣ, изъ -*jāntā*, въ причастіи наст. вр. въ родѣ дашшти (им. ед. женск. р.), дашшта (род. ед. муж. р.) изъ -*jānt-*, въ нѣсколькихъ церк.-славянскихъ словахъ какъ съ *j* органическимъ, древнимъ, такъ и съ неорганическимъ, возникшимъ на обще-славянской почвѣ, въ родѣ ѣду же (Остр. Ев.; корень *jā*, тотъ же, что въ мѣстоим. *и*; срв. *и*ду и т. п.), отъ*ѣдѣ* С. Тр. 98, 104, 119, С. Пс. 285, отъ*ѣн*ду С. Тр. 110 (др.-р. отъ*и*ду, соврем. р. от*и*удь), ж*трь*ѣду, в*ж*т*рь*ѣду С. Пс. 97, п*аж*ѣ (паучина въ др.-р. Златоструѣ XII в.), ѣза, ѣдоль, ѣтроба.

Согласный *j*, находясь *послѣ* гласныхъ, также произвелъ въ нихъ въ обще-славянскую эпоху нѣкоторыя измѣненія, которыя впрочемъ были необязательными, т. е. могли и совершиться, и не совершиться.

Гласный *z*, имѣя послѣ себя *j*, ассимилировался съ нимъ и перешелъ въ *ы*, которое, вѣроятнo, первоначально отличалось по количеству отъ *ы* изъ обще-индо-европ. *ū*. Это *ы* мы находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій, въ родѣ добрыи (им.-вин. ед.) = добры*и*, изъ добръ-*и*, добрыимъ, изъ добръ-*и*мъ, добрыхъ, изъ добръ-*и*хъ и т. д. (рядомъ: добръ-*и*, дръжавъ*и* Остр. Ев. 277 об., откуда ц.-сл. и русск. доброй; добръ-*и*мъ; добръ-*и*хъ и т. д.), въ нѣкоторыхъ глаголахъ въ родѣ крыш, мыш, изъ крь-*и*ж, мѣ-*и*ж (рядомъ: крьш, др.-русс. крью Миней 1097 г. 426, соврем. русск. крою, поведит. накл. о-*и*и С. Тр. 155, совр. р. мой), наконецъ, можетъ быть, въ сочетаніяхъ 1) глагольныхъ формъ 3 лица ед., 1 и 3 мн. наст. вр. и 2) предлоговъ-префиксовъ со слѣдующими словами, въ родѣ ц.-слав. ведетъ *и*, изъ ведетъ (3 л. ед.) *и* (вин. ед.), *в*и *и*ж,

Зогр. Ев., вы истинж Мар. Ев., кы Исусови Зогр. Ев., изъ въ инж (вин. ед.) и т. д. Впослѣдствіи, въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, *ы* изъ *ѣ* слилось съ слѣдующимъ *и* въ одинъ звукъ *ы*.

Гласный *ѣ*, имѣя послѣ себя *ј*, ассимилировался съ нимъ и перешелъ въ *и*, которое, вѣроятно, первоначально отличалось по количеству отъ *и* изъ обще-индо-европ. *ī*, *eī*. Это *и* мы находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ членныхъ именъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, въ родѣ ц.-слав. *рожди*, ц.-слав. и др.-русск. *сии* (им.-вин. ед.) = *рождији*, изъ *рождѣ-ји* (рядомъ: ц.-слав. *рождѣи*, *сьи*, откуда *рождеи*, русск. *сей*, сербск. *сај*); въ формахъ именъ существительныхъ и нечленныхъ прилагательныхъ съ окончаніями *-иц*, *-иц*, *-ицѣ*, въ родѣ *велии*, *змии*, *змиц*, *копие*, изъ *змѣји* (*змѣ-јѣ*, *змѣ-јѣ*), *змѣја*, *копѣје* (**копѣјо*; рядомъ: *змѣи*, род. *змѣѣ* С. Пс. 205, откуда ц.-слав. и русск. *змеи*, сербск. *змај*, съ *а* изъ *ѣ*; *змѣя*, откуда русск. *змея*; *копѣе*, откуда соврем. русск. *копѣе*; сравн. окончанія греч. *-ίος*, *-ία*, *-ίων*, лат. *-іus*, *-іа*, *-іum*); въ формахъ род. мн. въ родѣ *гости*, *кости*, *трии* *сѣдми*, изъ *гостѣји* (*гостѣјѣ*, *гостѣјѣ*, сравн. греч. *πόλι-ών*, лат. *av-ium*; рядомъ: ц.-сл. и русск. *гостѣи*, *костѣи*, *трѣи*, *сѣдѣи*, откуда *гостѣи*, *костѣи*, *трѣи*, *сѣдѣи*); въ формахъ 1 лица ед. наст. вр. при соединеніи ихъ съ вин. п. мѣстоименія *и*: ц.-слав. *дами* и, изъ *дамѣ* и (при древне-русск. *ведети* и, *ведяшети* и, *ведути* и, *ведяхути* и, 3 л. ед. и мн.; рядомъ ц.-слав. *дамѣ* и, др.-русск. *ведеть* и, и т. п.); въ формахъ глаголовъ въ родѣ *пѣж*, *бѣж*, *сѣяти*, изъ *пѣ-јѣ*, *бѣ-јѣ*, *сѣяти* (рядомъ: ц.-слав. *пѣж*, *бѣж*, русск. повелит. *пей*, *бей*; ц.-слав. *сѣяти* Кл. Сб. 9, малорусск. *ссяти* = **сѣяти*), а также въ производныхъ отъ вышеуказанныхъ именъ и глаголовъ, въ родѣ *змиинѣ*, *вино-пѣица*, *убиство* (сравн. въ Зогр. Ев. и въ др.-русск. Галицкомъ Ев. 1144 г., 34: *убиство*). Позже иногда *ы* изъ *ѣ* слилось съ послѣдующимъ *и* въ одинъ звукъ.

Переходъ ѣ въ и. Тотъ *ѣ*, который ведетъ свое начало изъ дифтонга *аі* и который развился изъ этого дифтонга уже на славянской почвѣ (вѣроятно, уже послѣ того, какъ исчезли въ обще-славянскомъ языкѣ конечные согласные), въ двухъ формахъ, находясь въ исходѣ ихъ, перешелъ въ *и*. Эти формы—1) имеп. мн. муж. р. *раби*, *вълци* и т. п. и 2) 2-го и 3-го л. ед. повел. *наклон*.

бери, рыци и т. п. Сравни съ первую изъ нихъ греч. λύκοι, лит. vilkaĩ, со второю -- греч. желательн. φέρεις, φέροι. Причина этого перехода совершенно неясна, такъ какъ въ другихъ, сходныхъ формахъ ъ изъ того же ай сохранился: мѣстн. ед. рабѣ, вѣлцѣ (сравн. греч. οἴκοι), повел. берите, рыцѣте (сравн. греч. φέροιτε). Кромѣ этихъ двухъ формъ, и, вѣроятно, изъ ъ,—находится въ формахъ 2 л. ед.: еси, даси (срв. греч. медіальныя ф. φέρε(σ)αι и т. п.) и въ частицѣ ци, рядомъ съ цѣ (сравн. греч. καί). Впрочемъ мы должны отмѣтить имен. мн. облацѣ, вразѣ С. Ис. 29, 201.

Есть мнѣніе, что въ раби, бери и образовалось непосредственно изъ дифтонга еі. Это мнѣніе не можетъ быть принято, въ виду и въ вѣлци, рыци, которое, какъ увидимъ ниже, могло явиться только передъ звукомъ ъ или и изъ ай и на мѣстѣ котораго мы имѣли бы ч, если бы и въ названныхъ формахъ произошло изъ еі.

Обще-славянское и въ двухъ формахъ им. ед. ц.-сл. и др.-р. мати и ц.-слав. дѣшти, др.-р. дѣчи, на мѣстѣ ъ изъ ē (сравн. лит. motė, duktė), не имѣетъ никакого отношенія къ переходу ъ въ и. Оно перешло въ эти формы изъ довольно многочисленныхъ формъ им. ед. женск. р. на и, въ родѣ пустыни, давѣши, больши.

Отжествленіе двухъ ъ. Какъ мы видѣли, ъ изъ ē и ъ изъ ай имѣли въ обще-славянскую эпоху различную судьбу: j+ъ изъ ē дало jā, j+ъ изъ ай дало ju; слѣдовательно, они были различными звуками. Но въ концѣ обще-славянской эпохи они слились въ одинъ звукъ. Въ однихъ говорахъ обще-славянскаго языка—именно въ предкахъ церковно-славянскаго съ ново-болгарскимъ и польскаго, этотъ звукъ былъ ē открытое, близкое къ а (откуда переходъ его въ а); въ другихъ, напротивъ, онъ былъ ē закрытое, близкое къ и (откуда переходъ его въ и въ русскомъ-новгородскомъ, сербскомъ, чешскомъ). Отдѣльные славянскіе языки въ своей исторіи уже не знаютъ различія между ъ изъ ē и ъ изъ ай: судьба того и другаго въ нихъ постоянно одинакова.

Тотъ ъ, который образовался на обще-славянской почвѣ (въ бръгъ и т. п., въ формахъ род. ед., им.-вин. мн., въ нѣсмь) и который первоначально отличался отъ ъ изъ ē и отъ ъ изъ ай, съ теченіемъ времени также слился съ ними.

Стяженіе гласныхъ. Случаи стяженія гласныхъ въ обще-славянскомъ языкѣ были немногочисленны; они должны относиться къ позднѣйшей эпохѣ его существованія.

Это—стяженіе группы *eje*, черезъ *ee*, въ *ъ*, т. е. въ *ѣ*: ц.-сл. и др.-р. *нѣсмь* (1 л. ед.), *нѣсте*, изъ *не ѣсмь*, *не есмь*; соврем. русск. *нѣ-тъ*. Въ другихъ случаяхъ группа *eje* сохранилась.

Далѣе,—стяженіе группы *ъje* (съ неудараемымъ *e*) въ одинъ долгій гласный, происшедшее послѣ выпаденія *j* (срв. въ Остр. Ев. небеснѣемъ и т. п.) и взаимной ассимиляціи *ъ* и *e*. Въ трехъ примѣрахъ его, находимыхъ нами въ церк.-славянскихъ памятникахъ, этотъ гласный—*o*, въ сербскомъ и русскомъ языкахъ также—*o*, въ главныхъ западно-славянскихъ языкахъ—*e*: церк.-слав. живого (Савв. Ев. 41), изъ живѣ-юго, сербск. живога, русск. живого, чешск. *dobrého*, польск. *dobrego*; ц.-слав. небеснѣному (Син. Тр. 86); святому (Л. Унд.), изъ сватѣ-нѣму, ср.-болг. святому, сербск. светому, русск. святому, чешск. *svatému*, польск. *świątemu*. Это стяженіе въ надежныхъ формахъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій членныхъ въ обще-славянскую эпоху было обязательно; по крайней мѣрѣ группа *ъje* не встрѣчается въ нихъ ни въ церковно-славянскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ. Въ другихъ образованіяхъ (въ формѣ, напримѣръ, 2 л. мн. ч. *крѣете* = русск. *кроете*, вѣроятно, вслѣдствіе вліянія формъ 1 л. ед. и 3 л. мн. (*крѣж*, *крѣжтъ*), стяженіе же неизвѣстно.

Кстати замѣтить, что группа *oje* въ обще-славянскую эпоху нигдѣ не подверглась стяженію.

Стяженіе группы *ъje* въ *e* не имѣетъ себѣ примѣровъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ, но о существованіи его въ церковно-славянскомъ языкѣ можно говорить на основаніи существованія стяженія *ъje* въ *o*. Оно извѣстно въ средне-болгарскомъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ: ср.-болг. *синѣму*, сербск. *синѣму*, русск. *синѣму*, чешск. *siněmu* и т. д. Это стяженіе въ обще-славянскихъ надежныхъ формахъ прилагательныхъ и мѣстоименій членныхъ должно было быть обязательнымъ. Въ другихъ образованіяхъ (въ формѣ *быете* и т. п.) оно неизвѣстно.

Сверхъ того, вѣроятно, въ обще-славянскомъ языкѣ произошло стяженіе трехъ гласныхъ въ два, наблюдаемое въ формахъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій членныхъ, именно стяженіе:

группъ *ыјеѣ*, *дјеѣ* въ *ыѣ*, *дѣ* въ формахъ род. ед. женск. р.: ц.-сл. добрыѣ, доблыѣ, др.-р. добрыѣ;

группъ *ѣји*, *ији* въ *ѣи*, *и* въ формахъ дат.-мѣстн. ед. женск. р.: ц.-сл. и др.-р. добрыи, ц.-сл. доблыи;

группы *ѣю* въ *ю* въ формахъ род.-мѣстн. дв.: ц.-сл. добрую.

Во всякомъ случаѣ формы въ родѣ добрыѣмъ, добрыѣи, добруюю до насъ не дошли.

Количество обще-славянскихъ гласныхъ. Различіе между гласными по количеству, повидимому, сохранялось въ теченіе всего обще-славянскаго періода. Въ обще-славянскомъ языкѣ въ послѣднее время его существованія должны были быть: 1) гласные болѣе долгіе, образовавшіеся на обще-славянской почвѣ путемъ стяженія; 2) гласные менѣе долгіе — потомки обще-индо-европейскихъ гласныхъ долгихъ; 3) гласные краткіе — производные обще-индо-европейскихъ гласныхъ краткихъ, и 4) гласные очень краткіе — неударяемые *ъ* и *ь* и происшедшія изъ нихъ *ы* и *и*. Относительно долготы первыхъ — болѣе долгихъ — гласныхъ падо сказать, что они сохранили до нашего времени свою долготу въ тѣхъ славянскихъ языкахъ, которые еще имѣютъ долгіе гласные, — въ сербскомъ, въ чешскомъ. Что до вторыхъ — менѣе долгихъ — гласныхъ, то изъ нихъ одинъ несомнѣнно сохранялъ пѣкоторое время свою долготу въ разныхъ славянскихъ языкахъ; это — *ы*, который былъ долготъ въ древне-русскомъ (какъ показываютъ, между прочимъ, его современные производныя — малорусскіе дифтонги въ родѣ *іе*, *іѣ*) и, вѣроятно, въ древне-сербскомъ языкѣ. Сохраненіе этимъ звукомъ долготы (долѣе, чѣмъ другими долгими гласными), быть можетъ, находится въ связи съ сравнительно позднимъ образованіемъ *ь* изъ дифтонга *аі*. Впрочемъ менѣе долгіе гласные едва ли особенно рѣзко отличались отъ просто краткихъ гласныхъ. Наконецъ, относительно сравнительно значительной краткости четвертыхъ гласныхъ можно сказать, что она перешла изъ обще-славянскаго языка въ отдѣльные славянскіе языки и въ этихъ послѣднихъ (во всѣхъ безъ исключенія) привела къ одному и тому же результату — къ исчезновенію большей части этихъ гласныхъ (*ъ*, *ь*, *и*).

2. С о г л а с н ы е.

Переходъ с въ х. Обще-славянское *с* изъ обще-индо-европ. *z* (а также изъ до-славянск. *ts* и обще-славянскаго *ks*) во многихъ случаяхъ перешло въ *х*.

Этотъ переходъ особенно часто имѣлъ мѣсто въ серединѣ словъ между двумя гласными (кромѣ юсовъ): ц.-сл. и русск. *духъ*, изъ *дусъ* (сравн. лит. *dausas*); ц.-сл. и др.-р. *въз-дѣхъ*, изъ *дѣсъ* (сравн. лит. *duzas* вздохъ); *снѣга*, изъ *снѣса* (сравн. санскр. *snūṣa* сноха, лат. *pinus*, *r* изъ *s*); *ветѣхъ* (сравн. лат. *vetus veteris*, съ *r* изъ *s*, лит. *vėtušas* старый); *быхъ*, 1 л. ед. аор. (сравн. греческ. ἔλυσα и т. п.); *рѣхъ*, 1 л. ед. аор., изъ *рѣк-съ* (сравн. греч. ἔδειξα); *вълцѣхъ*, мѣстн. мн. (сравн. санскр. *vṛkēṣu*, мѣстн. мн.); *мышь*, изъ *мыль*, *мышь* (сравн. лат. *mūs mūris*, изъ *mūsis*). Но онъ не былъ обязательнымъ, и въ цѣломъ рядѣ словъ обще-слав. *с* между двумя гласными сохранило свой древнiй звукъ: *нось* (сравн. лат. *nares*, *r* изъ *s*); *роса* (сравн. лит. *gasa* роса); *по-ясъ* (сравн. лит. *jūsti* опоясывать), *бѣсъ* (сравн. лит. *baisus* страшный), *небесе*, род. ед. (сравн. греч. *νέφεος* изъ *νέφεσος*).

Далѣе, *х* изъ *с* нерѣдко въ началѣ словъ, какъ передъ гласными, такъ и передъ согласными (особенно передъ губными *θ*): ц.-слав. *хытити*, *худъ*, *хулити*, *хватати*, *хвратіе*, *хромъ*—*храмльж* (сравн. санскр. *grāmas* хромой), *шесть*, изъ *хестъ* (сравн. лат. *sex*). Но столь же нерѣдко или даже болѣе часто здѣсь и старое *с*: *снѣъ*, *соль*, *сѣма*, *сѣсти*, *себѣ*, *са*, *свои*, *свинья*; а передъ *т*, *п* мы его видимъ даже постоянно: *стати*, *стыдъ*, *страна*, *стелж*, *спѣти*. Есть слова, гдѣ является то *х*, то *с*: ц.-слав. и русск. *шгати* (*ш* изъ *х*) и *сгати*, ц.-сл. *шьреть* и *сьреть*, ц.-сл. и др.-р. *шара* (краска, изъ *хѣра*) и *сѣра*, русск. *змуръ* и *смуръ*. Сравни русск. *трягати*, *трях-нуть* при трясѣ, *трусати* при трусѣ и т. п.

Наконецъ есть небольшое количество словъ, гдѣ *х* находится между согласнымъ (или юсомъ) и гласнымъ или между гласнымъ (даже юсомъ) и согласнымъ въ серединѣ словъ: *върхъ*, *прахъ* (изъ *нѣрхъ*), *брашьно* (изъ *бѣрхъно*), *благо-жати*, *рухло*, *драхль* (при *драсель*), *-дѣхнати*, *глѣхнати* и т. п. Въ послѣднихъ словахъ при-

существо *x* можетъ быть объяснено влияніемъ на нихъ другихъ, родственныхъ съ ними словъ: сравни дѣлѣти и дѣлѣ, -дѣлѣ, глѣлѣти и глѣлѣ. Слово вѣлѣтъ (ц.-сл. и русск.) имѣетъ *x* между двумя согласными; оно, быть можетъ, принадлежитъ къ числу заимствованныхъ словъ.— Но обыкновенно *s* между согласнымъ и гласнымъ или между гласнымъ и согласнымъ сохраняется, хотя бы согласный вошелъ въ составъ *ж*, а или исчезъ: гѣжъ, изъ гѣнсъ (ср. лит. *gąsis*), жѣтъ, изъ жем-съ (1 л. ед. аор.); оса, изъ опса (лит. *varpa*) и т. п.

Быть можетъ, обще-слав. *s* изъ обще-индо-европ. *k* небнаго также кое-гдѣ перешло въ *x*; но мы не въ состояніи представить достовѣрныхъ примѣровъ этого перехода изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка. Русск. прохаты при ц.-слав. просити (сравн. лат. *prosecor* и др) и т. п, по нашему мнѣнію, могутъ быть новообразованіями (сравн. русск. тряхать при трысу и т. п.).

Трудно сомнѣваться въ томъ, что переходъ *s* въ *x* принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ обще-славянскихъ измѣненій въ области согласныхъ: онъ совершился ранѣе того времени, когда начались измѣненія согласныхъ подъ влияніемъ мягкихъ гласныхъ или *j* (такъ называемыя смягченія).

Кромѣ *x* изъ *s*, въ обще-славянскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ нѣмецкаго происхожденія, гдѣ *x* = готск. *h*: хлѣбъ = готск. *hlaihs*, хлѣвина, хлѣвъ = готск. *hlaiws*.

Первое смягченіе гортанныхъ. Гортанные согласные подверглись въ обще-славянскомъ языкѣ такъ называемому смягченію и перешли ? — въ мягкое *ж*, *k* — въ мягкое *ч*, *x* — въ мягкое *ш*, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ одинъ изъ мягкихъ гласныхъ: *e*, *i*, *ь*, *ь* изъ обще-индо-европ. *ē*, *yo* изъ обще-индо-европ. *ei*, *a* (если опъ уже существовалъ) или согласный *j*; при этомъ *j* слился съ *ж*, *ч*, *ш*. Напримѣръ: ц.-слав. и др.-русск. жена (изъ *ge-na*, сравн. прусск. *gana*), живѣ (сравн. лит. *gīvas*), жьнѣж, жати (сравн. лит. *gīnu, gīnti*), жарѣ, жарѣ (изъ *жѣръ, гѣръ*, сравн. гор.-ж.), жюж (сравн. греч. *γέυ-ζυγι*), кожа, кожа (изъ *која*, срв. р. *ког-отъ*); вѣлче (зват. ед.; сравн. лит. *vilke*, зв.), чьсть (срв. лит. *kīstas*), -чьнѣ-чати (сравн. кон-), чюдо (сравн. др.-русск. *кудо*, греч. *κεῖθος*), тѣча (изъ *тѣча*); душе (зв. отъ *духъ*), крушити (сравн. *крѣха*), слышати (изъ — *хѣти*), душа, душа (изъ *духја*).

Время, когда совершилось смягченіе гортанныхъ въ мягкія *ж, ч, ш*, можно опредѣлять относительно. Оно принадлежитъ той эпохѣ жизни обще-славянскаго языка, когда дифтонгъ *ai* еще не перешелъ въ *ѣ* и былъ твердымъ звукомъ, неспособнымъ быть причиною смягченія. Вслѣдствіе этого слова съ *ъ* или *и* изъ дифтонга *ai* не знаютъ смягченія гортанныхъ въ шипящіе.

Процессъ, которымъ *г* измѣнилось въ *ж, к* — въ *ч, х* — въ *ш*, трудно опредѣлять. Несомнѣнно, въ числѣ промежуточныхъ звеньевъ между *г* и *ж* не было ни *дж*, ни мягкаго *д*, хотя и было *дж* (съ мягкимъ *д*), подобно тому какъ между *к* и *ч* было *тш* (съ мягкимъ *т*), откуда, черезъ слияніе согласныхъ, — *ч*. Это *дж* измѣнилось въ *ж*, т. е. ассимилировало свою первую часть со второю, еще въ обще-славянскую эпоху, и изъ обще-славянскаго языка не перешло въ отдѣльные славянскіе языки (малорусское *дж* вмѣсто *ж* въ *джерело* и др. и ново-болгарско-македонское *дж* въ *мънджъ* = *мжжъ* и др., — вѣроятно, новообразованія).

Гортанные передъ перечисленными выше гласными смягчились всѣ безъ исключеній (*к* передъ *ь* въ др.-русск. *скърбъ*, *скербъ* и передъ *е, ѣ* въ др.-русск. *скепати*, *скъпати*). Слово о полку игоревѣ и т. п. можно считать перешедшимъ въ эти слова изъ родственныхъ словъ въ родѣ *скърбъ*, *скопити* и т. п., гдѣ *к* не должно было смягчиться). Разумѣется, они смягчились и въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *к* и *х* находилось *с*, а передъ *г* — *з*; при этомъ *с* и *з* подверглись ассимиляціи съ звуками, происшедшими изъ *к* и *г*, и въ свою очередь оказали на нихъ нѣкоторое вліяніе.

Группа *ск* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *шч*, откуда съ одной стороны, черезъ переходъ *ч* въ мягкое *т*, церк.-слав., сербск., отчасти чешск. *шт* (съ мягкимъ *т*), съ другой, при сохраненіи *ч*, — др.-русск., словинск., польск., лужицк. (отчасти чешск. и ново-болг.) *шч* или *шц*; такимъ образомъ получилось: изъ *искетъ* (сравн. *искж*, 1 л. ед.) — ц.-слав. *иштеть*; изъ *скадити* (или *скендити*, сравн. *скаждъ*) — ц.-слав. *штадити*, др.-русск. *шадити*; изъ *пискъль* (сравн. *пискати*) — ц.-слав. *пишталь*, др.-русск. *пищаль*; изъ *попрыскје*, *попрыскјо* (сравн. суффиксъ въ польск. *ognisko*) — ц.-слав. *попрыште*, др.-русск. *попрыще*, и т. п. Это измѣненіе было испытано группою *ск* и въ томъ случаѣ, когда ея первый звукъ (изъ *з*) принадлежалъ предлогу-префиксу, а вторымъ начиналось имя или

Группа *сх* была известна въ обще-славянскомъ языкѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда *с* (изъ *з*) принадлежало предлогу-префиксу, а *х* — имени или глаголу. Въ большинствѣ случаевъ она дала *ш*; такимъ образомъ изъ бес-*хюма* (сравн. *шюмъ*) въ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ и въ древне-русскомъ и въ другихъ славянскихъ, получилось бе-*шюма*, изъ ис-*хъдъ* (сравн. *шьдъ*) — *ишьдъ*, изъ рас-*хирити* — *раширити* и т. п. Въ меньшинствѣ случаевъ на мѣстѣ *сх* мы видимъ *ш*: *ишьдъше* Остр. Ев. 99. Это *ш* изрѣдка встрѣчается изъ древнихъ памятниковъ только въ русскихъ и едва ли не принадлежить къ числу позднѣйшихъ явленій, какъ и *сч* изъ *ск*.

Не излишне замѣтить, что переходъ гортанныхъ въ шипящiе въ нѣсколькихъ случаяхъ совершился въ обще-славянскомъ языкѣ даже тогда, когда гортанный не находился непосредственно передъ мягкимъ гласнымъ или *ј*, а былъ отдѣленъ отъ него согласнымъ *в*: въливне (зв. отъ *вълъвъ*), въливнениѣ, въливъба (др.-р. Кормчая XII в. Син. Б. № 227, л. 59 об.), *ливъвникъ* (др.-р. Пандекты Антіоха XI в. 25), *ливъвнъ* (*ibid.* 30; сравн. *ливъа*). Здѣсь роль мягкаго гласнаго сыграло мягкое *в*.

Второе смягченіе гортанныхъ. Тѣ же *г, к, х*, которыя смягчились въ *ж, ч, ш*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ смягчились въ мягкія *дз* (*з*, откуда *з*), *ц, с*. Это второе смягченіе гортанныхъ было двухъ видовъ и произошло 1) подъ вліяніемъ послѣдующихъ мягкихъ гласныхъ и 2) подъ вліяніемъ предъидущихъ мягкихъ гласныхъ.

Смягченіе 1-го вида имѣло мѣсто передъ *н* изъ дифтонга *ai* и передъ *и*, развившимся изъ этого *н* (если это *и* успѣло уже развиться): *вразѣ* (мѣстн. ед., сравн. греч. *οἶχοι*) *нозѣ* (дат.-мѣстн. ед.; срв. греч. *χαμαί*), *зѣлъ* (сравн. лит. *gailus* жесткій), *жъѣте*, *жъи* (повелит. н. отъ *жеж*; сравн. греч. *φέραιτε, φέροις*), *врази* (им. мн., сравн. греч. *οἶχοι*, лит. *vilkai*), *вълиѣ* (мѣстн. ед.), *ржиѣ* (дат.-мѣстн. ед.), *цѣпа* (сравн. лит. *kaina*), *ръѣте*, *ръи* (отъ *реж*), *дусѣ* (мѣстн. ед.), *дуси* (им. мн.). Сверхъ того, смягченіе *к* въ *ч* 1-го вида произошло въ одномъ словѣ передъ *л*. Это — ц.-слав. *цата*, др.-р. *цята*, которое есть не что иное, какъ готск. *kintus*, измѣнившееся въ звукахъ на обще-славянской почвѣ.

Это смягченіе имѣло мѣсто въ обще-славянскую эпоху уже послѣ того, какъ закончилось смягченіе гортанныхъ въ шипящiе, тогда,

когда изъ дифтонга *ai* образовалось *ē* и нѣмецкая семья языковъ стала оказывать вліяніе на славянскую.

Процессъ, которымъ *i* измѣнилось въ *dz*, *κ* — въ *ц*, *χ* — въ *с*, трудно опредѣлить. Несомнѣнно, въ числѣ промежуточныхъ звеньевъ между *i* и *dz* не было ни *dj*, ни мягкаго *d*. Звукъ *dz*, вѣроятно, сохранился въ обще-славянскомъ языкѣ до конца его самостоятельнаго существованія, и изъ него перешелъ въ отдѣльные славянскіе языки, изъ которыхъ въ однихъ (въ польскомъ, отчасти церковно-славянскомъ и ново-болгарскомъ) онъ сохранился, въ другихъ (въ русскомъ, сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ, отчасти въ церковно-славянскомъ и ново-болгарскомъ) утратилъ *d* и превратился въ *z*: русск. ворозѣ, нозѣ, зѣло, жьзѣте, жьзи, ворози.

Гортанные передъ *н* и *и* изъ *ai* смягчились, между прочимъ, и тогда, какъ передъ *κ* находилось *с*, а передъ *i* — *z*; при этомъ *с* и *z* оказали нѣкоторое вліяніе на звуки, получившіеся изъ гортанныхъ.

Группа *ск* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *си* (съ мягкими *с* и *и*), откуда съ одной стороны, черезъ переходъ *и* въ мягкое *т*, — обще-слав. мягкія *ст*, съ другой — обще-слав. мягкія *си*: ц.-слав. и др.-р. *стѣнь* (вѣроятно, изъ *скѣнь*; сравн. *схiа*); *дѣстѣ* и *дѣсцѣ* (отъ *дѣска*); *людѣсти* и *людѣси* (отъ *людѣскъ*, им. мн.). Большая часть церковно-славянскихъ памятниковъ имѣетъ въ окончаніяхъ надежныхъ формъ (не въ корняхъ) и *ст*, и *си*; меньшая — только *си* (Савв. Ев., Син. Тр., Кл. Сб.). Переходъ группы *ск* въ *си* (часто) и *ст* (рѣдко) совершился и въ тѣхъ случаяхъ, когда *с* (изъ *z*) принадлежало предлогу-префіксу, а *κ* — имени или глаголу: ц.-слав. и др.-р. *ис-цѣлити* (Мар. Ев.) и ц.-слав. *ис-тѣлити* (Супрасл. руки. 86 и др.; Син. Пс. 80). Рядомъ, очень часто (въ Син. Требникѣ постоянно): ц.-слав. и др.-р. *и-цѣлити* (напр. Савв. Ев. 15, 23), *и-цѣркѣве* (напр. Остр. Ев. 9) и т. п.

Группа *зи* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *зди* (*z* и *d* мягкія), откуда съ одной стороны обще-слав. *зд* (*z* и *d* мягкія): ц.-слав. *дрзѣдѣ* (дат.-мѣстн. отъ *дрзѣа*, Супр. р. 9), — съ другой обще-слав. *дрзѣдѣ*, др.-р. *дрзѣдѣ*. Форма съ *зс* не засвидѣтельствована памятниками.

Кромѣ перехода *i*, *κ*, *χ* въ *с* (*z*), *и*, *с* непосредственно передъ *н* и *и*, мы знаемъ нѣсколько случаевъ, гдѣ этотъ переходъ совершился передъ *в* съ послѣдующимъ *н*, *и* и вообще мягкимъ глас-

нѣмъ. Это: вѣлси (им. мн. отъ вѣлтъвѣ); церк.-слав. звѣзда, звѣзда, сербск., слов., русск. звѣзда (сравн. польск. gwiazda, чешск. и луж. hvězda); ц.-слав. *звиздати, звиздати (позвиздѣтъ др.-р. Пандекты Антіоха XI в. 84 об., звизданіе Лѣствица XII в. Рум. М. 206 об.), словинск. zvizdati, русск. звизнуть (польск. gwizdać, чешск. hvizdati); ц.-слав. и др.-р. цвѣлѣти (польск. kwiecić, чешск. kvělití, в.-русск. квелить, квелкой, малор. квілити); ц.-слав., сербск., русск. цвѣтъ (сравн. польск. kwiat, чешск. květ, малор. квітъ, квітка); ц.-сл. и др.-р. цвѣтъ, цвѣль, цвѣсти (сравн. польск. kwęć, чеш. květu, изъ květu, kvísti). Сравни ц.-сл. и др.-р. скъврѣна. Не подлежитъ сомнѣнію, что *с*, *z*, *ц* въ приведенныхъ словахъ развились на обще-славянской почвѣ, но изъ нихъ *z* и *ц* были усвоены только частью говоровъ обще-славянскаго языка, другая часть которыхъ (по преимуществу предки современныхъ западно-славянскихъ языковъ) сохранила древнія *z* и *к*.

Смягченіе гортанныхъ 2-го вида произошло передъ твердыми гласными, повидимому, вслѣдствіе вліянія на гортанные находившихся впереди ихъ мягкихъ гласныхъ, особенно *ь* и *и*. Сперва оно состояло въ томъ, что *z*, *к*, *х*, имѣя передъ собою мягкіе гласные, въ известныхъ случаяхъ получили мягкое произношеніе, т. е. изъ гортанныхъ превратились въ небные и стали звучать *z* — какъ *z* мягкое (въ *zя*), *к* — какъ *к* мягкое (въ *кя*), *х* — какъ *х* мягкое (въ *хя*). Такимъ образомъ прежде всего произошло то явленіе, которое нерѣдко въ современныхъ славянскихъ языкахъ: великор. чайкю, копѣйкя, на верьхю, ново-болгарск. банькя, свинькя (Периодич. Списан. XIX—XX, 150—151) језикъ, језикя (Arch. f. sl. Ph., IV, 694) и т. п. Потомъ неорганическое смягченіе гортанныхъ закончилось тѣмъ, что неорганически смягчившіяся *z*, *к*, *х* перешли, какъ и *z*, *к*, *х* передъ *ь* и *и* изъ дифтонга, — въ мягкія *dz* (*z*, *z*), *ц*, *с*.

Такимъ образомъ обще-слав. польза (сравни лы-тъть, соврем. русск. польза) сначала, повидимому, подъ вліяніемъ *ь* передъ *z*, перешло въ пользя, потомъ дало польза, откуда ц.-слав. польза, польза; обще-слав. вѣнькъ сначала дало вѣнькъ (*z* послѣ мягкаго *к* перешло въ *ь*), потомъ вѣньць; обще-слав. смизатиса сначала перешло въ смизятиса, потомъ въ смисятиса, смисатиса.

Случай, въ которыхъ имѣло мѣсто неорганическое смягченіе гортанныхъ, довольно многочисленны. Это—

1) слова, перешедшія въ славянскій языкъ изъ нѣмецкаго, съ

окончаниемъ -дз (= нѣмецк. -ing-): *кѣндз (готск. *kuningas), *гѣндз (нѣмецк. pfening), *кѣлдз (готск. *kaldings), откуда ц.-слав. кѣндзъ, гѣндзъ, кладзъ;

2) глаголы съ окончаніями -иати, -дзати, -риати въ формѣ неопред. накл.: двизати, мизати, сазати, таизати, тьриати, откуда ц.-слав. двизати, по-мизати, о-сазати, съ-тазати (чешск. tázati), тьризати;

3) имена существительныя на -ькъ (= лит. -ikas): *вѣнькъ, *жерькъ, *носькъ, *отькъ, *творькъ и т. п. (сравн. лит. vainikas вѣнокъ, degikas обжигальщикъ, kasikas копальщикъ, pešikas носильщикъ и т. п.), откуда ц.-слав. и др.-р. вѣньць, жерьць, -носць, отць, творць;

4) имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія на -икъ (немногія): *агникъ, корабликъ, *никъ, *сикъ (сравн. мѣст. какъ, такъ и т. п.), откуда ц.-слав. агницъ, кораблицъ, ниць, сиць;

5) имена существительныя уменьшительныя на ѣка (= лит. įka, įkė): *овька, дверька, мышька, *клепка (сравн. лит. avikė овечка, mergikė дѣвушка, gankikė ручка и т. п.), откуда ц.-слав. и др.-р. овьца, дверьца, мышьца, клепьца;

6) имена существительныя и мѣстоименія на -ика: *дѣвика, *двѣрники, *пьяника, троика, *сика, откуда ц.-сл. и др.-р. дѣвица, двѣрница, пьяница, троица, сица;

7) имена существительныя на -ько: *сълнько, *сърдько, *винько, *словько, откуда ц.-слав. и др.-р. сълньце, сърдьце, русск. винцо, словцо;

8) имена существительныя и мѣстоименія на ико: *лико, *јајико, *сико, откуда ц.-слав. и др.-р. лице, яице, сице;

9) глаголы на -икати, -ькати, -дзати, -ьркати: кликати, *рикати, *тикати, сѣкати, бракати, лѣкати, *зьркати, мьркати, откуда ц.-слав. клицати, на-рицати, ис-тицати, прѣ-спьцати (Ряз. Кормч. 1284 г.), прѣ-спцати, брцати, на-лѣцати, съ-зьрцати, мьрцати (Син. Тр. 60);

10) глаголы на -изати: смизатисѣ, откуда ц.-сл. на-смизатисѣ.

Кромѣ того, мы имѣемъ з (з) и и въ словахъ польза, стьза (сравн. -стизати), зьрицало (польск. zwierciadło), мѣсць и въ нѣ сколькихъ глаголахъ съ твердымъ гласнымъ передъ обще-слав. к, вмѣсто котораго явилось и едва ли не подъ влияніемъ глаголовъ на -ицати: помацати (Ламанскій, О нѣкоторыхъ рукописяхъ въ Бѣл-

градѣ, 32), тѣлцати, навыцати, притыцати, съмыцати. Послѣдніе, кажется, не были извѣстны древне-русскому языку.

Наконецъ мы имѣемъ *30* въ браздати (др.-р. Толстовская Псалтырь XI—XII в.; срв. русск. брязнуть), *си* и *ст* въ блисцати (Зоигр. Ев. 101, Остр. Ев. 283 об., Мар. Ев., Син. Пс. 29) — блистати (сравни блѣскъ) и въ ристати (сравни рискати, рыскати).

Смягченіе гортанныхъ 2-го вида далеко не было обязательнымъ для всѣхъ словъ обще-славянскаго языка, въ которыхъ передъ гортаннымъ находился мягкій гласный. Мы имѣемъ: рядомъ съ кьназь — др.-р. шьяиз (= нѣмецк. schilling); рядомъ съ тьзати — др.-русск. вьс-тьриати; рядомъ съ вѣвнць — русск. конекъ, мужичокъ (изъ — вѣ); рядомъ съ агниць — грѣшникъ, великъ; рядомъ съ овьца — тѣчка, ржѣка; рядомъ съ агнища — ближика; рядомъ съ клицати — кликати; рядомъ съ зьрцало — русск. зьрцало (Жит. Саввы Освящ. XIII в. 14 об.); рядомъ съ блисцати, блистати — блискати (блискаашеса Свят. Сборн. 1073 г. 120 об., ц.-слав. блискъ С. Тр. 62, малор. блискавка) и т. п.

Время, въ которое совершилось въ обще-славянскомъ языкѣ смягченіе гортанныхъ 2-го вида, безъ сомнѣнія, совпало съ временемъ, въ которое совершилось смягченіе гортанныхъ передъ *н* и *и* изъ дифтонга. Процессъ этого смягченія былъ также тождественъ съ процессомъ органическаго смягченія.

Конечно, смягченіе 2-го вида въ именахъ могло имѣть мѣсто только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ за гортанными слѣдовали твердые гласные. Въ другихъ формахъ неорганическое смягченіе совпало съ органическимъ (передъ *н* и *и* изъ *ai*). Въ третьихъ, съ окончаніемъ *e*, неорганическое смягченіе не могло произойти, такъ какъ гортанные, прежде чѣмъ началось смягченіе 2-го вида, успѣли уже перейти въ *ж*, *ч*. Таковы формы зват. пад. кьнаже, отьче, творьче и т. п., получившія свои шипящія еще въ то время, когда имен. ед. къ этимъ формамъ звучалъ кьназь, отькъ, творькъ. Таковы древнія формы косвенныхъ надежей личесе, личеси и т. д. (отъ лице), развившія свои шипящія еще тогда, когда им. ед. звучалъ лико. Подобнымъ образомъ въ производныхъ отъ словъ, гдѣ произошло смягченіе 2-го вида, мы часто находимъ не свистящія, а шипящія. Такъ, производныя отъ кьназь, отькъ звучать кьнажь, кьнажьскъ, кьнажьство, отьчь, отьчьскъ, отьчьство (изъ кьнаг-јъ, -ьскъ, -ьство); производныя отъ богородица звучать богородичинъ

(между прочимъ, Остр. Ев. 283), богородичьнъ (изъ -родик-инъ, -ьнъ); отъ троица звучитъ троицьскъ; отъ сълвѣце звучитъ сълньчьнъ, и т. д. (русск. богородицѣнъ, троицѣнъ—новообразованія).

Ц въ цѣсарь, цесарь, оцѣтъ и друг. перешло въ языкъ южныхъ славянъ или изъ латинскаго языка римскихъ колонистовъ Балканскаго полуострова, или изъ народнаго греческаго (= лат. *Casar*, *acetum*).

Смягченіе свистящихъ. Свистящія *з* (не изъ *s*) и *с*, подвергшись смягченію, перешли въ обще славянскомъ языкѣ въ мягкія *ж* и *ш* въ тѣхъ случаяхъ, когда за нпми слѣдоваль *ј*: ц.-сл. и др.-русск. лижж изъ лиз-јж (сравн. лиз-ати), -ражж, -ражати изъ раз-јж, -јати (сравн. раз-ь, раз-яти), ножж изъ нос-јъ (сравн. -нъ-пти, русск. за-ноза), пишж изъ пис-јж (сравн. пис-ати), номж, ноша изъ нос-јж, -ја (сравн. нос-пти).

Кромѣ того, въ небольшомъ количествѣ случаевъ *ж* и *ш* образовались изъ *з* и *с* передъ мягкими *л*, *н*, за которыми въ древности слѣдоваль *ј*; при этомъ *з* могло принадлежать предлогу-префиксу, а согласные *л*, *н* находятся въ началѣ имени, мѣстоименія, глагола. Таковы *ж* и *ш* въ ц.-сл. вѣжлюбж изъ вѣз-лјуб-, съ-блажнати изъ блаз-вјати (при блаз-нити), у-пражнати, русск. порожній изъ празнј- (сравн. ц. сл. празпъ, празникъ Савв. Ев. 76, 74 и др.), на-трыжнѣнїе изъ трызнј- (сравн. трызпа, трызпа); иж-него, беж-него, изъ из-, бсз-вјего; по-мышляти изъ мыс-лјати (умышльшу Остр. Ев. 247 об., номышьше др.-р. Учит. Ев. Копставтина Болг. XII—XIII в. 122, при мыс-лиги), у-яшнати (уашпють др.-р. Минся Тип. Б. XII в. N 235, л. 115), у-тѣшнати (утѣшнено, др.-р. Златоуструй XII в.); сравн. др.-русск. кажню, совр. русск. дражню, вешній. Рядомъ съ этими *ж* и *ш* мы иногда видимъ также *з* и *с*: вѣз-любж, из-него, утѣснати.

Принадлежность этого смягченія обще-славянскому періоду не подлежитъ сомнѣнію. Процессъ измѣненія *з*, *с* въ *ж*, *ш* не вполне ясенъ, но несомнѣнно, что онъ произошелъ вслѣдствіе взаимной ассимиляціи свистящихъ и *ј*. Вѣроятно, *зј*, *сј* превратились сначала въ *зл*, *сл*, затѣмъ въ *жж*, *шш* и уже отсюда въ *ж*, *ш*.

Учебныя грамматики церковно-славянскаго языка говорятъ также о смягченіи *ц* и приводятъ примѣры его въ родѣ отьчъ, отьчьскъ.

Первое слово произошло изъ отъж-яъ, второе изъ отъж-ьство; въ томъ и въ другомъ ч существовало прежде, чѣмъ въ славянскомъ языкѣ развился звукъ *и*. Въ виду этого должно признать, что смягченія *и* (какъ и *с*) въ обще-славянскомъ языкѣ никогда не было.

Смягченіе зубныхъ. Зубныя *д* и *т* подверглись смягченію только въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдоваль *ј* (не мягкій гласный), сверхъ того, не во всемъ обще-славянскомъ языкѣ. Сербскій, отчасти словинскій и болгарскій языки выдѣлились изъ обще-славянскаго языка и вступили въ самостоятельную жизнь еще съ группами *дј*, *тј*, которыя дали у сербовъ—*ј*, *ћ* (изъ *дј*) и *ѣ*, или мягкія *з* и *к*, у словенцевъ—*ј* (изъ *дј*) и *ћ*, или мягкія *з* и *к*, у болгаръ—мягкія *д* и *т*, *ћ* и *ѣ*, *к* и *з* (сравни въ малорусскихъ говорахъ переходъ мягкихъ *д* и *т* въ *з* и *к*: *вѣдъ* = *дѣдъ*, *вѣмъ* = *домъ*, въ *хамѣ* = въ *хатѣ* и т. п.). Церковно-славянскій, русскій и западно-славянскіе языки выдѣлились изъ обще-славянскаго языка одни съ шипящими согласными на мѣстѣ *дј* и *тј*, другіе, западно-славянскіе, — съ свистящими, и мы находимъ изъ *дј* и *тј* въ церковно-славянскомъ языкѣ—*жд*, *шт* (первоначально съ мягкими *д* и *т*), въ русскомъ—*жс* (откуда иногда *дж*) и *ч* (изъ *ти*), въ западно-славянскихъ—*дз*, *з* и *и* (первоначально мягкія; въ польскомъ изрѣдка *ч*). Кроме того, въ ново-болгарскихъ говорахъ мы нерѣдко находимъ на мѣстѣ *дј* и *тј*—*жд* и *шт* (откуда *шч*), въ словинскомъ языкѣ на мѣстѣ *тј*—*ч*.

Такимъ образомъ обще-слав. *медју* (мѣстн. ед. отъ имени съ основою на *з*, родственнаго съ санскр. *mādhjas*, греч. *μέσος*, *μέσος* изъ *μέθιος*, лат. *medius*) перешло: 1) въ сербск. *меју*, *међю* или *мею* (сравни у Константина Багрянороднаго передачу сербскаго мѣстнаго названія Међуречъ черезъ *Μεγυρέτους*), въ словинскомъ—въ *теји*, *тејји*, въ болгарскихъ говорахъ—въ *медю*, *међю*, *мею*, 2) въ церк.-слав. *междю*, русск. *межю*, др.-чешск. *mezju*, польск. **miedzi* (соврем. *miedzi*, *miedzju*); обще-слав. *нудја*—въ ц.-слав. *нужда*, въ русск. *нужа*; обще-слав. *радјати*—въ ц.-слав. *раждати*, русск. *ражати*. Подобнымъ образомъ обще-слав. *свѣтја* перешло: 1) въ сербск. и словинск. *свѣћа* или *свѣя*, въ ново-болг. *светя*, *свећа*, *свея*; 2) въ ц.-сл. *свѣшта*, въ русск. *свѣча*, въ польск. *świeca*, въ чешск. *svíce*; обще-слав. *хотјж*—въ ц.-слав. *хощж*, русск. *хочу*, польск. *chcę*, чешск. *chci*; обще-слав. *тјудј*—въ ц.-слав.

итюждь, въ русск. *чюжь*, польск. *cięży*, чешск. *siži*; обще-слав. *бержѣа* (род. ед.)—въ ц.-слав. *бержита*, др.-русск. *беруча* (род. ед.).

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *д* въ обще-славянскомъ языкѣ было *з*, а передъ *т* — *с*, смягченіе зубныхъ было одинаково во вѣхъ славянскихъ языкахъ: они перешли въ шипяціе. Послѣдніе ассимилировали съ собою *з* и *с* и вмѣстѣ съ ними образовали тѣ же звуковыя сочетанія, которыя получились изъ *зи* и *ск*. Вслѣдствіе этого обще-слав. *ѣздѣж* дало въ церк.-слав. *ѣждж*, *яждж*, въ русск. *ѣждю* (въ др.-русск. также *ѣждю* Ипат. сп. лѣт. 320, 347, 420), въ польск. *jężdżę*; обще-слав. *ѣздѣти*—въ русск. *ѣждати*, въ чешск. *-jžděti*; обще-слав. *гнѣздѣ* (прич. прош.)—въ ц.-сл. въ-гнѣждь-са С. Треби. 103; обще-слав. *пустѣж*—въ ц.-слав. *пуштѣж*, въ русск. *пуцю*, въ польск. *puszcze*, въ др.-чешск. *pušćiu*, обще-слав. *тълстѣти*—въ ц.-слав. *-тълштати*, въ русск. *-тълщати*; обще-слав. *чистѣти*, *крѣстѣти*—въ ц.-сл. *-чиштати*, *крѣштати*, въ русск. *-чищати*, *крѣщати*.

Подобно тому, какъ *г* и *к* въ нѣкоторыхъ словахъ смягчились вслѣдствіе дѣйствія на нихъ не прямо мягкихъ гласныхъ, а согласныхъ съ мягкими гласными, такъ точно *д* и *т* (а равно *ст*) коегдѣ смягчились передъ *ѣ* (откуда иногда ц.-слав. *ѣл*) и *рѣ*. Такъ, *мъртвѣти* дало въ ц.-слав. *у-мъритвѣти* (Син. Тр. 46), *мѣдрѣти*—*прѣ-мѣждрѣти* (Супр. р. 16), *хытрѣти*—*у-хыитрѣти*, *съмотрѣнѣе*—*съмоитрѣе*, *изострѣти*—*изоитрѣти*, *испѣстрѣнѣ*—*испѣитрѣнѣ* (но: *съматрѣти* С. Тр., *съматрѣти* Супр ркп. 66, *упѣстрѣнѣ* др.-р. Миней 1097 г. 449). Въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ въ историческое время ихъ существованія подобныя слова не были извѣстны (русскія *умерщвлять*, *ухищреніе* и т. п.—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка).

Несомпѣнно, смягченіе зубныхъ (безъ предъидущихъ *з* и *с*) совершилось на обще-славянской почвѣ, вѣроятно, въ ту эпоху жизни обще-славянскаго языка, когда изъ него уже выдѣлились отдѣльныя говоры и когда уже было близко распаденіе обще-славянскаго языка. Процессъ перехода *д* и *т* въ *дж* (откуда русск. *ж*) и *ти* (откуда русск. и слов. *ч*), хотя мало ясенъ, но все таки можетъ быть приблизительно опредѣленъ: онъ состоялъ въ ассимиляціи *ј* съ *д* и *т* и въ переходѣ его въ мягкія *г* и *х*, откуда *ж* и *ш*. Но процессъ образованія ц.-слав. *жд* и *шт* представляется труднымъ

для объясненія. Можно принять безусловно лишь то одно, что *dj* и *tj* на пути въ *жд* и *шт* одно время звучали *дж* и *тш*, и сверхъ того, можно допустить, что *дж* и *тш* сначала, вслѣдствіе ассимиляціи *д* и *т* съ *ж* и *ш*, превратились въ *жж*, *шш*, что потомъ между двумя одинаковыми звуками произошла диссимиляція и *жж* превратилось въ *ждж*, а *шш* въ *шч*, откуда *жд* и *шт* (съ мягкими *д* и *т*). Что до перестановки звуковъ въ *дж* и *тш*, откуда будто бы *жд* и *шт*, то о ней, по нашему мнѣнію, не можетъ быть рѣчи.

Смягченіе группы *кт*. Группа *кт*, образовавшаяся какъ изъ древней группы *кт*, такъ изъ группъ *тк*, *хт*, имѣя послѣ себя мягкой гласный, подверглась тѣмъ самымъ измѣненіямъ, которыя произошли въ группѣ *тj*. Такимъ образомъ въ церковно-славянскомъ языкѣ на мѣстѣ *кт* явилось *чт*, въ русскомъ и словинскомъ—*ч*, въ западно-славянскихъ языкахъ—*ц*, въ сербскомъ—мягкое *т*, послѣ перешедшее въ *ћ* и *к*: ц.-сл. *ношть*, русск. *ночь*, зап.-слав. *нос*, сербск. *ноћ*, изъ *нокть* (сравн. греч. *νόξ*, *νοχτός*, лат. *nox*, *noctis*, лит. *naktis* *ночь*); ц.-слав. *нешть*, русск. *печь*, зап.-слав. *рес*, сербск. *пећ* (ст.-сербск. *пекъ*), изъ *пекть* (сравн. *пекж*); ц.-слав. *мошти*, русск. *мочь*, зап.-сл. *пнос*, сербск. *моћи*, изъ *мокти*, *мошти* (сравн. *можж*).

Время смягченія группы *кт*, вѣроятно, тоже, что и смягченія зубныхъ. Процессъ измѣненія *кт* представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Группа *кт* (съ мягкимъ *т*), вслѣдствіе ассимиляціи *к* съ *т*, прежде всего перешла въ *тт* (оба *т* мягки), откуда, вслѣдствіе диссимиляціи двухъ тождественныхъ звуковъ, — *тj* (сравн. сербск.-черногорск. *нојца*, изъ *ношца*, *ноћца*, польск. *ojca*, род. ед., изъ *ośca*, *отца*, русск. *назойливъ*, изъ *назолливъ*). Эта новая группа *тj*, конечно, послѣдовала въ своихъ измѣненіяхъ древней группѣ *тj*.

Переходъ *j* въ *л*. Согласный *j*, находясь послѣ губныхъ *б*, *в*, *м* и губно-носового *м*, перешелъ въ мягкое *л*. Этотъ переходъ, если онъ совершился въ корнѣ словъ, былъ свойственъ всему обще-слав. языку: ц.-слав. *блюдж*, изъ *брудж* (*ju* изъ обще-индо-европ. *eu*); русск. *блюду*; ц.-сл. *плюжж*, *пльвати*, изъ *пљужж*, *пльвати* (лит. *pliauti*, *spliauti*), русск. *плюю*, польск. *pluć*, *plwać*, чешск. *plíti*, *plívati*; ц.-

слав. блюдо, блюдо (слово заимствованное изъ готскаго языка, = готск. *bīuds*), русск. и сербск. блюдо, пол. *bluda*, чешск. *blido*. Если же онъ совершился въ основѣ слова и *j* принадлежитъ суффиксу, онъ свойственъ тѣмъ только говорамъ обще-славянскаго яз., изъ которыхъ послѣ образовались языки русскій, сербскій и словинскій; западно-славянскіе языки (соврем. польск. *grobla, kropła, grable, ziemia* и др.—руссизмы: сравн. др.-польск. *grobia, kropia*) сохранили *j*, а церковно-славянскій въ однихъ и тѣхъ же словахъ имѣеть то *л*, то *ј*.

Такъ, въ церковно-славянскомъ языкѣ мы находимъ рядомъ и *л* вмѣсто *ј*: люблѣж, възлюбленъ, явлѣж, являти, куплѣж, купля, ѣмлѣж, земля, и *ј*: любѣж (*ь = ј*), възлюбѣнъ и възлюбенъ, явѣж, купѣж, земѣя или земя, изъ любѣж и т. д. (но нѣтъ бѣюдѣж, пѣвати, бѣюдо). Всѣ церковно-славянскіе памятники (кромѣ Остромирова Ев.) имѣють и *л*, и *ј*, но въ однихъ (въ большей части, особенно въ Син. Требникѣ) преобладаетъ *л*, въ другихъ (въ Супрасльской рук.)—*ј*. Современные ново-болгарскіе говоры почти не знаютъ *л*, а слова въ родѣ земля, сабля въ нихъ большая рѣдкость; обыкновенно мы въ нихъ находимъ или *ј*, или мягкій согласный, принявшій въ себя *ј*: земѣя или земя, сабѣя или сабя.

Переходъ *ј* въ *л* въ началѣ корня (послѣ предлога-префикса *об*) ни въ церковно-славянскомъ, ни въ другихъ славянскихъ яз. неизвѣстенъ: *об-емлѣж*тѣ Мар. Ев. 20 и др., изъ *об-јемлѣж*тѣ (не *обл-*).

Несомнѣнно, переходъ *ј* въ *л* произошелъ въ обще-славянскій періодъ. Возможно, что переходъ *ј* въ корняхъ совершился ранѣе, чѣмъ переходъ *ј* въ суффиксахъ; послѣдній, по нашему мнѣнію, долженъ быть относимъ къ концу обще-славянскаго періода. Переходъ *ј* въ мягкое *л* самъ по себѣ не представляетъ ничего страннаго. Звуковая близость *ј* и мягкаго *л* столь велика, что замѣна *ј* черезъ *л* и на оборотъ—явленіе въ ядно-европейскихъ языкахъ нерѣдко; сравни, напримѣръ, итал. *fiore, fiume, più* и т. п. и лат. *florem, flumen, plus*: здѣсь итал. *ј* послѣ губныхъ развилоса изъ лат. *l*.

Ассимиляція согласныхъ. Одни изъ согласныхъ звуковъ ассимилировались съ другими во всемъ обще-славянскомъ языкѣ, другіе — только въ той части его говоровъ, которая дала начало южно-славянскимъ и русскому языкамъ.

Къ числу явленій ассимиляціи общихъ всѣмъ славянскимъ языкамъ принадлежатъ слѣдующія, находимыя нами въ церковно-славянскомъ языкѣ.

1. Ассимиляція губныхъ *б, в, п* съ слѣдующими *н, с, т*; она закончилась отождествленіемъ губныхъ съ слѣдовавшими за ними согласными и затѣмъ исчезновеніемъ одного изъ двухъ тождественныхъ согласныхъ. Вслѣдствіе этого мы имѣемъ:

ц.-сл. и русск. *гънжти*, изъ *гъб-нжти*, *гъм-нжти*; *льнжти*, изъ *льп-нжти*; *камжти* (Син. Пс. 136), изъ *кап-нжти*; *усънжти*, изъ *усьп-нжти*; *съмъ*, изъ *сьп-мъ* (сравн. ὑπνος); *комъ*, изъ *коб-мъ* (сравн. *коб-ыла*, ст.-чешск. *коб-ой*). Надо замѣтить, что въ цѣломъ рядѣ глаголовъ мы находимъ губныя передъ *н*: ц.-слав. *гымжти*, *-здыжти* (въ церк.-славянскихъ памятникахъ постоянно, такъ что ни *гымжти*, ни *здыжти* не встрѣчается), ц.-сл. *топнжти* (истоннжша Супрасл. ркп. 145, русск. *толнуть*); ц.-слав. *усьпнжти* (*усьп'неши* Свят. Сборн. 1073 г. 152); ц.-слав. *льпнжти* (*сьльпнеться* Лѣствица Рум. Муз. XII в. 94); соврем. русск. *гибнуть* (при др.-русск. по-гынуги Пявнтсеймоново Ев. XII—XIII в., Р. Правда по сп. XIII в., соврем. *гынуть*), *здынуть*, *лпнуть*, *капнуть* и т. п. Здѣсь, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ явленіемъ — съ восстановленіемъ утраченнаго кореннаго согласнаго;

ц.-сл. и русск. *оса*, изъ *вобса* или *вопса*, *восса* (срв. лит. *varpa*), *осяна*, изъ *оис-* (сравн. лит. *arišis*, латышск. *arpe*), *грѣсъ*, *чрѣсъ*, 1 л. ед. аор., изъ *грѣбсъ*, *черисъ* (сравн. *греб-ж*, *чърп-льж*);

ц.-слав. и др.-русск. *гремя*, *теми*, *сути*, ц.-сл. *чрѣтти*, др.-р. *черети*, изъ *гребти*, *тепти*, *супти*, *черпти*, *гретти* и т. д.; *нетип*, ст.-польск. *nieś*, изъ *нептии* (сравн. санскр. *parṭi*, греч. ἀνεψιός, изъ ἀνεπτ-, лат. *перос*, *перотис*); русск. *долото*, изъ *делпто* (сравн. *дълби-ти*). Надо думать, что формы несопр. п. въ родѣ *гремя* утратили одно изъ двухъ *т* раньше того времени, когда образовались два *т* изъ *кт*, и что поэтому результаты ассимиляціи *бт* и *кт* другъ отъ друга рѣзко отличаются. Русскія (малорусскія) *гребти* и т. п. — новѣйшія образованія.

Ассимиляція губнаго *б* съ слѣдующими *н, с, т* (а также, вѣроятно, съ *ж, з, м, п, х, ц, ч, ш*) имѣла мѣсто, между прочимъ, въ предлогѣ-префиксѣ *об*, который, благодаря ей, превратился въ *о*. Конечно, *о* изъ *об* первоначально употреблялось только въ такихъ со-

четаніяхъ, какъ *о* насъ, *осъ*ннѣти, *отъ*гъчѣти, *о* томъ (еще въ *ож*идати, *озар*ятѣ, *омы*ти, *о*платѣ, *о*хота и т. п.), но потомъ *о* стало употребляться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и *об*, даже передъ гласными: *о* очищеніи Остром. Ев., и на оборотъ, — *об* появилось передъ *н* и друг.: *обнаженъ*.

2. Ассимиляція *в* съ предъидущимъ *б*; она закончилась отождествленіемъ *в* съ *б* и затѣмъ исчезновеніемъ одного изъ двухъ *б*: ц.-слав. *облако*, изъ *об-влако*, *облѣкати*, изъ *об-влѣкати*, *область*, изъ *об-власть*; можетъ быть, *бѣгъ*, изъ *бѣѣгъ* (сравн. $\phi\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\omega$, лат. *fugio* и т. п.), *бѣхъ* изъ *бѣѣхъ* (сравн. обще-индо-евр. кор. *bhū*); впрочемъ въ корняхъ ассимиляція *в* съ *б* могла произойти въ славяно-литовскомъ языкѣ: сравн. *бѣгъ* и лит. *bėgu* (*бѣгу*).

3. Ассимиляція зубныхъ *д* и *т* съ слѣдующими *м* и *с* закончилась исчезновеніемъ зубныхъ:

ц.-слав. и др.-русск. *вѣмь*, *дамь*, *ѣмь*, 1 л. ед., *вѣмъ* и т. д., 1 л. мн., изъ *вѣд-мь*, *дад-мь* и т. д. (корни *вѣд-*, *дад-*, ср. *дад-мь*, *ѣд-*); ц.-слав. *румѣнъ*, русск. *румянь*, изъ *рудм-* (кор. *руд-* въ русск. *руда*; сравн. *рѣд-ѣти* и т. п.); русск. *вымя*, изъ *в-ыд-ма* (сравн. санскр. *ūdh-ag* *вымя*, греч. $\omicron\delta\theta\text{-}\alpha\rho$); ц.-слав. и русск. *осьмь*, изъ *остмь* (сравн. греч. $\acute{\epsilon}\chi\tau\acute{\omega}$, лат. *osto*, лит. *ašmas* *осьмой*). Исчезновеніе *д* въ группѣ *дм* мы находимъ также въ литовскомъ языкѣ: *dūmī*, изъ *dod-mī* (*даю*, 1 л. ед.), *ētmī*, изъ *ēd-mī* (*ѣмь*), жмудск. *gaumī* (*воплю*) и т. п., вслѣдствіе чего можно было бы относить его не къ обще-славянскому, а къ славяно-литовскому періоду (въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ *d* передъ *m* сохраняется: санскр. *vidmanē* = греч. $\text{F}\acute{\iota}\delta\mu\epsilon\nu\alpha\iota$). Но литовскій языкъ имѣетъ рядомъ съ *ētmī*, *gaumī* — *ēdmī*, *ēdms* (1 л. мн.), *gaudmī*, и нельзя рѣшить, которая изъ этихъ двухъ формъ — архаизмъ и которая — возникшее на литовской почвѣ новообразованіе.

Ц.-слав. *седьмь*, русск. *седьмой* (при др.-русск. *семь* Святосл. Сборн. 1073 г., *семьи* Остром. Ев., *соврем. семь*, *семой*) является исключеніемъ изъ правила объ ассимиляціи *д* съ *м*. Повидимому, *д* обявано здѣсь своимъ сохраненіемъ тому обстоятельству, что вѣюгда передъ *д* находилось *б* (первоначальная форма звучала *себдмь*; сравн. гр. $\xi\beta\delta\omicron\mu\acute{\epsilon}\varsigma$), которое удержало *д* отъ ассимиляціи, но которое потомъ само ассимилировалось ѣ *д* и исчезло.

Ц.-слав. и русск. вѣсѣ, ѣсѣ (дв. ч.) не могутъ быть считаемы за образовавшіяся изъ вѣдѣѣ путемъ ассимиляціи *д* съ *е*. Последніе звуки ни въ обще-славянскомъ языкѣ, ни позже не ассимилировались другъ съ другомъ, какъ показываютъ слова въ родѣ двѣрь, дворь, двигати (сравни теорити, молитва и т. п.). Формы вѣсѣ и пр. — обще-славянскія новообразования, по образцу вѣмь, вѣмь, безъ *д*.

Ц.-слав. и др.-русск. вѣси, даси, ѣси (2 л. ед.), изъ вѣд-си и т. д.; ц.-слав. блюсь, бась, чись (1 л. ед. аор.), изъ блюд-сь (сравн. блюд-ж), бад-сь (сравн. бод-ж, бод-ати), чит-сь (срв. чит-ати); ц.-слав. и русск. число, русск. прясло и т. п., изъ чит-сло, прат-сло (окончаніе -сло = лат. -clum, -culum въ periculum, obstaculum и т. п., лит. -klas въ arklas плугъ, irklas весло и т. п.); ц.-слав. и др.-русск. гжсли, ясли, изъ гжд-сли, яд-сли (окончаніе -сль родственно съ литовскимъ окончаніемъ словъ женск. рода -klė: au-klė обувь, dū-klė дань и т. п.); ц.-слав. чисма, изъ чит-сма (окончаніе -сма родственно съ окончаніемъ лат. -smus въ gēmus, изъ gēt-smus, лит. -smas въ gėk-smas крикъ, verk-smas, vaik-smas и т. п.); ц.-сл. и др.-р. остжпати, остати (напр., С. Пс. 94, 180, Остр. Ев. 95, 230, Ипат. сп. лѣт. 369), изъ от-стжпати и при отъстжпати, современн. русск. оставить, остаться. Переходъ группъ *дс* и *тс*, вѣроятно, совершился въ древнѣйшую эпоху жизни обще-славянскаго языка, въ нѣкоторыхъ словахъ прежде, чѣмъ началось измѣненіе слав. *с* въ *х*. Поэтому на мѣстѣ древнихъ группъ *дс* и *тс* мы иногда находимъ обще-славянское *х* (откуда *ш*): ц.-слав. и русск. пѣшь, русск. пѣхота изъ рѣдс- (сравн. лит. rėda нога, лат. pes pedis); ц.-сл. съмагъ, съмашл (Асс. Ев. 52 и др.), аор. отъ -матж, — изъ -матс-; русск. пряжа, перяжа, сважа, ляжъ и т. п., изъ прадса, -радса, сватса, ладсѣ (сравн. прилаг. ляд-ьскѣ); ц.-слав. и др.-р. оходить, ошьдѣ = отх-, оти-; о хождшихъ = от х- др.-р. Златоуструй XII в. 67. Возможно, что нѣкоторые случаи ассимиляціи зубныхъ и *с* совершились еще въ славяно-литовской періодъ: лит. vesiu, mesiu (1 л. ед. будущ. вр. отъ vedu, metu), изъ vedziu, metziu; švēsa (свѣтъ), švēsus (свѣтлый), изъ švēts-, корень švēt-, слав. свѣт-, свѣт-.

4. Ассимиляція гортаннаго *к* съ слѣдующими *н*, *с* и твердымъ *т* закончилась исчезновеніемъ *к*:

ц.-слав. и др.-р. бльскнѣти, изъ бльскнѣти (сравн. блѣскѣ), др.-р. прыскнѣти (Слово о п. игор.), изъ прыскнѣти (ср. прыскаю). Ассими-

ляція *к* и *н* имѣла мѣсто исключительно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ передъ *к* былъ *с* (т. е. въ группѣ *скн*). Во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ родѣ *у-мълкнжти*, — *к* сохранилось;

ц.-слав. *рѣсте*, *тѣсте* (2 л. мн. аор.), изъ *рѣк-сте*, *тѣк-сте* (корни тѣ же, что въ *-рѣк-ати*, *-тѣк-ати*), ц.-слав. и др.-русск. *плексти*, изъ *плекс-ти*. () переходѣ группы *кс* въ *с* можно сказать то же, что сказано выше о переходѣ группъ *дс*, *тс* въ *с*. *С* изъ *кс* въ общеславянскомъ языкѣ между гласными перешло въ *х*; отсюда *рѣхъ*, *рѣхомъ*, *рѣша* и т. п.;

ц.-слав. и др.-русск. *лѣмати*, русск. *лѣтъ*, изъ *лѣк-т-*, *лек-т-* (сравн. лит. *lėk-ti*); ц.-слав. и русск. *плетж*, изъ *плек-тж* (сравн. греч. *πλέκω*, лат. *plecto*); ц.-сл. и др.-р. *чърта*, изъ *чърк-та* (сравн. русск. *черкнуть*, *почеркъ*); ц.-сл. и русск. *пять* (сравн. лат. *quinque*, лит. *penki* пять, *penktas* пятый). Изъ формъ неопред. накл. *лѣмати* и 1 л. ед. наст. вр. *плетж т* перешло въ другія формы тѣхъ же глаголовъ, гдѣ группа *кт* имѣла мягкое *т* (какъ въ **ноктъ* и т. п.) и потому должна бы была дать въ ц.-слав. языкѣ *шт*, въ русск. *ч* и т. д.: *летяши*, *летямъ*, *плетеши*, *плетемъ* и т. п. Слово *пять* обязано своимъ *т* влиянію слова *пять*; первоначально оно должно было звучать въ общеславянскомъ языкѣ *пачь* = лит. *penki*.

5. Ассимиляція мягкихъ плавныхъ *л* и *р* и носоваго *н* съ слѣдующимъ *ј* имѣла результатомъ исчезновеніе *ј*-та: ц.-сл. и др.-р. *воля*, изъ *воляја*; ц.-сл. и др.-р. *буря*, изъ *буряја*; ц.-сл. и др.-р. *силь*, изъ *сильја*. Сравни малор. *весіа*, *весіля*, *каміня*, *каміння*, изъ *вєсѣляе*, *камѣняе*.

Къ числу явленій ассимиляціи, свойственныхъ не всѣмъ славянскимъ языкамъ, но только части ихъ, принадлежитъ, между прочимъ, ассимиляція зубныхъ *д* и *т* съ слѣдующими *л* и *н*. Она имѣла мѣсто въ той части общеславянскаго языка, которая дала начало церковнославянскому (съ ново-болгарскимъ), сербскому и русскому языкамъ, и закончилась въ нихъ исчезновеніемъ *д* и *т*:

ц.-слав. и русск. *паль*, *пшьль*, *яль* или *ѣль*, *пльль* и т. п., изъ *падль*, *пшьдль*, *ядль*, *плетль*, *палль* и т. д.; ц.-слав. и русск. *рало*, *жало*, русск. *мыло*, *шило* и т. п., изъ *радло*, *жадло* и т. д. (окончаніе *-дло* = греч. *-δλον*, лат. *-blut*, *-bulum*); ц.-слав. и русск. *селити*, *вѣселеная*, изъ *седлити* (корень тотъ же, что въ *сед-ьло*); ц.-

слав. и русск. молити, изъ *модл-* (корень *мод-*; сравн. лат. *meditari, mod-estus* и т. п.). Западно-славянскіе языки въ приведенныхъ словахъ и имъ подобныхъ сохраняютъ (хотя и не вездѣ) *д* и *т*: польск. *radł, szedł, jadł*, чешск. *metl*, польск. *gadło, mydło, modlić*, чешск. *modliti*; въ пражскихъ глаголическихъ отрывкахъ XI—XII в. (моравскаго извода) мы читаемъ: *вѣседлеса, модлтва*. Не излишне замѣтить, что группы *дл, тл*, исчезнувшія на нѣкоторое время въ обще-славянскомъ языкѣ, потомъ, послѣ перестановки плавныхъ, явились въ немъ вновь и потому нерѣдки въ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и въ церковно-славянскомъ (по преимуществу въ началѣ словъ): *длань, тлѣшти* и т. п., изъ *дълнь, телкти*;

ц.-слав. и др.-русск. *въз-бѣнжти, вѣнжти, вѣс-прамжти, свѣнжти*, изъ *бѣдн-, вдн-, прѣдн-, свѣтн-, бѣнн-* и т. д. (корни *бѣд-, вд-, прѣд-, свѣт-*); ц.-слав. *ганание* (Син. Пс. 166), изъ *гдн-*; ц.-сл. *пленица*, изъ *плетн-*. Западно-славянскіе языки обыкновенно сохраняютъ здѣсь *д* и *т*: чешск. *vadnŭti, radnŭti*. Глаголы въ родѣ ср.-болгарск. *-паднжти, -метнжти* (Сборникъ 1345 г.), русск. *метнуть* принадлежатъ къ числу позднѣйшихъ новообразованій.

Рядомъ съ явленіями ассимиляціи и послѣдовавшаго за нею исчезновенія согласныхъ, мы должны упомянуть объ измѣненіи группъ *зз* и *сс* (все равно, какого бы происхожденія ни были *з* и *с*)—въ *з* и *с*. Эти группы особенно часто встрѣчались при соединеніи именъ и глаголовъ, начинавшихся съ *з* и *с*, съ префиксами *без-, въз-, из-, раз-* (*роз-*), или при соединеніи именъ, начинавшихся съ *з* и *с*, съ предлогами *без, въз, из*; но группа *сс* была извѣстна также въ серединѣ словъ. Измѣненіе *зз* и *сс* въ *з* и *с*, если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ должно было совершиться въ обще-славянскій періодъ, послѣ того времени, когда образовалось *х* изъ *с*; вслѣдствіе чего мы не знаемъ случаевъ перехода *с* изъ *сс* въ *х*. Оно наблюдается въ ц.-слав. и др.-русск. *безълобыцъ, беззаконіе, беззаконя* (Суур. р.)=*без-з-*; *бестудить, безстуда, безстраха, безсыпа*, др.-русск. *и-Смольньска* = *бес-с-, ис-с-*; ц.-сл. и др.-русск. *ѣси*, изъ *ѣс-си* (сравн. лит. *essi*), *пасъ, васъ*, вѣроятно, изъ *нас-съ, вас-съ* (сравн. *тѣхъ* изъ *тѣ-съ*), *масло, весло*, изъ *мас-сло, вес-сло* (корни *маз-, вез-, суффиксъ -сло*), *от-врѣса, съ-траса* (3 л. мн. аор. отъ *врѣж, трасъ*, С. Тр. 93, Мар. Ев. 113 и др.), изъ *-врѣс-са, -трас-са*.

Неорганические согласные въ началѣ и серединѣ словъ. Согласные, возникшіе въ обще-славянскомъ языкѣ въ началѣ словъ передъ гласными, — *в* и *ј*.

Неорганическое *в* постоянно находится передъ *з* и *ы*: ц.-слав. и др.-русск. *въ*, *вън-* (предлогъ-префиксъ), изъ *з*, *зн-*, сравн. греч. *ἀνά, ἀν-*, лат. *an-*; *въз-* (предлогъ-префиксъ), сравн. лит. *uz-*; *въп-*ити, при *въз-*зпяти; *выдра*, изъ *ыдра*, сравн. греч. *ὕδρα*, лит. *ūdra* (выдра); *выкнжти* (Супр. р.), сравн. *учити*; русск. *въмя*, сравн. санскр. *ūdhaḡ*, греч. *οὐδάρ*, лат. *ūber*; русск. *въпль*, сравн. лотышск. *ūpis* филинъ. Сверхъ того, есть одно обще-славянское слово, гдѣ неорганическое *в* находится передъ *о*: *воня*, сравн. *ж-хати*, греч. *ἄν-εμος*, лат. *an-itus* и т. п.

Неорганической *ј* находился почти передъ каждымъ начальнымъ *а*, *е* (и *я*) и безъ исключенія передъ каждымъ начальнымъ *ѣ*: ц.-слав. и др.-русск. *язъ* (ъзъ Мар. Ев.), т. е. *јазъ*, изъ *азъ*, сравн. санскр. *aḡam*, лит. *až*; *явѣ*, *явити*, сравн. санскр. *āvis* открыто, лит. *ovije* на яву; *яице*, сравн. греч. *ὄβον*, латинск. *ō-vum*; *ядинъ*, изъ *единъ*, сравн. русск. *одинъ*; *яесень*, сравн. русск. *осень*, прусск. *asapis*; *яесмь*, *яесть* и т. д., сравн. санскр. *asmi, asti*, лат. *est*, лит. *esmi, esti*; *йма*, изъ *јма*, *ѣма*, сравн. прусск. *emens*, и т. п. Впослѣдствіи *одинъ* изъ говоровъ обще-славянскаго языка, предокъ церковно-славянскаго языка, утратилъ во многихъ словахъ *ј* передъ *а*. Союзъ *а* повидимому всегда былъ безъ *ј* (ни одинъ славянскій языкъ не знаетъ его съ *ј*), а также могло быть нѣсколько словъ, начинавшихся съ *е* и не принявшихъ *ј*: сравн. русск. *э-то*, *э-но* и т. п. и сербск. *е-то*, *е-но*.

Кромѣ того, неорганической *ј* находился: 1) передъ *ь*, который подъ его влияніемъ перешелъ въ *а*: ц.-сл. и др.-русск. *ядъ*, *ясли*, изъ *јьдъ*, *јьсли*; ц.-сл. и др.-русск. *язва*, рядомъ съ др.-русск. *ъзва* (Сказ. о Бор. и Гл. по сп. XII в.; Новгородск. лѣт. XIV в.), и т. п.; 2) передъ *ж*: *ж-родъ*, ср.-болг. *л-родъ* (*л* изъ *ж*), русск. *ю-родивый*, рядомъ съ *ж-родъ*, русск. *у-родъ*, срв. отрицательную частицу санскр. *an-*, греч. *ἀν-*; *ж-доль*, средн.-болг. *л-доміе*, русск. *ю-доль*, рядомъ съ *ж-доль*, сравн. греч. *ἀνά, ἀν-*; *жза* Святославовъ Сборн. 1073 г., ср.-болг. *аза*, др.-русск. *юзникъ*, совр. союзъ, при *жа*, *юзникъ*, сравн. греч. *ἄγυω*, лат. *angustus*, лит. *ankštās*; *жтрьнь* Святослав. Сборникъ 1073 г., *ютроба* сербск. Волканово Ев. XII

в. 5, вънутриному Слѣпченск. Ап. XII в. 14 об., жтроба Болонск. Псалт. XII—XIII в., польск. областн. *jętrzniца* кишка, чешск. *vnitř*, *vnitř*, при жтроба, русск. *внутри*, пол. *wnętrz*, сравн. лит. *antris*; *жхати, ср.-болг. благо-лхати, при жхати; срв. в-оня.

Впослѣдствіи обще-славянскій языкъ утратилъ во многихъ словахъ *j* передъ *ъ*, *ж*.

Древнѣйшій *j* передъ *ъ* не слѣдуетъ смѣшивать съ болѣе новымъ, который развился въ разныхъ славянскихъ языкахъ передъ *ъ*, но не превратилъ *ъ* въ *а*. Съ новѣйшимъ *j* мы имѣемъ дѣло, напримѣръ, въ древне-русскомъ *жѣсти*, которое пишется съ іотированнымъ *ъ* въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.

Случаи появленія неорганическаго *j* передъ *ѣ* неизвѣстны (ѣзеро и т. п. нельзя считать происшедшими изъ *јѣзеро*, *јозеро*, въ виду лит. *ežeras*). Причина возникновенія *j*-та передъ *ж* (точнѣе: передъ *ан*, *ан*) и невозникновенія передъ *ѣ* (откуда *о*) заключается, вѣроятно, въ томъ, что этотъ *j* появился тогда, когда *ѣ* безъ слѣдующаго носоваго уже перешло въ *о* или приблизилось къ *о*.

Согласныхъ, возникшихъ въ обще-славянскомъ языкѣ въ серединѣ словъ,—не болѣе двухъ; это—*т*, между *с* и *р*, и *д*, между *з* и *р*, явившіяся, вѣроятно, послѣ перехода *с* въ *х* и раньше перестановки плавныхъ.

Первое мы находимъ въ ц.-слав. и др.-русск. *остръ*, сравн. санскр. *aśris* (уголь), греч. *ἄσρος*, лат. *асег*, *acris*; въ пьстръ, срв. греч. *πῆρός*; въ струга, струя, о-стровъ, срв. санскр. *agavati* (течетъ), греч. *ῥέω* изъ **σρέγω*, *ἑρρύην* изъ **ἑσρύγην*; сестра. сравн. лат. *зогор* изъ *zosog*, лит. *sesū*, *sesers* (сестра). Литовскій языкъ также имѣетъ *t* между *с*, *с̄* и *г*: *aštus* (острый), *strovė*, *strovė* (теченіе), но вставка *т* въ немъ не выдержана (при *strovė*, напримѣръ, есть *strovė* и *stgava* теченіе), и потому нѣтъ основанія ставить ее въ связь со вставкою *т* въ обще-славянскомъ языкѣ и возникновеніе ея относить къ славяно-литовскому періоду; должно думать, что *т* между *с* и *р* развилось и въ обще-славянскомъ, и въ литовскомъ самостоятельно (ср. обще-слав. *хромъ*, *хржсть* изъ *ср-*). Надо замѣтить, что сочетаніе *ср*, образовавшееся на славянской почвѣ: ц.-слав. *срамъ*, *срачица*, *срѣда* и т. п., не имѣетъ вставочнаго *т*, за однимъ исключеніемъ, въ которомъ должно видѣть церковно-славянское новообразование: *страмомъ* (Син. Пс. 146).

Что до *д* между *з* и *р*, то его мы находимъ только въ сочетаніяхъ предлоговъ-префиксовъ на *з* со словами, начинающимися съ *р*: ц.-слав. и др.-русс. без-*д*-разума (= безъ разума), из-*д*-ръкъ (= изъ рукъ), из-*д*-решти, раз-*д*-рушити, раз-*д*-рѣшити и т. п. (из-ръкы С. Пс. 104, разрушение Мар. Ев. 21—новообразования). Необходимо имѣть въ виду, что сочетаніе *зр*, явившееся на общеславянской почвѣ послѣ перестановки плавныхъ, не имѣетъ вставочнаго *д*: ц.-сл. зракъ, при-зракъ, у-зрачїе (др.-русс. у-зорочье).— Постоянно встрѣчающееся въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ Израиль *Израїл* получило свое *д* уже въ церк.-славянскомъ языкѣ, вѣроятно, по аналогіи съ раздрушити и т. п.

Къ числу неорганическихъ согласныхъ въ серединѣ словъ не слѣдуетъ относить *д* въ ц.-слав. и др.-русс. ноздри (при носъ п лят. nasgai) и мяздра (сравн. мясо). Этотъ звукъ принадлежитъ суффиксамъ и находится въ такихъ словахъ, гдѣ о вставкѣ его не можетъ быть рѣчи: въ бе-дро (сравн. корень лат. fe-tur, fe-men), русск. пуз-дро при пузо, кж-дрь (сравн. родственные суффиксы греч. -δρον, лат. -brum, изъ обще-индо-европ. -dhr̥gam). Слав. мяздра, кромѣ окончанія, въ звуковомъ отношеніи тождественно съ лат. membrum (изъ memz-brum).

Исчезновеніе начальныхъ согласныхъ. Согласный *ј*, находившійся передъ *а*, *ъ*, *у*, *ж* въ началѣ словъ, въ обще-славянскомъ языкѣ во многихъ случаяхъ (но не всегда) исчезъ, безразлично, былъ ли это древній *ј*, или образовавшійся на обще-славянской почвѣ.

Опущеніе *ј* передъ *а* встрѣчается почти исключительно въ церковно-славянскомъ языкѣ (а вмѣстѣ съ нимъ и въ ново-болгарскомъ). Мы имѣемъ ц.-сл. акы, амо, изъ *ја*кы, *ја*мо и рядомъ съ *я*кы, *я*ко, *я*мо и т. п.; ц.-сл. азъ, изъ *ја*зъ и рядомъ съ *язъ* (изъ Мар. Ев.), др.-р. *язъ*; ц.-сл. айце, авити, агньць, агода, изъ *ја*- и рядомъ съ *я*-. Но также мы имѣемъ др.-р. (обычное въ Лаврент. сп. лѣт.) и кашебск. ако = *я*ко, сербск. ако (если), чешск. vajse изъ *aj*se = *я*йце.

Опущеніе *ј* передъ *ъ* совершилось въ обще-славянскомъ языкѣ въ огромномъ количествѣ случаевъ (наименьшее количество ихъ имѣлъ церковно-славянскій языкъ): ц.-сл. и русск. ъ-дѣ, ъ-хати, изъ *ј*ѣ-, рядомъ съ ц.-сл. ядѣ. *я*хати (сравн. лят. *jo-ti*); ъмь, изъ *ј*мь.

рядомъ съ ц.-сл. *ямь*, русск. *ядъ*, *ясли*; *ъзва*, изъ *јъзва*, рядомъ съ *язва*.

Опущеніе *j* передъ *y* особенно распространено въ церковно-славянскомъ и русскомъ яз.: ц.-слав. и др.-русск. *y*, *y*-же, польск. обл. *uż*, чешско-словацк. *už*, изъ *ю* и рядомъ съ ц.-слав. *ю*, сербск. *јур*, польск. *już*, при литовск. *јаи*; *унъ*, изъ *юнъ* и рядомъ съ *юнъ*, при лат. *juvenis*, лит. *јаунас*; *утро*, изъ *ютро*, рядомъ съ ц.-сл. *ютро*, сербск. *јутро*, пол. *jutro*; русск. *уха*, рядомъ съ сербск. *јуха*, польск. *jucha*, при санскр. *juśas уха*, лат. *јus*, лит. *јиše*.

Опущеніе *j* передъ *ж* мы знаемъ только въ одномъ достовѣрномъ примѣрѣ: ц.-сл. *жду* (между проч. Остром. Ев. 85), изъ *јду*, рядомъ съ *яду* (корень тотъ же, что въ мѣстоименіи *и*, въ *яко* и др.); но трудно сомнѣваться въ томъ, что это явленіе было значительно распространено.

Время опущенія *j* (по крайней мѣрѣ передъ *ъ*) можно опредѣлить приблизительно: оно произошло тогда, когда группа *јъ* еще не перешла въ *ја*, и потому при опущеніи *j* передъ *ъ* получился *ъ*, а не *а*.

Согласный *в*, находившійся передъ *о* въ обще-славянскомъ *оса* (сравн. лит. *varpa*), также исчезъ изъ произношенія, и это слово во всѣхъ славянскихъ языкахъ обыкновенно начинается съ *о*.

Исчезновеніе конечныхъ согласныхъ. Всѣ согласные, находившіеся въ концѣ словъ и не вошедшіе, подобно *м* и *н*, въ составъ носовыхъ гласныхъ, въ одну изъ эпохъ обще-славянскаго періода (едва ли въ очень древнюю) исчезли изъ произношенія, и такимъ образомъ всѣ слова обще-славянскаго языка стали оканчиваться на чистые или носовые гласные: ц.-слав. и др.-русск. *вълкъ* стало оканчиваться на *ъ*, вмѣсто *с* (*вълкъс*), сравн. санскр. *vṛkas* (*волкъ*, им. ед.), греч. *λύκος*, лат. *lupus*, лит. *vilkas*; ц.-слав. и др.-русск. *небо* — на *о* вмѣсто *с* (*небос*), сравн. санскр. *nabhas* (*небо*, им.-вин. ед. ср. р.), греч. *νέφος*, лат. *genus*; ц.-слав. и др.-русск. *небеса* (род.) — на *е* вмѣсто *с* (*небесес*), сравн. санскр. *nabhasas* (род. ед.), греч. *νέφε(σ)ς*, лат. *generis*; ц.-слав. и др.-русск. *веде* (2 и 3 л. ед. аор.) — на *е*, вмѣсто *с* и *т* (*ведес*, *ведет*), срв. санскр. *abhasas*, *abhasat* (имперфектъ, 2 и 3 л. ед., = *несъ*), греч. *ἔφερες*, лат. *ferebas*, *ferebat*; ц.-слав. и др.-русск. *ю* (3 л. ед. наст. вр. отъ *юсмь*) — на *е* вмѣсто *ст*,

сравн. лат. *est*; др.-русск. *я* (при ц.-слав. *азъ*, др.-русск. *язъ*)—на *a* вмѣсто *z* (= *яз), сравн. лит. *азъ*, латышск. *ez*.

Но нѣсколько словъ обще-славянскаго языка сохранили свои конечныя согласныя. Это — предлоги *безъ*, *възъ*, *изъ*, употребляющіеся постоянно въ самой тѣсной связи со слѣдующими за ними именами и мѣстоименіями и составляющіе какъ бы часть этихъ послѣднихъ; въ нихъ мы нерѣдко находимъ ихъ конечный согласный ассимилированнымъ съ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова; сверхъ того, древне-русскія нотныя книги въ огромномъ большинствѣ случаевъ пишутъ ихъ безъ *z*: *изъ* истыльнѣня, *изъ* усть, *изъ* утробы, *изъ* гроба, *безъ* мужа, *безъ* печали. Родственные языки показываютъ, что отсутствіе въ этихъ предлогахъ *z*-ра исконно: сравн. *безъ* съ латышск. *bez* (литовск. *be* соответствуетъ нашему *бе*: *бе* грѣха Свят. Сб. 1073 г. 57; *бе*-успѣшна др.-р. Слова Григор. Бог. XI в. стр. 190; *бе* раздѣления др.-р. Слова Кирилла Іерус. XI—XII в. 40; *бе* псалтырнаго пѣнія др.-р. Уставъ церк. XII в. Син. Б. N 330, 5 об.); *възъ* — съ лит. *uz*, латышск *uz*; *изъ* — съ лит. *iz*. Впрочемъ, рядомъ съ *безъ*, *изъ* мы встрѣчаемъ изрѣдка также *безъz*, *изъz* (почти исключительно при слѣдующемъ словѣ съ начальнымъ твердымъ гласнымъ), какъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ: *безъz* осуждениѣ, *изъz* основаниѣ С. Тр. 30, 100, *безъz* отца Супр. р. 7, такъ и въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ: *безъz* отца, *безъz* огня Стихирарь ок. 1163 г. 14, 30 об., *изъz* утробы, *безъz* очию Трїодъ Саввина до 1226 г. 163, 164. Сверхъ того, встрѣчается даже *безо*, *изо* (при слѣдующемъ словѣ съ начальнымъ *o*): *безо* отца, *изо* облака Зогр. Ев. 13, 101; *безо* отца, *изо* обоуж др.-р. Слова Григор. Бог. XI в. стр. 111, 115; *изо* олтаря Сказ. о Бор. и Гл. по сп. XII в. 11 об. Здѣсь *o*, вѣроятно, изъ *z*, слѣдствіе ассимиляціи *z* съ *o* (хотя мы постоянно читаемъ: *въ* оно врѣмѣ, *въ* отца, *къ* отцю и т. п., а не *во* оно...).

Если эти предлоги, имѣющіе извѣстную долю самостоятельности въ рѣчи, сохраняютъ свой конечный согласный, то конечно, они сохраняютъ его и тогда, когда употребляются въ значеніи префиксовъ. Здѣсь имъ слѣдуютъ также другіе префиксы: ц.-слав. *разъ-*, *отъ-*, *объ-* (др.-русск. нотныя книги: *изъ*бавити, *изъ*воливъ, *изъ*гнанъ, *изъ*лияти, *изъ*нуривъ, *възъ*вратити, *възъ*держаніе, *безъ*грѣшнъ, *разъ*боникъ, *расъ*пяти, *отъ*рокъ, *обна*женъ, *обно*вити, *обла*къ, *облѣ*жъ, *обрѣ*сти, *обра*щю).

Впрочемъ надо замѣтить, что предлоги-префиксы *отъ* и *объ* нерѣдко имѣютъ *з*: *отъзѣща* Остр. Ев. (всегда съ *з*, при *отъзрзохъ* и т. п. почти всегда безъ *з*), *отъзѣпати* Остр. Ев. (чаще, чѣмъ *отъ-*), *отъзѣти* Асс. Ев. 168, Остр. 269 об., *объимъ* Остр. и др. Рядомъ съ *отъ* и *объ* встрѣчаются *оти-*, *объ-*, *оби-*: *оби-ходъ*, *обиходити* С. Тр. 162, Богословіе Іо. Дам. XII в. 152. Конечный *з* въ *объ*, *отъ*, вѣроятно, ведетъ начало изъ древности (такъ что *от* и *отъ* въ обще-славянскомъ языкѣ равно древни: срв. лит. *at-* и *ata-* *от-*); что же до *з* въ *безъ*, *изъ* и *пр.*, то оно едва ли не возникло на славянской почвѣ, прежде всего вслѣдствіе стеченія согласныхъ и отсутствія ассимиляціи между ними.

Предлогъ-префиксъ *ц.*-слав. *чрьсь*, др.-русск. *чересь* (въ древности всегда съ *с*) въ памятникахъ церковно-славянскаго языка обыкновенно пишется съ *з*.

Что до предлоговъ-префиксовъ *съ*, *въ* (рядомъ съ *сж-* въ *сжсѣдъ* и т. п., лит. *san-*, и съ *ж-* въ *ждоль* и т. п.), то они въ древности оканчивались на *н*, который въ однихъ случаяхъ исчезъ, въ другихъ — вошелъ въ составъ носоваго гласнаго, въ третьихъ — сохранился. Его мы видимъ въ сочетаніяхъ этихъ предлоговъ-префиксовъ съ мѣстоименіемъ *и* и вообще съ словами, начинающимися гласнымъ, особенно мягкимъ, или *ј*: *съи-имъ* (твор. ед. *отъ и*), *съи-имати*, *съи-орити* (др.-р. Слова Кирилла Іерус. XI—XII в. 50 об.); *въи-ь* (вин. ед.), *въи-емь* (мѣстн. ед.), *въи-уши* = въ уши (вин. дв., Син. Пс. 28), *въи-ихъ* же рѣжу (С. Пс. 49), *въи-его* любви (Остр. Ев. 169), *въи-егда*, *въи-имати*, *въи-ушѣти* и т. п. Это *н* мало по малу перешло въ сочетанія другихъ предлоговъ-префиксовъ съ мѣстоименіями и глаголами, такъ что въ церковно-славянскихъ и древнерусскихъ памятникахъ мы находимъ: *отъ-н-его*, *къ-н-ему*, *по-н-емь* (мѣстн.), *объ-н-емь*, *по-н-имати*, *до-н-ьдеже* (рядомъ: *доидеже*), даже: *сквозъ-н-а* (С. Тр. 83), *имѣ н-ихъ* (Син. Пс. 23).

VI. Церковно-славянскія измѣненія звуковъ.

Здѣсь мы будемъ говорить о тѣхъ звуковыхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣлъ церковно-славянскій языкъ послѣ выдѣленія своего изъ обще-славянскаго языка и до перехода въ языкъ средне-болгарскій. Одни изъ нихъ совершились въ самомъ церковно-славянскомъ языкѣ; другія, по преимуществу новѣйшія, произошли въ отдѣльныхъ болгарскихъ говорахъ, которыми говорили писцы дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ. Часть церковно-славянскихъ звуковыхъ измѣненій имѣла мѣсто въ до-историческую эпоху, закончившуюся временемъ Кирилла и Меѳодія и ихъ ближайшихъ учениковъ; часть относится къ исторической эпохѣ, которая можетъ быть названа также эпохою послѣ-кирилло-меѳодіевскою. Она закончилась временемъ написанія извѣстныхъ намъ церковно-славянскихъ памятниковъ.

1. Измѣненія звуковъ въ до-историческую эпоху.

Звуки церковно-славянскаго языка до-исторической эпохи мало отличались отъ звуковъ эпохи исторической. Въ эту эпоху, вѣроятно, совершились:

исчезновеніе древнихъ долгихъ гласныхъ (древніе долгиіе *a*, *y*, *ы* и др. стали произносятся по количеству одинаково съ древними краткими—*e*, *o*, ударяемыми *ъ*, *ь* и др.);

переходъ *ъ* въ *a* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (т. е. въ *я*): слова *дъло*, *цъль* и т. п., прежде имѣвшія открытое *e*, стали произносятся *дъло*, *цъль*;

измѣненіе обще-славянскихъ носовыхъ *o* и *e* въ тѣ звуки, которые въ церковно-славянскихъ памятникахъ изображаются *ж* и *д*;

измѣненіе обще-слав. *ъ*, тождественнаго или близкаго по качеству къ современному русско-польск. грубому *ъ* (*ʹ*),—въ среднее *ъ* (исторія славянскихъ языковъ, особенно чешскаго, показываетъ, что среднее *ъ* развилось въ нихъ изъ грубаго *ъ*);

исчезновеніе *ј* въ серединѣ словъ всего чаще передъ *а* и *ж*: древнія *имајамъ*, *дѣлајахъ*, *несѣјахъ* (срв. современн. ново-болг. *живѣяхъ*, сербск. *несијах*) превратились въ *имаамъ*, *дѣлаахъ*, *несѣахъ*; *дајати*, *сѣјати* — въ *даати*, *сѣати*; *добраја* (им. ед. женск., им.-вин. мн.)—въ *добраа*; *гоненија* (род. ед.)—въ *гонениа*; *женож* (твор.) — въ *женож* и т. п.; срв. ново-болг. западн. *оваа* = *овалъ*, *пеалъ* = *пѣвалъ*, *пѣлъ*, *живеалъ*, *даваатъ* = *даважтъ*, *неа* = *неж* и т. п. Исчезновеніе *ј*-та не было обязательнымъ; поэтому, рядомъ съ *даати*, *добраа*, *гонениа*, мы находимъ въ церк.-славянскомъ языкѣ (равно какъ и въ ново-болгарскихъ западныхъ говорахъ) — *нерѣдко* *даяти* (*дайти*), *добрая* (*добраѣ*), *гонениа* (*гонениѣ*) и *женож*; мы встрѣчаемъ изрѣдка даже *видѣохъ*, *растѣохъ*, *бѣохъ* и т. п. (Супрасл. р. 13, 19, 34; *имаамъ*, *имаамъ* и *дѣлаахъ*, *дѣлаахъ* неизвѣстны). Сверхъ того, *ј* долженъ былъ исчезнуть въ формахъ членныхъ прилагат. и мѣстоименій въ родѣ *добра-јега*, *добрѣ-јему*, *добрѣ-јемъ*, *добрѣ-јимъ*, *добрѣ-јимъ*.

Наконецъ, къ до-исторической эпохѣ могутъ относиться слѣдующіе случаи *ассимиляціи* и *стяженія гласныхъ*.

Группа *aje* (черезъ *ae*) перешла въ *aa*, откуда получилось одно *a*. Это имѣло мѣсто въ формахъ 1) род. ед. муж.-ср. р. членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій и 2) настоящаго времени глаголовъ на *ати*, особенно 3 л. ед.

Большая часть церк.-славянскихъ памятниковъ имѣетъ формы род. п. исключительно съ окончаніемъ *ааго* (*ъаго*) или *аго*: *добрааго*, *добрааго*; такъ, Саввино Ев. имѣетъ формы род. па *аго*, Ассеманово и Остромирово Ев., Синайскій Требникъ, Супрасльская рук., Клоцовъ Сборникъ — на *ааго* и—рѣдко—на *аго*, древне-русскія нотныя книги постоянно—на *ааго*; въ стихотвореніи Константина Болгарскаго мы читаемъ: *живѣштаго*. Но рядомъ съ этими окончаніями мы находимъ окончаніе *аего*, не подвергнувшееся ассимиляціи: Зографское Ев. имѣетъ обыкновенно формы род. на *аего* (*добраево*); они попадаютъ изрѣдка также въ Синайской Псалтыри, Маріинскомъ

Ев. (рядомъ съ формами на *ааю*) и въ некоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ (особенно часто въ Парижскомъ Стихирарѣ XIII в.).

Одна часть церк.-славянскихъ памятниковъ (и съ ними древне-русскія нотныя книги) совсѣмъ не знаетъ глагольныхъ формъ съ *аа* изъ *аје*; другая имѣетъ ихъ—исключительно 3 л. ед.—въ самомъ ограниченномъ количествѣ (Зографское, Саввино, Ассеманово Ев.): *съкнѡчаатъса*, *подобаатъ*, *прѣжаатъса* Зогр. 2, 100, 101; третья, напротивъ, богата подобными формами 3 л. ед. ч., изрѣдка формами 2 л. ед. и 2 л. множ. Это—Супрасльская рук. и Маріинское Ев.: *умираатъ*, *съпрѣбываатъ*, *подобаатъ* Супр., *събираатъ*, *разумѣваатъ*, *растачаатъ* Мар., *прѣбывааша* Супр. 36, *познаате*, *даате*, *гнѣваатеса* Мар. (рядомъ формы на *аеть* и т. п.). Отмѣтимъ въ Хиландарскихъ Листкахъ форму *въстааша*, въ Син. Псалтыри формы *обладатъ*, *повѣдаша* 43, 106. Можно было бы думать, что глагольныя формы на *аатъ* и т. п. отличаются отъ формъ на *аамъ* не присутствіемъ ассимиляціи *е* съ *а*, а глагольными суффиксами, и что въ формахъ на *аатъ* мы имѣемъ дѣло съ глаголами типа *имаамъ*, 3 л. ед. *имаатъ*, если бы церковно-славянскіе памятники, тѣ, въ которыхъ часты формы въ родѣ *събираатъ*, не имѣли постоянно формъ глагола *имаамъ* со стяженіемъ звуковъ: *иматъ* (ни разу: *имаатъ*), и если бы различіе звуковъ въ формахъ *събираатъ* и *иматъ* не указывало на различіе ихъ образованія.

Стяженіе *аа* (изъ *аја*) въ *а* обычно въ формахъ имперфекта и въ глаголѣ *имаамъ*. Церковно-слав. памятники (кромя Остромирова Ев.) имѣютъ имперфектъ и на *ахъ* (обыкновенно), и на *аахъ* (древне-русскія потныя книги исключительно на *аахъ*), а глаголъ *имаамъ* постоянно, съ однимъ *а* (потныя книги имѣютъ въ этомъ глаголѣ также постоянно одно *а*). Сравни въ ново-болгарскомъ яз. рядомъ: *знаамъ* и *знамъ* (знаю), *викаатъ* и *викатъ* (изъ *викатъ*, 3 л. мн.; Arch. f. sl. Ph. XIII, 544, 546).

Группа *ъје* (черезъ *ъе*) перешла въ *ъь*, *ъа*, откуда *ъ*. Это имѣло мѣсто въ формахъ 1) мѣстн. ед. муж.-ср. р. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій и 2) глаголовъ на *ъти*.

Изъ церковно-слав. памятниковъ одна Супрасльская рук. имѣетъ очень часто формы мѣстн. ед. на *ътъмъ*: на дрѣвѣ крѣстьнътъмъ и т. п., и одно Ассеманово Ев. часто формы на *ъамъ*: друзътамъ и т. п. Остальные церк.-славянскіе памятники имѣютъ здѣсь окончаніе

или *нѣмь* (Зогр., Остр., Мар. Ев., Син. Пс.), или *нѣмь* (С. Тр.); нотныя книги—за самыми ничтожными исключениями (Стихирарь Ак. Н. XII в.: о видимъльмъ 106 об.)—окончаніе *нѣмь*.

Большая часть церк.-славянскихъ памятниковъ не знаетъ глагольныхъ формъ на *нѣтъ* и т. п., но они нерѣдки въ Маріинскомъ Ев.: *успѣать*, *сѣблажнѣать* (рядомъ съ формами на *нѣтъ*). Супрасльская рукоп. имѣеть нѣсколько разъ форму 2 л. ед. *днѣши* 225, 227, 231, 232, 256; Маріинское Ев.—небольшое количество формъ 2 л. мн.: *имѣате*, *умѣате* и т. п. Въ Зографскомъ Ев. мы находимъ: *ицѣлѣтъ*, *напѣлѣтъ* 94, 112, = *-нѣтъ*.

Сверхъ того, въ Маріинскомъ Ев. встрѣчается форма сравнител. степ. *добрѣа* 61, 62, 99.

Стяженіе *на* (изъ *нѣа*) въ *нѣ* обычно въ формахъ имперфекта; о немъ должно сказать то же, что сказано выше о стяженіи въ тѣхъ же формахъ *аа* въ *а*.

Группа *иѣ* перешла въ *и*, откуда *и*, въ формахъ мѣстн. ед. муж.-ср. р. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій. Это *и* мы видимъ сравнительно рѣдко: на послѣднѣмъ мѣстѣ Зогр. 113, въ заутрѣннѣмъ сѣвѣтѣ С. Тр. 90 и т. п. Обыкновенное окончаніе мѣстн. ед. въ церковно-слав. памятникахъ и постоянное въ нотныхъ книгахъ—*имѣ*.

Группа *иѣ* (черезъ *уѣ*) перешла въ *уу*, откуда *у*. Это имѣло мѣсто въ формахъ 1) дат. ед. муж.-ср. р. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій и 2) 3 л. ед. ч. настоящ. вр. глаголовъ на *овати*.

Одна часть церк.-славянскихъ памятниковъ имѣеть формы дат. ед. съ окончаніями *ууму* (*юуму*) и *уму* (*юму*): *добрууму*, *добруму*; другая (Савв. Ев., Син. Тр., Клоц. Сб.)—только съ окончаніемъ *уму*; древне-русскія нотныя книги знаютъ эти формы лишь съ окончаніемъ *ууму* (или съ его видоизмѣненіями — *уому*, *оому*); стихотвореніе Константина Болгарскаго имѣеть рядомъ: *просаштууму* и *прѣсватууму*. Только Зографское Ев. обыкновенно употребляетъ формы на *уему*: *добруему*, да такія же формы изрѣдка встрѣчаются въ Син. Псалтыри и Маріинскомъ Ев.

Одно Маріинское Ев. имѣеть нѣсколько формъ 3 л. ед. на *уутѣ*: *вѣруутѣ*, *трѣбуутѣ*, *радуутѣса*.

Стяженіе *ыји* (черезъ *ыи*) въ *ы* и *ији* (черезъ *ии*) въ *и* произошло въ значительномъ количествѣ случасвъ въ формахъ им.-вин. ед. муж. р., твор. ед. муж.-ср. р., дат.-тв. дв., род., дат., тв., мѣстн. мн. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій, а также въ рядѣ другихъ именныхъ и мѣстоименныхъ формъ, въ формахъ повелит. накл. и т. п.

Формы им.-вин. ед. муж. въ родѣ мадры, прѣвы, крѣпли мене Зогр., чи есть сынъ Мар. въ церковно-славянскихъ памятникахъ нерѣдки; изъ нихъ нѣкоторые (Савв. и Мар. Ев., С. Тр.) имѣютъ ихъ очень часто. Рядомъ съ ними мы находимъ въ церк.-славянскихъ памятникахъ формы на *ыи* и *ии* (добрыи), *зи* и *ыи* (добрзи), *ои* и *еи* (доброи). Нотныя книги и стихотвореніе Константина Болгарскаго не знаютъ формъ на *ы* и *и*.

Формы тв. ед., дат.-тв. дв. и другихъ падежей въ родѣ добрымъ, добрыхъ, крѣплышимъ — въ церк.-славянскихъ памятникахъ явленіе обычное; рядомъ съ ними, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, въ тѣхъ же памятникахъ находятся формы на *ыимъ* (добрымъ), *зимъ* (добрзимъ), *имъ* (крѣплышимъ) и т. п. Нотныя книги знаютъ только не стяженные формы — на *ыимъ* и т. д. У Константина Болг. при трехъ формахъ безъ стяженія: *видимымъ*, *невидимымъ*, *живѣштимъ*, мы видимъ одну со стяженіемъ: *шестокрилатыхъ*.

Формы въ родѣ: о *вы* = о *выи* Зогр. 63, *умы* = *умыи* (повелит. накл.) Зогр. 6, *мъни* (им. ед.) Зогр. 35, *бали*, *сѣди* Кл. Сб. 15, 22, въ оржѣ, братѣ моеѣ (дат.) С. Пс. 174, 139, въ цѣсарствѣ Л. Унд., о въскрѣшени, на распѣтихъ Мар. 81, 15, *убимъ* (повел. н.) Мар. 77, *уби* (пов.) С. Пс. 122, *чловѣкоубица* Зогр. 152, *убица* Мар. 78, *примѣ* С. Пс., особенно: *приде* = *придеи*, — нерѣдки въ церк.-слав. памятникахъ и находятся въ нихъ рядомъ съ формами безъ стяженія, съ сохраненіемъ *ыи* (*зи*), *ии* (*ыи*). Несомнѣнно, они получили начало прежде, чѣмъ произошло исчезновеніе *з*, *ь* и *и*, т. е. прежде, чѣмъ явились формы *мыѣ*, *убиѣца* и т. п. Нотныя книги знаютъ стяженіе только въ глаголѣ *придѣ*, который въ нихъ пишется всегда съ однимъ *и*.

Сравни ново-болгарскія и сербскія формы им. ед. членныхъ прилагательныхъ въ родѣ добри (*и* изъ *ы*), злати, вели, сербск. формы род. мн. въ родѣ речи (= рѣчей) и т. п.

Наконецъ, къ кирилло-меѳодіевской эпохѣ могутъ относиться слѣдующія явленія въ заимствованныхъ изъ греческаго яз. словахъ:

вставка глухаго (з или ъ) между двумя согласными: ангелъ, псалмъ (откуда позже псаломъ), псалтырь, Капернаумъ. Въ древнерусскихъ нотныхъ книгахъ эти з и ъ имѣютъ надъ собою нотные знаки: Вакъхъ, Таръхъ, Викторъ, талантъ Стихирарь XII в. Акад. Н. 30 об., 32, 49, 68, и т. п.;

переходъ о въ е подъ влияніемъ j: Иерданъ Ἰερδάνης, Иевъ Ἰώβ (согласный j здѣсь и въ Ияковъ, Июда, точно также какъ з въ Измаиль, и въ аллилуйи, Евя Еѳа и др., вѣроятно, перешелъ въ церк.-славянскій яз. изъ греческаго);

переходъ е въ о послѣ е, ъ подъ влияніемъ отсутствія j: геона γέοννα, Виелеомъ Βηθλεέμ. Съ этимъ переходомъ находится въ связи то обстоятельство, что слова въ родѣ архіерѣи, иудеи въ церк.-славянскихъ памятникахъ обыкновенно имѣютъ формы твор. ед., дат. тв. дв., дат. мн. съ окончаніями формъ твердаго склоненія: архіерѣомъ и т. п. (также прилагат. архіерѣовъ, дат. ед. архіерѣови; срв. род. дв. архіереу Асс. и др.).

2. Измѣненія звуковъ въ историческую эпоху.

Исчезновеніе глухихъ гласныхъ. Глухія з и ъ, а также чистое и, въ кирилло-меѳодіевскую эпоху сохраняли гласное произношеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они слышались въ обще-славянскомъ языкѣ.

Эпоха послѣ-кирилло-меѳодіевская началась исчезновеніемъ глухихъ и и въ концѣ и середнѣй словъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они были безъ ударенія и гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало сохраненія между ними гласнаго. Такимъ образомъ исчезли з въ богъ, множь, ъ въ конъ, вѣсс, и въ мои и т. п. и приведенныя слова стали звучать бог, множь, кон', все, мой. Сверхъ исчезновенія несударяемыхъ глухихъ и и, кое-гдѣ исчезли глухіе и и ударяемые: въ формахъ им.-вин. ед. въ родѣ бѣдръ (срв. лит. būdrys), мѣстн. ед. въ родѣ сынѣхъ (ср. лит. sūnūs), томъ (срв. лит. tamė), въ им. ед. муж. р. мои (срв. ударенія въ русск. им. ед. женск. и ср. р. мой, моё). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ влияніемъ большаго

числа формъ лишившихся неударяемаго глухаго или *и* на немногія однородныя формы съ ударяемымъ глухимъ или *и*. Впрочемъ нѣсколько словъ, благодаря особымъ условіямъ, пѣкоторое время, кажется, сохраняли конечные ударяемые глухіе; это — мѣстоименіе *всь* и существительныя *всь* и *днь*. Мы читаемъ: *всь* миръ, *всь* градъ, *всь* народъ, съборъ *всь* Савв. Ев. 2, 16, 39, 87 и т. п., *всь* миръ Зогр. 19 и т. п., въ *всь* Савв. 85, Зогр. 102 и т. п., въ прочи *днь*, на в'сѣкъ *днь* Зогр. 101, 105 и т. п. Сверхъ того, глухіе въ концѣ словъ сохранились (или перешли въ чистые), когда за словами слѣдовали мѣстоименія *тъ*, *сь*, *и*, т. е. въ случаяхъ въ родѣ рабъ-тъ, рабъ-сь, видить-и.

Въ то время, къ которому относятся дошедшіе до насъ церковно-славянскіе памятники, *з*, *ѣ* и *и* какъ гласные звуки уже очень часто не существовали. Всѣ памятники имѣютъ нѣкоторое количество словъ съ опущеніемъ *з* и *ѣ* (*и* обыкновенно сохраняется, но означаетъ *ј* и потому не составляетъ слога), но въ однихъ памятникахъ это опущеніе встрѣчается рѣже (въ Зогр., Савв. Ев., особенно въ Остр. Ев.), въ другихъ очень часто (особенно въ Асс. Ев.). Если мы возьмемъ Зографское Ев., то въ самомъ началѣ его найдемъ: съкончати вм. съкончѣ-, всѣжж вм. всѣ-, о всемъ вм. о всѣ-, колми, щѣтеса, никто же, многа, колижедо, мажка, псано, оправдеса и др. Въ Ассемановомъ Ев. мы читаемъ, рядомъ съ многочисленными случаями отсутствія *з* и *ѣ* въ родѣ съказаетса, все,—также случаи въ родѣ: сих ли не вѣси 6, градѣтъ къ нему 8, чѣтъ сына, правѣдеп есть, градет година, имат живогѣ 11, Моси даст вам хлѣб с небесе 16, крѣвъ моѣ 19. Кромѣ того, изъ тѣхъ *з* и *ѣ*, которыя мы видимъ въ памятникахъ, конечно, многія не означаютъ уже никакого звука. Такъ, въ мѣнож, рядомъ съ множ, или въ вѣсе, рядомъ съ все, *з* и *ѣ* — буквы, лишены всякаго звуковаго значенія, которыя перешли въ церк.-слав. памятники изъ ихъ древнихъ оригиналовъ, написанныхъ еще тогда, когда *з* и *ѣ* означали звуки.

Понятно, если *з* и *ѣ* рѣдко были только буквами безъ всякаго значенія, писцы могли ставить ихъ тамъ, гдѣ звуки *з* и *ѣ* никогда не слышались. Такое *з* мы не разъ находимъ въ Зографскомъ Ев. и другихъ памятникахъ въ словѣ сзребро (нотныя книги всегда: сребро, безъ *з* или *ѣ* послѣ *с*); здѣсь мы имѣемъ дѣло едва ли не съ попыткою писцовъ осмыслить это слово; такія же *з* и *ѣ* мы нахо-

димъ въ азкати, въ кожда, вънегда, осъноваль С. Пс. 3, 9, 108, 281, въскрьсѣнеть Савв. 36 и т. п.

Переходъ глухихъ въ чистые. Значительное количество словъ перк.-слав. языка имѣло по два глухихъ или глухой и *и* въ слѣдующихъ одинъ за другимъ слогахъ: сѣнз, вѣнз, вѣсь, сильнз, вѣрнз, шѣдз, живзи и т. п. Исчезновеніе глухаго или *и* во второмъ (послѣдующемъ) слогѣ повело къ проясненію глухаго въ первомъ слогѣ и къ переходу его въ соотвѣтствующій чистый, т. е. къ переходу з въ *о*, ѣ въ *е*; такъ обр. сѣнз превратилось въ сон (пишется въ памятникахъ по традиціи — сонз), вѣсь въ вес' (пишется по традиціи — весъ или весз), сильнз въ силен, живзи = живѣји (им. ед.) въ живој. Примѣры: праведнымъ, сжчець, темницѣ, бѣсенъ, подобенъ Зогр. Ев.; крѣпокъ, пѣсокъ, сонъмомъ (дат.), ложь, правденъ, бурень, непорочень, четьжъ, конецъ, телець, морескъ, день (им.-вин.), весъ, сънемъ Син. Пс.

Можно отмѣтить, между прочимъ, слѣдующіе случаи перехода глухихъ въ чистые:

въ префиксахъ и предлогахъ: вонъми (изъ взъми), возъвахъ (изъ взъвахъ), солъгаша, во спасенъе (изъ въ сѣп-), во сѣмръти, подо множ, прѣдо мънож, ото всѣхъ Син. Пс., во ть часъ Мар. Ев. и т. п.; въ послѣднихъ примѣрахъ *о* изъ з принадлежитъ предлогу, а исчезновеніе глухаго произошло въ началѣ слѣдующаго слова;

въ формахъ им.-вин. ед. существительныхъ съ мѣстоименіями *тз* и *сѣ*: дне-сѣ, родо-сѣ, позоро-сѣ Зогр. 5, 35, 133, ученико-тъ, народо-сѣ, образо-сѣ Асс. 39, 40, 57 и т. п.; здѣсь конечный глухой существительнаго перешелъ въ чистый подъ влияніемъ исчезновенія з или ѣ въ мѣстоименіи;

въ формахъ им.-вин. ед. муж. р. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, по преимуществу членныхъ: огнь негашъштеи, вѣкъ градъштеи Зогр. 64, 65, грѣшьной, нечѣстивоі, прѣподобъноі, лж-кавоі, истръгоі (прич.), изведоі, сѣздавоі, вышьнеі, нищеі, велѣи и т. п. Син. Пс.; въ Син. Требникѣ всѣ формы им. ед. причастій прошедшаго времени, кромѣ одной, оканчиваются на *еи*: явлені;

въ формахъ род. мн. существительныхъ: людѣи, печалѣи, плѣтѣи, скръбѣи, сѣвѣдѣнеи, знаменѣи, спасенѣи Син. Пс., дѣтѣи, врачѣи, трѣи Асс. 52, 144, 41;

въ формахъ 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр. и 3-го л. ед. аориста въ соединеніи съ мѣстоименіями *и* (вин. п.) и *съ* (имен.): *сѣмѣрито-и*, *избавито-и*, *спасето-и*, *въсхвалато-и*, *полато-и* Син. Пс. 16, 40, 143, 175; *лежито-съ* Асс. 159;

въ формахъ 1-го л. ед.: *прѣдаме-и* Мар. Ев. 48;

въ формахъ 1-го л. мн.: *убіймо-и* Асс. 58; *пожрѣхомо-и* Син. Пс. 72.

Кромѣ этихъ случаевъ, замѣчательно употребленіе *е* вм. *ѣ* въ формахъ косвенныхъ падежей мн. ч. причастій: *посѣлавѣшемъ*, *глаголющешихъ* Зогр., *искъшптеихъ*, *сѣгрѣшавшптеимъ* С. Пс., *ѣдшеимъ*, *понесѣшемъ* Мар.; рядомъ съ подобными формами съ *е* вм. *ѣ* (срв. величающымъ др.-р. Путятина Минея XI в. 100 об.), въ древнѣйшихъ русскихъ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ — въ Евгеніевой Псалтыри, въ Путятиной Минеѣ XI в. и т. п. — мы находимъ формы съ *о* вм. *ѣ* въ родѣ вѣрныхъ Пут. Мин. 54; это показываетъ, что *е* формъ косвенныхъ падежей или образовалось изъ *ѣ*, такъ что *ѣдшеимъ* = *ѣдпеимъ*, *ѣдшеймъ*, или — скорѣе — перешло въ эти формы изъ другихъ формъ (вин. ед. на *ей* или им. мн. на *еи*). Сравни форму мѣстн. мн. каменехъ Мар. Ев. 42 (отъ каменье?) и другую странную ф. того же пад. людеихъ Зогр. 159 (рядомъ: на съборищихъ Остр. Ев. 80).

Наконецъ можно отмѣтить *о* и *е* въ *во-инж* (= *выну*) Син. Пс. 72 и въ заимствованныхъ словахъ: *псаломъ*, *псаломъ*, *Таверь* С. Пс. 20, 159, 197, *Петерь* Асс. 175, *Павель* Кл. Сб. 8 п др., *оцеть* С. Тр. 92.

Переходъ *ѣ* въ *е* въ нѣсколькихъ случаяхъ послужилъ причиною замѣны *и* черезъ *е*. Глаголь *имж* съ родственными словами въ общеславянскую эпоху имѣлъ *и* въ корнѣ (изъ *ѣ*), если передъ корнемъ (въ префиксѣ) не было согласнаго, и *ѣ*, если передъ корнемъ былъ согласный: *имж*, *имъше*, *приимж*, *заимодавъць* и *възмж*, *възмъ*, *сънъмъ*. Этотъ *ѣ* иногда перешелъ въ *е* и такъ обр. получилось *вземъ*, *снемъ*. Последнія слова передали свое *е* тѣмъ словамъ того же корня, въ которыхъ былъ гласный *и*, вслѣдствіе чего явились слова *ѣмъше* Супр. 29, *поемы-и* (прич.) Мар. 143, *приемъ* (прич.), *наемъникъ*, *богопріемца* Асс. 4, 8, 78, 85, 160, *заемодавъць* С. Пс. 246, *лихоємство* 267, даже: *емати* Савв. Ев. 27, *пріемати* Асс. 8, *пріемаста* Супр. р. 335 (въ тѣхъ же памятникахъ: *имъше*, *наимъникъ*

и т. п.). Точно также суффиксъ *имъ* (съ *и* изъ *ъ*) употреблялся рядомъ съ суфф. *ымъ*: *достомъ*, *гноимъ* и т. п.—*силемъ*, *буремъ* и т. п. Звукъ *е*, образовавшійся въ *силемъ* и друг., былъ переданъ этими словами словамъ въ родѣ *достомъ*, и въ послѣднихъ стало слышаться *е*: *недостоемъ* С. Тр. 127 и др.

Цѣлый рядъ церк.-слав. словъ и формъ звучалъ то съ *ъ*, то съ *и*: *явленемъ* и *явленіемъ*, *людь* и *людми*. Понятно, чистый, образовавшійся въ словахъ съ *ъ* вслѣдствіе исчезновенія этого *ъ*, явился въ тѣхъ же словахъ и тогда, когда въ нихъ было *и* и когда въ нихъ не могло имѣть мѣста исчезновеніе глухаго. Напримѣръ, *е* развилось изъ *ъ* въ *цѣсарествемъ*, *безденемъ*; оно перешло изъ этихъ словъ въ ихъ варианты съ окончаніемъ *-имъ*: *цѣсарествимъ*, *безденимъ* Супр. р. 14, 57, и т. п.

Другой рядъ церк.-слав. словъ звучалъ въ однихъ формахъ съ *о*, *е* изъ *ъ*, *ь*, въ другихъ безъ этихъ звуковъ, съ опущеніемъ нѣкогда существовавшихъ здѣсь *ъ*, *ь*: *любовь*, изъ *любъвь*, и *любве*, *любви* и т. д., изъ *любъве*. Послѣднія формы въ церк.-слав. языкѣ эпохи памятниковъ (какъ и въ современномъ русскомъ языкѣ) подверглись вліянію первыхъ формъ и приняли въ себя изъ нихъ *о*, *е*; такимъ образомъ мы читаемъ: *пришелець* *Ассемъ*. Ев. 3 (*е* перешло изъ *пришельца*), *конца* С. Пс. 149 (*е* перешло изъ *конецъ*), *смокови*, *любви* С. Тр. 64, 195 (сравн. русск. *любви* при *любви*).

Переходъ *ъ* въ *о* и *ь* въ *е*, кажется, не былъ обязательнымъ; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ права сказать, что рядомъ съ *сонъ*, весь въ эпоху памятниковъ уже не существовало *сънь*, *въсь* или *въсь*. Употребленіе въ памятникахъ *ъ* и *ь*, т. е. *сънь*, *въсь*, конечно, ничего не доказываетъ: оно можетъ быть объясняемо какъ традиціонное; но *о* и *е* изъ *ъ* и *ь* — обычное явленіе въ современномъ болгарскомъ языкѣ, и ново-болгарскіе говоры, имѣющіе *о* и *е*: *сонъ*, *весь*, *чоляко-тъ*, имѣютъ рядомъ съ *пими* и *глухой*: *сънь*, *въсь*, *чолякъ-тъ*.

Вѣроятно, въ связи съ переходомъ глухихъ въ чистые находится небольшое количество ошибокъ въ церк.-слав. памятникахъ, состоящихъ изъ употребленія *ъ*, *ь* вм. *о*, *е* или на оборотъ: *приобрѣтъхъ*, *оцъть* *размѣшъць* Зогр. 37, 43, *людьмъ* *помыплѣвъщъмъ* Савв. 144, *слѣвеса*, *въстахъмъ* С. Пс. 31, 37, *імо* = *имъ* (дат.) С. Пс. 226, *подъбънъ* С. Тр. 82 и т. п.—*Марко* *Асс.* 89—не ошибка или описка,

а особое образование, развившееся подъ влияніемъ уменьшительныхъ на *ю*; сравн. современн. русск. и сербск. Марко.

Образованіе плавныхъ гласныхъ. Обще-славянскія группы *зр*, *зл*, *ър*, *ъл* + согласный въ кирилло-меоодіевскую эпоху еще сохранялись, какъ показываютъ древне-русскіе кондакари, въ которыхъ *з* и *ь* нерѣдко повторяются (плавные гласные не могутъ повторяться). Въ послѣ-кирилло-меоодіевскую эпоху, въ то время, когда церк.-слав. глухіе начале исчезать изъ произношенія, или даже нѣсколько раньше, названныя группы превратились въ плавные гласные: *зр*, *ър* — въ гласный *р*, *зл*, *ъл* — въ гласный *л*, безразлично, находились ли они подъ удареніемъ, или были не ударяемыми. Эти плавные гласные стали обозначаться въ письмѣ черезъ *рз*, *лз* (рѣже *рь*, *ль*), и этотъ способъ передачи ихъ сдѣлался настолько употребителенъ, что въ церковно-славянскихъ памятникахъ (кромѣ Остромирова Ев.) древнія *зр*, *ър* и пр. совсѣмъ не встрѣчаются (описки и т. п. не въ счетъ), и мы въ нихъ встрѣчаемъ постоянно *рз*, *лз*. Такимъ образомъ обще-слав. *зрдъ* превратилось въ *рдъ*, *зрд* и стало изображаться черезъ *рздъ*; обще-сл. *сѣмръть* дало *сѣмръть*, *сѣмрт'* и стало писаться *сѣмрътъ*, и т. д. Впрочемъ *зрдъ* въ памятникахъ мы не находимъ при *р*, *л* буквы *з* или *ь*, т. е. видимъ написанія въ родѣ *сѣмръть*, которыя вполне убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ *рздъ*, *сѣмрътъ* мы имѣемъ дѣло не съ плавными согласными + глухой, а съ плавными гласными, въ родѣ тѣхъ, какіе въ настоящее время слышатся во многихъ болгарскихъ говорахъ.

Обще-славянскія группы *рз*, *рь*, *лз*, *ль* + согласный имѣли нѣсколько иную судьбу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда за этими группами въ слѣдующихъ слогахъ были чистые гласные, *рз*, *рь*, *лз*, *ль* образовали плавные гласные *р* и *л*; так. обр. дат. п. *крѣви* стала звучать *крѣи*, дат. п. *плѣти* стала звучать *плѣи*. Но въ другихъ случаяхъ, тамъ, гдѣ послѣ *рз* и пр. былъ слогъ съ глухимъ или съ *и*, исчезнувшимъ изъ произношенія, *рз* перенло въ *ро*, *рь* въ *ре*, *лз* въ *ло*. Так. обр. имен.-вин. ед. *крѣвь*, *плѣть*, по исчезновеніи конечнаго *ь*, стали звучать *крѣв'*, *плѣт'*. Примѣры: *крѣвь* Син. Пс. 172 и др., *поскрежьщеть* 76, 253, *плѣть* 127 и др., *слезь* (род. мн.) 84 и др., *слезьна* 179, *углебь* 138 и т. п.

Обще-славянск. группы *зръ, зрь, ърь* и т. п. + согласный иногда (конечно, при удареніи на второмъ глухомъ) слѣдовали группамъ *ръ, рь* + согл. Мы читаемъ бренье С. Пс. 33, 140, С. Тр. 160, Мар. Ев. 353 и др. (при др.-русск. *брьные, берные*). Но они могли давать также (при удареніи на первомъ глухомъ) *ор, ер* и т. п., даже *еро: умерьшамъ* С. Тр. 23, *умерьшими* Кл. Сб. 21 и др., *умерошъ* (вин.) Мар. 221.

Употребленіе плавныхъ гласныхъ было настолько распространено въ церковно-славянскомъ языкѣ эпохи памятниковъ, что заимствованныя изъ греческаго слова съ группами: гласный + плавный согласный, или плавный + гласный, иногда получили вмѣсто этихъ группъ плавные гласные: грѣчскы = *γραιός* Остр. Ев. 220 об., хрѣсти Остр. 145 об., Хрѣсти, Хрѣстови = *Χριστός* Мар. Ев. 170, 152, змръна *σμίρνα* С. Пс. 97, трѣпеза = *τράπεζα* Син. Пс. 168, трѣторъ, трѣторьскъ = *τάρταρος* С. Тр. 100, 94, 98, Хрѣсостомъ = *Χουστόστομος* Кл. Сб. М. 10. Срв. ново-болг. *трѣpezъ, тѣрѣpezъ*.

Церк.-слав. *цѣръковь* С. Пс. 176, *цѣркѣвь* др.-р. Слова Григорія Бог., *хрибеть* С. Пс. 32, 39, 141, 181, рядомъ съ *цѣркы, хрѣбеть, хрѣбѣта*, не имѣютъ никакого отношенія къ переходу глухихъ въ чистые. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ древними явленіями, существовавшими рядомъ въ обще-славянскомъ языкѣ, какъ показываютъ словенск. *čirkva* (при сербск.-чакавск. *srkva*), моравск. *křibet*, верхне-луж. *chrĭbjet*, польск. областн. *chrzybiec* (Wisła 1889 г. III, 743), и потому *и* въ *цѣркѣвь, хрибеть* нельзя считать образовавшимися изъ *ѣ* въ *цѣркѣвь, хрѣбѣть*.

Отжествленіе ѣ съ з. Звуки *з* и *ѣ*, не перешедшіе въ *о* и *е*, въ эпоху памятниковъ въ большей части говорѣвъ церк.-слав. языка стали звучать тожественно; иначе говоря, *ѣ* сдѣлался глухимъ звукомъ одного качества съ *з*. Одни памятники (главнымъ образомъ Зографское Ев., отчасти Саввино Ев. и Супрасл. рук.) еще сохраняютъ по мѣстамъ традиціонное, послѣдовательное употребленіе *з* и *ѣ*, но другіе ихъ смѣшиваютъ. Такъ, Ассеманово Ев. не различаетъ *з* и *ѣ*, и мы въ немъ читаемъ много разъ *ѣ* вм. *з*: только 2, также 3, съѣтника 14, кѣждо 104, вѣньзі, сѣньміштѣхъ 115, ученикъ-тъ 120, зѣль глаголь 127 и т. п.; срв. *крѣвь, врѣтъпъ* Зогр. 42, 67, *вѣзъмъ, пришѣдъ* Савв. 32, 34, *козѣль* Супр 111 (при ко-

зель С. Пс. 105) и т. п. Листки Ундольскаго совѣзмъ не знаютъ ѣ и въ нихъ вездѣ стоитъ з: възъ мирь. Остромирово Ев., памятникъ русскаго происхожденія, въ большинствѣ случаевъ употребляетъ з и ѣ по-русски.

Однимъ изъ слѣдствій отождествленія ѣ съ з было то, что коегдѣ, вмѣсто е изъ древняго ѣ, появилось о: врьтопъ С. Пс. 118, С. Тр. 16 (при врьтальъ Зогр. Ев., Мар. Ев.), сждобъ, род. мн., С. Пс. 102, 215, 265, 266, 275.

Впрочемъ должно имѣть въ виду, что глаголическая буква з чрезвычайно близка по виду къ глаголической буквѣ ѣ и что эти буквы въ памятникахъ различаются съ большимъ трудомъ.

Измѣненія согласныхъ. Согласные, нѣкогда отдѣленные другъ отъ друга глухими, послѣ исчезновенія этихъ послѣднихъ соприкоснулись и оказали взаимное воздѣйствіе. Результатомъ его было прежде всего ихъ отвердѣніе и смягченіе.

Согласные мягкіе, соприкоснувшись съ послѣдующими согласными твердыми, во многихъ случаяхъ отвердѣли; на оборотъ, согласные твердые, соприкоснувшись съ послѣдующими мягкими, смягчились. Эти измѣненія отразились въ церк.-слав. памятникахъ, особенно въ Зографскомъ Ев., Саввиномъ Ев. и Супрасльской рук. (Остромирово Ев. не можетъ идти здѣсь въ счетъ), сохранившихъ остатки правописанія того времени, когда ѣ и ѣ еще различались. Такъ, въ Зографскомъ Ев., гдѣ твердость согласныхъ нерѣдко означаетъ буквою ж (не звукомъ), а мягкость буквою ѣ, мы читаемъ: гумѣно, правѣдж, възѣмжъ 1, бѣсъныѣ, правѣды 2, мѣзда 3, распустныѣ 4, тѣмѣно, тѣма, сельныхъ 6, изѣмж, брѣвно 7; выселисж, възиде, кротѣци 2, вѣнѣти 3, възѣти 4 и т. п. То же въ Супрасльской рук.: дарѣствуи 3, крестѣныѣмъ 4, подѣстѣлавъ 5, сѣзда 6; вѣпѣяхж 2, възѣ 3, въ лице, съ ними 5 и т. п. Между прочимъ отвердѣніе согласнаго имѣло мѣсто въ словѣ вѣдова (ср. санскр. *vidhavā*, лат. *vidua*), и оно является въ ц.-сл. памятникахъ постоянно въ видѣ вѣдова (но въ др.-русскихъ памятникахъ нерѣдко: вѣдова).

Сверхъ того, мы видимъ въ памятникахъ небольшое количество случаевъ полнаго измѣненія согласныхъ, а иногда также и опущенія. Это—бѣство Зогр. 71, Мар. 88, 169 и др., бѣсство Асс. 99, изъ бѣжѣство, розѣство Кл. Сб. 23, Мар. Ев. 48, изъ рождѣство, невѣзѣства

С. Пс. 46, изъ невѣждѣства, кѣникъчим Мар. 83, изъ кѣникъч—, лѣжка С. Тр., изъ лѣжка, ирѣноризъць Супр. р. 90, изъ чр—(сравн. соврем. болг. ирѣнъ, сербск. ирни), що = што Супр. р., изъ чѣто, ирѣрство С. Пс. 43, изъ цѣсарѣство (цѣсарь, рядомъ съ цесарь, цѣсарь, невѣдко въ древне-русскихъ спискахъ съ ц.-слав. оригиналовъ; срв. ново-болг. царь), а также: прѣстоми прѣдъ Богомъ Зогр. 81, прѣстомищимъ Асс. 83, прѣстоми прѣдъ Богомъ Мар. 191, прѣстоми С. Тр. 154 и т. п., изъ прѣдѣст—. Должно замѣтить, что древне-русскія нотныя книги не знаютъ предлога-префикса прѣдъ безъ ѣ и что въ нихъ формы въ родѣ прѣстояти вм. прѣдѣстояти неизвѣстны.

Согласныя мягкіе, сдѣлавшіеся послѣ исчезновенія глухихъ конечными звуками словъ, вѣроятно, во многихъ случаяхъ отвердѣли. Такимъ образомъ древнее дамъ, имѣвшее мягкое ѣ, стало звучать дамъ, съ твердымъ м; древнее чѣсть, съ мягкимъ т, стало звучать честъ, съ твердымъ т, и т. д. Къ сожалѣнію, памятники не позволяютъ намъ съ точностью опредѣлять, въ какихъ именно случаяхъ согласныя мягкіе въ концѣ словъ отвердѣли, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что конечное мягкое м (въ формахъ твор. и мѣст. ед., 1 л. ед.) во время написанія такихъ памятниковъ, какъ Ассеманово Ев. и Син. Псалтырь, уже не существовало.

Кромѣ отвердѣнія въ концѣ словъ, многіе согласныя мягкіе отвердѣли передъ гласными. Это 1) тѣ мягкіе, которые были результатомъ смягченія гортанныхъ и зубныхъ, и 2) плавныя л, р и носовыя н, м.

Шипящіе ж, ч, ш отвердѣли всего чаще передъ слѣдующимъ а, затѣмъ передъ х, рѣдко передъ у; средне-болгарскій языкъ показываетъ, что въ послѣднюю эпоху существованія церковно-слав. языка группы жжъ, ччъ, шшъ, съ мягкими шипящими, еще могли существовать и въ это время перейти въ жа, ча, ша; такъ обр. ц.-сл. душикъ могло перейти въ душа (вин. ед.). Группы жо, чо, шо (тѣмъ болѣе жы, чы, шы) въ церковно-слав. языкѣ были неизвѣстны, и мы встречаемъ ихъ впервые уже въ средне-болгарскихъ памятникахъ: мнѣишому, бывъишому (часто); жыветъ, носяшы Слѣпченскій Апостолъ XII в. 14, 16 об.

Группы *жд* и *шт* отвердѣли въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ и шипящїе. Въ средне-болгарскомъ языкѣ мы также иногда встрѣчаемъ *вижда*, *хошта* (1 л. ед.) = ц.-сл. *виждж*, *хоштж*, съ мягкими *жд*, *шт*. Группы *ждо*, *што*, *жды*, *шты* (не изъ *ждо* и т. д.) были неизвѣстны ц.-слав. языку, и мы встрѣчамъ ихъ уже въ средне-болгарскихъ памятникахъ: *ништому*, *хоташтому*; свѣщы Охридскій Апостолъ XII в. 16 об.

Свистящїе *з*, *с*, *ц* отвердѣли передъ *и*, *у* и *ж*. Послѣ *з*, *с*, *ц* изъ *г*, *к* мы иногда еще встрѣчаемъ—какъ архаизмъ—*ъ* = *я* (хотя написанїя въ родѣ *кназа*, *кназа*, род. ед., —явленїе обычное), но послѣ *с* изъ *х*, въ случаяхъ въ родѣ *насмисатиса*,—*ъ*, *я* въ памятникахъ совсѣмъ неизвѣстны. Группы *зу*, *зу*: *пѣназу* Асс. 161, Мар. 70, *пѣназу* Зогр. 12 и т. п., —обычны; но группа *цу* —сравнительно рѣдка (обыкновенно: *цу*). Въ средне-болгарскихъ памятникахъ мы встрѣчамъ иногда *маза*, *троица*, вин. ед., чтó указываетъ на возможность сохраненїя въ церковно-слав. языкѣ послѣдней эпохи нѣкотораго количества мягкихъ свистящихъ передъ *ж*, въ родѣ *мажж*, *троицж*.

Отвердѣнїе мягкихъ, происшедшихъ изъ гортанныхъ и зубныхъ, должно было совершиться въ послѣднюю эпоху существованїя церковно-славянскаго яз., какъ показываетъ присутствїе въ церк.-слав. памятникахъ древнихъ формъ склоненїя словъ на *жъ*, *чь*, *шь*, *жа*, *ча*, *ша*, *же*, *зь*, *ждь* и т. п.: формы съ отвердѣвшими согласными, въ родѣ *кнази*, *кназу*, еще не успѣли ввести эти слова въ склоненїе твердыхъ основъ. Такъ, мы имѣемъ въ церк.-слав. памятникахъ формы род. ед. въ родѣ *маза* (не *мазы*, какъ жены; исключенїе: *мазы* С. Тр. 111), дат. *мази* (не *мазь*), вин. мн. *кназа*, твор. мн. *кнази* (не *кназы*).

Кромѣ *с* изъ *х*, подверглось отвердѣнїю также древнее *с* въ формахъ мѣстоименїя *въсь* и въ родственныхъ съ нимъ словахъ. Мы нерѣдко читаемъ въ ц.-слав. памятникахъ *вса* (мн. ч. ср. р.), *всакъ*, *всж* (м. проч. Зогр. Ев.)—рядомъ съ *вся*—*въсь*, *всякъ*—*въськъ*, *всж*. Сверхъ того, въ Зографскомъ Ев. мы находимъ *саное* 18 = *сьное*—*сѣяное* (при *сльвъпому* Зогр., *стхъ*, аор., Савв., *стти* С. Тр., не *сльта* нива Супр.).

Отвердѣнїе плавныхъ *л* и *р* (т. е. переходъ мягкаго *л* въ среднее *л*) совершилось сравнительно въ небольшомъ количествѣ случаевъ. Твердое *л* вмѣсто мягкаго мы всего чаще находимъ передъ *ж*: *люблж*,

рѣдко передъ *a*, еще рѣже передъ *y*: помышлаахъ С. Пс. 71, на-
сладшии = насльдиши С. Пс. 184, приключьшюса Мар. 136. Твердое
p встрѣчается несравненно чаще, особенно передъ *ж*, затѣмъ передъ
a и *y*, а также въ концѣ словъ: мору Савв. 21, твораста Супр. 18,
бура 57, Остр. Ев. 244 об., вѣрама=вѣрма С. Пс. 183 и т. п.

Конечно, написанія въ родѣ *риба* Савв. произносились съ твер-
дымъ *p*, т. е.: рыба. Отвердѣнiе *p* въ формахъ кесара, кесару и т.
п. иногда повело къ переходу словъ мягкаго склоненiя въ твердое;
такъ, въ Маринскомъ Ев. мы находимъ дат. кесарови и прилагатель-
ное кесаровъ 164.

Отвердѣнiе носоваго *n* произошло также только въ нѣкоторыхъ
говорахъ ц.-слав. языка, всего чаще передъ *ж*: съблажжъ, гръдыжъ,
рѣдко передъ *a*: съблажмаеть Зопр. 4.—аахъ Мар. 135, огча, род.,
С. Пс. 55. Отвердѣнiе *m* очень рѣдко: срамажса = срамляжса
Савв. 51.

Сравни ново-болг. кошула, земля, люди, луба (рядомъ съ кошула
и пр.), отворж, говорж, робинж (рядомъ съ отвориж, робинж).

Наконецъ, въ концѣ исторической эпохи должно было совершиться
то явленiе, которымъ закончилось существованiе церковно-славян-
скаго языка и началось существованiе языка средне-болгарскаго. Это—
переходъ послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ съ одной стороны *л* въ *ж*,
съ другой—*ж* въ *л*. Церковно-славянскiе памятники имѣютъ лишь
незначительное количество случаевъ этого перехода (изъ которыхъ
часть похожа на описки); мы ограничимся указанiемъ седмимъ (твор.)
Зопр. 60, лъждште Асс. 127, до душж С. Пс. 134, прокаженыжъ
Кл. Сб. (Микл.) 18.

Ново-болгарскiе говоры нашего времени нерѣдко имѣютъ *с*
(иногда носовое) на мѣстѣ ц.-слав. *ж*, ср.-болг. *л*: макед. паенкъ =
ц.-сл. пажкъ, ср.-б. палкъ; гледаеть, гледашти = ц.-сл. глѣдажтъ.
глѣдажшти, ср.-б. глѣдаать, глѣдаащи и т. п.

Изъ литературы предмета.

А м ф и л о х и й архим. О вліяніи греческой письменности на славянскую (Труды 1-го Археологическаго Съѣзда, т. П. М. 1871).—Б е м ъ. Историко-филологическое изслѣдованіе Супрасльской рукописи (Филологич. Записки 1869 г.).—B e r g a i g n e. Du prétendu changement de *bl* en *m* en paléoslave, en lithuanien et en gothique (Mémoires de la Société de linguistique de Paris, II).—B ö t h l i n g k. Ein Paar Worte gegen die altslovenischen Wurzeln mit silbenbildenden *r* und *l* (Bulletin Acad. Наукъ, т. XXII, 1876 г.).—Б о д у э н ъ-д е-К у р т е н з. Глоттологическія (лингвистическія) Замѣтки. Выпускъ I. Воронежъ, 1877. — Подробная программа лекцій въ 1877—78 учебномъ году. Казань—Варшава, 1881.—Б о д я н с к і й. О времени происхожденія славянскихъ письменъ. М. 1855.—В о р р. Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Send, Griechischen, Lateinischen Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. Dritte Ausgabe. Berlin, 1869—1871.—Б р а н д т ъ. Грамматическія замѣтки. Томъ I. Изд. 2-ое. Спб. 1886.—B r u g m a n n. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Три книги. Strassburg, 1886—1890.—Zur Frage nach den Verwandtschaftsverhältnissen der indogermanischen Sprachen (Techmer's International Zeitschrift für allgem. Sprachwiss., I).—Б у д д е. Къ вопросу о надстрочныхъ знакахъ въ древне-славянскихъ и русскихъ рукописяхъ (Филологич. Записки 1887 г. № 5).—Б у д и л о в и ч ъ. Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Варшава, 1833 (срв. Журн. М. Нар. Пр. 1833 г. № 5).—Б ѣ л я е в ъ. Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы. Казань, 1886.—V o n d r á k. Zur Kritik der altslovenischen Denkmale. Wien, 1886.—В о с т о к о в ъ. Разсужденіе о славянскомъ языкѣ (Труды Общ. любит. рос. словесности, ч. XVII, 1820 г. Перепечатано въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ А. Х. Востокова», Спб. 1865). — H a s s e n c a m p. Ueber den Zusammenhang des letto-slavi-

schen und germanischen Sprachstammes. Leipzig, 1876.—H a t t a l a. De contiguarum consonantium mutatione in linguis slaviciis. Prag, 1865.—Г е б а у э р з. Etymologie von книга (Kuhn's Beiträge z. vergleich. Sprachforsch., VIII).—G e i t l e r. Euchologium, glagolski spomenik manastira Sinai-brda. U Zagrebu, 1882.—Psalterium, glagolski spomenik manastira Sinai-brda. U Zagrebu, 1883 (срв. Arch. f. slav. Phil., VII; Listy filologické a paedagogické, XI; Филолог. Зап. 1885 г., вып. 3).—Starobulharská fonologie, ze stalým zřetelem k jazyku litevskému. V Praze, 1873.—Die albanesischen und slavischen Schriften. Wien, 1883.—Г о л о в а ч е в с к і й. Ueber den Lautwerth des glagolitischen њ (Arch. f. sl. Ph., IV).—H ü b s c h m a n n. Das indogermanische Vocalsystem. Strassburg, 1885.—Д а н и ч и њ. Дноба словенских језика. Из лекција. У Биограду, 1874.—ћ и ћ у istoriji slavenskih jezika (Rad Jugoslav. Akad., I).—D e l b r ü c k. Einleitung in das Sprachstudium. Zweite Auflage. Leipzig, 1884.—D o b r o w s k y. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vindobonae, 1822 (русскій переводъ: «Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчю», Спб. 1883—34).—Д ю в е р н у а. Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій. М. 1872.—Z a w i l i ŋ s k i. O stosunku pokrewieństwa języków aryo-europejskich. W Krakowie, 1885.—З е л е н е ц к і й. О языкѣ церковно-славянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ. Одесса, 1846.—K i r s t e. Zum slavischen Palatalismus (Arch. f. slav. Ph., V).—Die Entstehung der Präpositionen *bezъ, vzъ, izъ* und *razъ* (ib., VIII).—К о з л о в с к і й. Zur Geschichte des slavischen Consonantismus (ib., XI).—K o l á ř. O Zografském Evangelium a jeho berlinském vydání. V Praze, 1879.—К о р и т а r. Glagolita Clozianus, id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi... λειψανον... Vindobonae, 1836.—К о т л я р е в с к і й. Объ изученіи древней русской письменности (Филолог. Зап. 1879—1880 гг.).—К о ч у б и н с к і й. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализация плавныхъ сочетаній конс. + л, р + з, в + конс. Два выпуска. Одесса, 1877—78.—Итоги славянской и русской филологии. Од., 1882.—К р е к. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Akademische Vorlesungen, Studien und kritische Streitzuge. Zweite Auflage. Graz, 1887.—К р у ш е в с к і й. Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма (Русск. Филол. Вѣстн. 1881 г. № 1, и отд., Варш., 1881).—К р ы н с к і й. О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ. Варш. 1870.—L a n g. Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinnajského („Zpráva o s. k. real. a vyšším gymnasii v Příbrami“, 1888 и 1890 гг.).—L e s k i e n. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen)

Sprache. Grammatik. Texte. Glossar. Zweite Aufl. Weimar, 1886 (русскій переводъ: «Грамматика старославянскаго языка, съ дополненіями по языку Остромирова Ев.». М. 1890).—Die Vocale *z* und *z̄* in den sogenannten altslovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen. Leipzig, 1875.—Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876.—L u d w i g. Ueber einige nasale Formen im Altslovenischen (Sitzungsberichte der k. Böhmisches Gesellschaft der Wiss., 1874 г.)—M a h l o w. Die langen Vocale AEO in den europäischen Sprachen. Ein Beitrag zur vergleichende Lautlehre der indogermanischen Sprachen. Zweite Aufl. Berlin, 1888.—M i k l o s i c h. Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice supraasiensi. Vindobonae, 1851.—Zum Glagolita Clozianus. Wien, 1860.—Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Erster Band (фонетика). Zweite Ausgabe. Wien, 1879 (срв. Arch. f. sl. Ph., III и IV, ст. Лескина).—Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. W. 1886.—Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, mit Texten aus glagolitischen Quellen. W. 1874.—Beiträge zur altslovenischen Grammatik. W. 1875.—Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. W. 1883.—Die slavischen Elemente im Magyarischen. Zweite Auflage. Besorgt und eingeleitet von D-r L. Wagner. Wien und Teschen, 1884.—Ueber die Lautverbindung *kt* in den indoeuropäischen Sprachen («Festgruss an von O. Böhlingk zur Doktor-Jubiläum, von seinen Freunden». Stuttgart, 1888).—Glagolitisch (Ersch und Gruber's Encyclopädie).—O slovima *s*, *z̄* (Rad Jugoslav. Akademije, IX, 1869).—М и л е т и ч ъ. Особности-тъ на езика на Маринския паметникъ (Периодическо списание на Българск. Учен. Др., XIX—XX, 1886).—М и л л е р ъ Всев. Къ вопросу о славянской азбуцѣ (Журн. М. Нар. Пр. 1884 г. № 3).—M ü l l e n h o f. Zur Geschichte der Auslaute im Altslovenischen (Monatsberichte d. k. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1878).—Н е к р а с о в ъ. Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Спб. 1889.—П е р в о л ъ ф ъ. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Томъ II. Варш., 1888.—P o l í v k a. Kterým jazykem psány jsou nejstarší památky církevního jazyka slovanského, starobulharsky, či staroslovansky (Slovanský Sborník, изд. Елинкомъ, 1883).—Paläographische, grammatische und kritische Eigenthümlichkeiten in dem Makedonischen Prax-apostol (Arch. f. sl. Ph., X).—П о т е б н я. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. I. Воронежъ, 1876. II—III. Варш., 1880—81.—П у т я т а. Къ теоріи индо-европейскаго вокализма. М. 1881.—Р а з у м о в с к і й. Церковное пѣніе въ Россіи. М. 1867—69.—R a ć k i. Assemanov ili Vatikanski Evangelistar. U Zagrebu, 1865.—С м о л е н с к і й. Краткое описаніе древняго (XII—XIII в.) знаменнаго Ирмола, принад-

лежащаго Воскресенскому монастырю. Каз., 1887.—Соболевскій. Стихотвореніе Константина Болгарскаго (Русск. Филолог. Вѣстн. 1884 г. № 4).—Греко-славянскіе этюды (ibid. 1883 г.).—Кирилло-меоодіевскіе вопросы (Кіевск. Универс. Изв. 1885 г. № 9).—De-Saussure. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Leipsick, 1879.—Срезневскій. Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками кириллицы. Спб. 1866.—Древніе памятники юсоваго письма. Съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка. Спб. 1868.—Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (Зап. Ак. Н., XI—XXXIX, и отд. Спб. 1867—81).—T a u l o r. Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets (Arch. für sl. Ph., V).—Ундольскій. Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи (Чтенія Общ. ист. и древн., годъ 2-ой, 1846—47 г., II).—F i s k. Die ehemalige Sprachenheit der Indogermanen Europa's. Ein sprachgeschichtliche Untersuchung. Göttingen, 1873.—Фортунатовъ Phonetische Bemerkungen (Arch. f. sl. Ph. XI—XII).—Č r n ě i c. Assemanovo izbornô Evangelje. V Rimu, 1878.—S c h a f a r i k. Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag, 1858 (русскій переводъ въ «Чтеніяхъ» моск. Общ. ист. и др. 1860 г. кн. 4. Разборъ Викторова въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древн.», Тихонова, 1859—60 гг., кн. 4—5).—S c h l e i c h e r. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Vierte Auflage. Weimar, 1876.—Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn, 1852.—Ist das Altkirchenslavische—slovenisch? (Kuhn und Schleicher's Beiträge z. vergl. Sprachforsch., I).—S c h m i d t Joh. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. I—II. Weimar, 1871—75.—Die Verwandtschaftsverhältnisse der indo-germanischen Sprachen. Weimar, 1872.—Zwei arische a-Laute und die Palatalen (Kuhn's Zeitschrift für vergl. Sprachforsch., XXV. Изложеніе въ Русск. Филол. Вѣстн. 1880 г. № 2).—Verwandeln *l* und *m* im Slavischen und Litaivischen vorhergehende Dentale in *s*? (Kuhn's Beiträge z. vergl. Spr., VII).—Ягичъ (Jagic). Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis, nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.—Маріинское Четвероевангеліе, съ примѣчаніями и приложениями. Спб. 1883. (срв. Götting. Gelehrt. Anzeigen, ст. Мазинга).—Четыре палеографическія статьи. Спб. 1884.—Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien, 1890 (срв. Кіевск. Универс. Изв. 1890 г. № 11).—Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium (Arch. f. sl. Ph., I—II).—Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus (ibid.,

D.—Weitere Uebergänge aus *s* in *ch* im Slavischen (ib., II).—Wie lautete *ж* bei den alten Bulgaren? (ib. III).—Ueber einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus (ib.).—Das altslovenische Evangelistarium pop-Sava's (ib., V).—Die Umlauterscheinungen bei den Vocalen *e*, *u*, *я* in den slavischen Sprachen (ib., V—VI).—Jarosiewicz. Ueber das «Euchologium Sinaiticum». Sine loco et anno.

Другія бібліографическія указанія см. въ нашихъ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка», а также въ названныхъ выше трудахъ Бодуэна-де-Куртенэ («Программа...»). Котляревскаго и Кочубинскаго («Итоги...»).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

Стран.	строк.	Напечатано.	Должно читать.
41	16	сверху	сп.
74	22	—	сп.
75	3	—	сп.

Сверхъ того, на стр. 31 поставлена глаголическая буква *з* вмѣсто глаголической буквы *ь* (последняя отличается отъ первой лишь тѣмъ, что начинается точкою, а не кружкомъ).
